

Ник Перумов
Война мага. Том 3: Эндшпиль
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома», книга 5

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132717
Война мага. Том 3. Эндшпиль: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 978-5-699-16048-8, 5-699-16048-5*

Аннотация

Прихотливы дороги судьбы. От Черной башни, где непримиримые враги Фесс и Этлау вели смертный бой, они приводят их, теперь соратников поневоле, на стены Аркина в противостоянии страшной напасти – нашествию Империи Клешной. Сомневаться не приходится – если не удержать Святой город, а вместе с ним и Эвиал, ни правых, ни виноватых не будет. Не останется вообще ничего. Пока же шанс есть. Главное, чтобы свои и пришлые, наконец, поняли, что они способны победить, лишь соединив силы. Некромант, экзекутор, эльфы Нарна и Вечного леса, маги Ордосской Академии, Волшебный Двор, Клара Хюммель с друзьями, Сильвия и даже загадочный Динтра, – все они отныне воины одной армии, сражающейся во имя жизни...

Содержание

Об эвиальском календаре	5
Хронология событий, описанных в первом и втором томах романа «Война Мага»	7
Интерлюдия I	9
Глава первая	26
Глава вторая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ник Перумов

Война мага. Том 3. Эндшпиль

Об эвиальском календаре

В первой книге цикла «Хранитель Мечей», романе «Рождение мага», автор использовал привычные читателю названия месяцев – «январь», «февраль» и т. д., хотя, разумеется, в Эвиале не было ни Юлиев, ни Августов. Я поступил так лишь для облечения понимания и ориентации.

Год в мире Эвиала продолжался 360 дней, тождественных земным суткам, и разбивался на 12 месяцев, что соответствовало прохождению светила по созвездиям местного Зодиака. Год начинался с зимнего солнцестояния, с самой длинной ночи.

Каждый месяц имел несколько наименований, использовавшихся в различных обстоятельствах. Так, Святая Церковь использовала календарь, где месяцы назывались по «страстям Спасителя», пережитым Им в Эвиале во время Первого пришествия, согласно священному преданию. Существовали народные названия вроде «месяца плодов», примерно соответствовавшего нашему августу.

Выстраивая таблицу соответствия месяцев, надо помнить, что год в Эвиале, во-первых, короче земного на пять дней и начинается на восемь суток раньше. 22 декабря по нашему счёту является первым днём нового года по-эвиальски.

Месяц	Название			Период времени
	книжное	народное	астрологическое	
Январь	Месяц Стужи	Студник, хладень	Лебедь	22 декабря — 20 января
Февраль	Месяц Бури	Вьюжник, сметень	Корона	21 января — 19 февраля
Март	Месяц Света	Светенник, ярень	Щит	20 февраля — 22 марта
Апрель	Месяц Воды	Таянник, журчень	Стрелок	23 марта — 21 апреля
Май	Месяц Листа	Цветенник, листвень	Великий Змей	22 апреля — 21 мая
Июнь	Месяц Выходов	Зеленник, плясень	Колесо	22 мая — 20 июня
Июль	Месяц Песен	Жарник, потень	Жужелица	21 июня — 20 июля
Август	Месяц Плодов	Жатник, скирдень	Медведь	21 июля — 19 августа
Сентябрь	Месяц Золота	Златник, жолтень	Сети	20 августа — 18 сентября
Октябрь	Месяц Ветра	Повейник, задувень	Ладья	19 сентября — 18 октября
Ноябрь	Месяц Снега	Запорошник, белень	Ожерелье	19 октября — 17 ноября
Декабрь	Месяц Ночи	Темник, зашорень	Весы	18 ноября — 17 декабря

Хронология событий, описанных в первом и втором томах романа «Война Мага»

Отсчёт идёт в днях, прошедших с битвы у Чёрной башни.

Фесс и Рысь // *Анэто и Мегана*

Месяц Стужи

10. Битва у Чёрной башни. Рана Рыси. *Битва у Чёрной башни.*

Месяц Бури

15. Фесс и Рысь на Пике Судеб. *Преследование некромант а.*

16. Пик Судеб. Сфайрат.

20. Рысь выходит из забытья.

25. Фесс и Рысь покидают Пик Судеб.

27. Прибытие в Салладор. *Анэто, Мегана и Этлау достигают Пика Судеб.*

28. *Отыскание следа некроманта.*

29. Некромант достигает некрополя. *Отряд магов во главе с Анэто, Меганой и Этлау движается в глубь горы.*

30. *Встреча с гномами в глубине Пика Судеб.*

Месяц Света

1. Восточная Стена. *Подготовка заклатья поиска.*

2. Возвращение в некрополь. *Проложение подготовки.*

3. Поднятие кладбища. *Первое заклатье. «Разрушителя нет на Пике Судеб».*

4. Разупокаивание второго погоста.

5. *Прибытие подкреплений: чародеи из Ордоса и Волшебного Двора.*

6. Вновь некрополь. *Исполнение второго заклатья. Анэто сталкивается взглядом со Спасителем и впадает в беспамятство.*

7. Приход поури. Воскрешение Салладорца.

8. *Анэто приходит в себя.*

9. Восточная Стена. Появление птенцов.

10. Фесс вычерчивает большую магическую звезду.

11. *Мегана по-прежнему тянет время.*

12. *Этлау получает весть о Фессе.*

13. Фесс пересекает границу Салладора и Мекампа. *Покушение Меганы на Этлау, бегство инквизитора и исчезновение Хозяйки Волшебного Двора.*

15. *Речь Анэто перед войском.*

16. Некромант, Рысь и Фейруз обнаруживают птенцов. *Мятежные полки начинают медленное движение на юг.*

17. Скамары присылают припасы. *Анэто и его небольшое войско продолжают марш.*

20. Фесс подчиняет костяных драконов. *Встреча Анэто с Вейде, прерванная нападением воинов Бреннера.*

23. Битва с инквизиторами и мекампским ополчением на р. Лоухе.
24. Клара настигает Фесса и отбирает Мечи.
25. Некромант приходит в себя.
26. Фесс и Рысь вновь на Пике Судеб.

Месяц Воды

2. Погоня за птенцами.
6. После марша через Эгест – сражение с птенцами Салладорца.
7. Войско Фесса достигает предместьев Аркина.
8. Фесс поднимает последние кладбища вокруг Святого города.
9. Некромант, Фейруз и Рысь-Аэсоннэ прорываюся в аркинские катакомбы и встречаются с отцом Этлау.

Интерлюдия I Жажда Кирддина

Путь старого замка на красной скале, плывущей над неведомой бездной, может показаться вечным и неизменным. Над ним полыхают причудливые созвездия, ветер выводит замысловатые рулады на зубцах его стен и башен; некогда на том, что послужило основанием крепости, находили приют самые удивительные создания.

До тех пор, пока не объявились настоящие хозяева. Они именовали себя Новыми Богами; один из них возвёл на красной скале свой замок-твердыню.

Красной скале было совершенно безразлично, как их зовут, этих незваных гостей, отчего-то сразу возмнивших себя хозяевами. Она плыла и плыла себе к одной ей ведомой цели; и никогда, ни разу курс её не изменялся.

Мало кто видел сходство скалы и появившегося на нём замка с Брандеем, таким же летучим островом слуг Хаоса, их крепости, уничтоженной ратями Хедина и Ракота.

Тот, кого звали Хедином, – видел.

В тот вечер, когда названные братья-боги покинули тайную твердыню Хедина, в замке воцарилась тугая, звенящая тишина. Никто не видел, как на почтительном расстоянии от стен, башен и бастионов крепости в воздухе из ничего соткалась человеческая фигура, повисла какое-то время, а затем так же беззвучно растаяла.

Замок пустовал, и никто, по мнению Хедина, не знал туда дороги. Ни единая живая душа не скрывалась за стенами, ничьи глаза не всматривались в даль с верхотуры башен; некому было заметить фигуру, никому ничего не сказали бы проделанные ею сложные пассы; однако сама скала дрогнула и чуть-чуть, самую малость, но изменила курс.

В затянутых туманами безднах под основой летающей громады вспухло несколько смутных огненных пятен, и не поймёшь, то ли это одинокие костры уставших пастухов, то ли – последние мгновения целых миров, гибнущих в пламенной агонии.

Вечер потрясения вступил в свои права.

* * *

А далеко-далеко от зачарованного замка, над бездной, небо Кирддина послушно раскрылось, раздаваясь, словно утроба роженицы. Двое, бессчётные века именовавшие друг друга «братьями», Новые Боги Упорядоченного, вступали в мир, один из множества среди доверенного им владения.

Их «подмастерья» уже действовали здесь и потерпели неудачу. Стремительная Гелерра при всех её талантах ничем не могла помочь миру, погибающему, словно от вампирьего укуса.

– Н-да... – протянул Ракот, когда двое богов очутились на краю взметнувшейся к поднебесью скалы. – Дело для Эйвилль. Когда она наконец окажется здесь?

– По времени этого мира – наверное, через седмицу, – рассеянно откликнулся Хедин, совершенно по-человечески приставляя ладонь и окидывая взглядом широкую панораму.

Острое, словно клык неведомого чудища, насквозь пронзившее земную твердь, каменное наверху поднималось к облакам – вернее, поднималось бы, потому что облака уже давно исчезли с небес обречённого мира. И сами небеса словно выгорели, голубизну разбавило гнилостно-зелёно-жёлтым; леса далеко внизу тихо облетали, горестно шурша последними листьями, приготовившись к смерти, словно доблестные, не знающие отступления бойцы проигравшего войска.

Внизу вольно раскинулась широкая равнина, некогда зеленеющая, а сейчас иссушенная, рассечённая в нескольких местах коричневатými росчерками опустевших речных ложбиц.

– Как в мясницкой, где давно не убивались. – Ракот мрачно обозревал унылый пейзаж. – Кстати, если тебе интересно – замок местного «властилина» во-он там, за теми холмами.

Хедин кивнул.

– Тоже чувствую. Натворил он тут изрядно, Бог Горы его б не только за своего признал, да ещё и в ученики бы попросился.

– Бог Горы... – усмехнулся Ракот давнишним воспоминаниям. – Кстати, где он сейчас? Ты покарал его, но не лишил сущности, верно?

– Верно. И, знаешь, по-моему, он бы тут оказался нелишним. – Хедин прищурился, что-то высматривая на самом горизонте. – Что ж, давай заглянем к здешнему лиходею в амбар, посмотрим, не оставил ли нам что-нибудь интересное?

Ракот ухмыльнулся.

– Что мне всегда в тебе нравилось, брат, так это твои планы. Сколько у них слоёв и отнорков? Ладно, всего ты не рассказываешь даже мне. Ни словами, ни без слов.

– Что тут говорить?! – вдруг взорвался Хедин. – Брат, ты не чувствуешь, не видишь, что мы начали тыкаться, подобно тому как тыкались Ямерт с компанией, не зная, откуда последует удар? Потому я и говорил, что жду вестей от Демогоргона. На его единокровника у меня надежды мало. Четырёхглазого, быть может, всё это лишь забавляет.

– А я тебе говорю, – голова Ракота упрямо нагнулась, – что Демогоргон никогда и никому не сказал ни единого слова. Если, конечно, в его случае вообще уместно употребить само это понятие. Твои маневры стали слишком сложны, брат. Ты стараешься запутать неведомых соглядатаев, а вместо этого, похоже, запутался сам. Оставь Кирддин! В конце концов, давай откроем порталы и выведем из него этих несчастных...

– Нет никакой уверенности, что они не понесут заразу дальше, – глухо уронил Хедин.

– Какую ещё заразу?! Брат, на этот мир напустили магическую немочь. Согласен, весьма хитроумную, пожалуй, не враз раскусишь. Но разве это главное? Постой! – Ракот предупредительно вскинул руку. – Я прекрасно помню твои лекции. Я пошёл за тобой сюда,

ожидая действия. А угодил – на кладбище! Ты подозреваешь компанию на «Я» и их последней? Ну так отправимся за ними! Отыщем и поставим на правёж! Тебя волнует Игнациус, кто нанял его и не стоит ли за ним само Упорядоченное? Чего проще, кто-то из нас осторожно спустится в Эвиал и потолкует по душам с сим достойным чародеем! Ручаюсь, он не станет долго запирается.

– Осторожно спуститься в Эвиал невозможно, брат, и ты это знаешь.

– Тогда отправим туда столько подмастерьев, сколько нужно, – громыхнул Ракот. – Ту же Гелерру. Она не знает поражений, да и другие ей под стать. Они скрутят Игнациуса и доставят его тебе свеженьким и полностью готовым к самому искреннему раскаянию, – последние слова сопровождались хищной ухмылкой, – осознавшего всю глубину своего падения и готового делом искупить свои прегрешения. Простота – залог надёжности. Нет ничего более верного, чем немудрёный рычаг. Зачем головомные комбинации там, где просто надо взять за шиворот пару-тройку негодяев или забывших своё место честолубцев?

Вместо ответа Хедин улыбнулся и приобнял брата за плечи.

– Вот потому-то мы с тобой и продержались так долго, Ракот. Ты действовал, я думал. Одно без другого невозможно. У медали всегда две стороны.

– Но есть и грань, – напомнил Ракот. – Есть и грань.

– Понимаю, – медленно кивнул Хедин. – Можешь считать, что сейчас мы как раз на ней и стоим. На самой грани, разделившей две плоскости.

– Тьфу, пропасть, – уныло сообщил Ракот грязно-зелёным небесам. – Ну что за невезение – иметь брата-бога, спустя столько тысячелетий так и не избавившегося от пристрастия к якобы многозначительным афоризмам?.. Ну при чём тут какие-то грани, Хедин? Так и хочется сказать что-нибудь вроде «когда я был Властелином Тьмы...». – Воитель хмыкнул.

– Нам ещё очень пригодятся твои таланты из того времени, – негромко проговорил Хедин. – На этот счёт можешь быть спокоен.

Он нагнулся, подобрал острый сучок, принявшись чертить на пыльной, потрескавшейся земле какие-то знаки. Ракот глянул ему через плечо.

«Wer gaty», «wer gaty», «нас слушают», – гласили руны, древний язык тёмных армий, созданный Ракотом для своих подопечных.

– Дельный план, – усмехнулся Ракот, присаживаясь рядом на корточки. – Но, по-моему, лучше сделать вот так... – Он выдернул кинжал.

«И при этом не смотрят?» – появились рядом новые руны.

«Только магические проявления».

«Как давно ты узнал?»

«Только что. Когда очутились в Кирддине. Писать пока можно. До срока».

Всё это время голоса Новых Богов обсуждали, с какой стороны лучше подступиться к обиталищу исчезнувшего тёмного властителя и где следует расположить прибывающих подмастерьев.

«Как ты почувствовал?»

«Не зря убил столько времени на Читающих и их народ. Чтобы следить за нами в Кирддине, им пришлось утратить свои усилия».

«Кто?» Кинжал Ракота глубоко вонзился в землю, глаза сверкнули.

«Не знаю. Может, Ямерт и компания».

«А кто ещё?»

«Кто угодно. Дальние. Игнациус...»

«Ты серьёзно? Игнациус?...»

«Я теперь ко всему отношусь серьёзно, брат. Не хочу повторить ошибок наших предшественников».

«То есть они слышали всё, о чём мы говорили в твоём замке?»

«Боюсь, что так, брат».

Вместо ответа Ракот всадил клинок в сухую почву по самую рукоять.

– Отлично, так и сделаем, – суховаато закончил Хедин, бросив краткий взгляд на вычерченные руны. Линии уже сглаживались, исчезали без следа.

– И хорошо б не без драки, – кровожадно добавил Ракот, выразительно кивая на только что стёртые надписи.

...Они не летали по небу, аки птицы, не переносились мгновенно с места на место – нет, двое богов шли пешком через пустынную равнину, словно самые обычные путники. Говорили мало. Хедин избегал даже мыслеречи.

Дорога через умирающий мир выдалась не из весёлых. На пути то и дело попадались пересохшие речные русла, распространяя вокруг отвратительное зловоние; то тут то там в чёрном иле белели кости сгинувших обитателей. Новые Боги прошли и через несколько вымерших деревень, дома разваливались, как будто непонятная немочь поражала не только людей, но даже бревенчатые стены.

– Надо было открывать порталы. – Ракот осторожно провёл рукой над маленьким черепом ребёнка, словно опуская веки, которых уже не было. – Болеют не люди. Болеет мир.

– А люди – часть его, – возразил Хедин. – Оставим это, брат. Мы опоздали. Здесь уже не осталось никого живого – разве ты не чувствуешь? В тот момент, когда мы только-только вступили в Кирддин, его покинули последние жизни. Но даже окажись мы здесь раньше, всё равно открывать порталы было б нельзя. Я сознательно не давал нашим подмастерьям этого заклинания.

– Лучше потерять один мир, чем множество... – буркнул Ракот. Под его руками сухая земля поднялась волною и, словно одеяло, накрыла детские останки. – Да-да, брат, «меньшее зло». Знаю, всё знаю. Только смириться всё равно не могу.

Большую часть пути они проделали, как уже говорилось, пешком. Лишь изредка Хедин принимал свой излюбленный облик коричневокрылого сокола, а Ракот оборачивался чёрным драконом. День успел дважды угаснуть и дважды разгореться вновь, прежде чем названные братья добрались до цели.

Крепость внушала уважение. Во всяком случае, тайный замок Хедина на красной скале показался бы рядом с ней жалкой хижинкой. Стены с братницами,¹ ярусы, боевые рондоли поднимались спиралью вверх, словно громадная пирамида, всё это заканчивалось непропорционально длинной и острой башней с исчезающе тонким шпилем.

Широкий ров пересох, на дне валялись обломки подъёмного моста, могучие ворота из чёрного кованого железа сорвало с петель, изломало и отбросило далеко в сторону. Кое-где серую поверхность стен вблизи от главного входа покрывали оспины выбоин, словно кто-то методично расстреливал укрепления из катапульт, однако в целом твердыня казалась совершенно целой. Гелерра захватила цитадель без боя.

Братья-боги остановились на самом краю тщательно облицованного гладким камнем рва. На дне валялся успевший неведомым образом побелеть костяк какого-то существа размером с хорошего дракона. Надо полагать, прежде эта тварь и ей подобные обитали в заполненном водой рву – лучших стражей и не придумаешь, особенно если держать их не слишком сытыми.

– За сколько же времени он это всё выстроил? – поинтересовался Ракот, рассматривая массивные укрепления.

– Какая разница? – рассеянно отозвался Хедин, направляясь прямо к краю рва. – Пошли. – Он сильно оттолкнулся, одним прыжком оказавшись в проёме ворот.

¹ Братница – крытый выступ, идущий по верху крепостной стены с бойницами в полу, позволявшими сбрасывать камни и т. п. прямо на головы неприятеля, находящегося у самой подошвы стены.

– Божественность иногда оказывается очень полезной, – его товарищ не заставил себя ждать.

– Ну да, особенно когда тебе приходило в голову сыграть неуязвимого воителя, – насмешливо откликнулись из-под арки.

– Ерунда! – возмутился Ракот. – Никогда этим не баловался. Я... гм... всего лишь принимал физический облик, наилучшим образом соответствующий...

– Ладно, ладно, – махнул рукой Хедин. – Знаю. Перевитый мускулами черноволосый и голубоглазый варвар. Очень удобная личина. Я, впрочем...

– Повелитель!.. – Сложив крылья, гарпия Гелерра отточенным движением опустилась прямо с небес на одно колено перед Хедином. – Повелитель, всё готово. Мы обыскали крепость от верхушки шпиля до самых глубоких подземелий и отводных ходов. Ничего необычного, никаких магических артефактов. Какие будут приказания, повелитель?

– Ты составила план крепости, Гелерра?

– О да, повелитель. – Гарпия едва повела кончиком изящного крыла. Прямо в воздухе соткалась алая сеть переходов, залов и казематов.

– Алтарь, – заметил Ракот, мельком взглядевшись в схему.

– Алтарь, о могущественный, – ещё ниже поклонилась крылатая воительница. – Мы нашли следы жертвоприношений. Больше всего людей, но есть и иные расы, как наделённые магическим даром, так и нет.

– Как ты думаешь, – прищурившись, Хедин рассматривал висевшую перед ним карту, – почему здешний владыка сбежал без боя? Возвести столь внушительные бастионы, потратить уйму времени, сил – и бросить в единый миг?

– Одни лишь имена великих Хедина и Ракота внушают ужас их врагам! – гордо выкрикнула гарпия.

Она не лестила, не подлизывалась. Она действительно истово в это верила.

– Если б так... – проворчал Ракот. Его названный брат лишь сощурился и ничего не ответил. – Проведи нас, пожалуйста, к алтарю, Гелерра.

– Повинуюсь! – По-прежнему стоявшая на одном колене гарпия истово поклонилась и в единый миг очутилась в воздухе. – Великих прошу следовать за мной. – Она заложила акробатический пируэт и легко понеслась вперёд, играючи ориентируясь в лабиринте узких улочек, круто поднимавшихся в гору, к самому сердцу цитадели.

– Здесь даже крыс не осталось, – проговорил Ракот. – Никуда не делись, бежать некуда, так что просто передохли, а уж их-то, казалось бы, никакая зараза не берёт.

Вместо ответа Хедин замедлил шаги возле тонкой и высокой дозорной башни, пригнутой на углу, похоже, исключительно для красоты; нагнулся, подобрал осколок кирпича.

«Внимание, – появилась руна на стене. – Говорим об алтаре. Должны себя проявить».

«Я про то же, – ответил Ракот. – Жду, как только вошли в крепость».

Хедин молча кивнул, отбросил затупившийся обломок.

Цитадель бессмысленно пялилась на них чёрными провалами окон – за ними ни рам, ни занавесей, ничего свойственного жилью.

– Кем он повелевал, этот властелин? – Ракот распахнул широкие створки деревянных ворот в двухэтажном здании. За ними открылся широкий двор с глубокими ямами, стены и дно облицованы камнем, всюду – вделанные в кладку кольца с цепями и ошейниками. – Гелерра?

– Половина его подданных – люди, повелитель. – Гарпия мгновенно оказалась у братьев над головами. – Наёмники. Остальные – чудовища, но куда меньше ожидавшегося. Почти всех мы перебили ещё на взморье.

– Так я и думал, что люди, – фыркнул Ракот, презрительно пнув створку – она сорвалась с петель, пролетела десяток саженей и с грохотом рухнула в ближайшую яму. – Ни драконами, ни кем-то столь же серьёзным тут и не пахнет.

– Его армия была сильна магией, повелитель, – позволила себе пояснение Гелерра. Хедин кивнул.

– Не замкнул ли он на себя всё доступное этому миру чародейство, – задумчиво пророчил Ракот. – Я с таким встречался, правда, до подобного, – он кивнул в сторону окружающей замок пустыни, – нигде не доходило.

«Меня занимает не это», – молча написал Хедин.

– На алтарь хочу взглянуть, – произнёс он при этом вслух.

Верная Гелерра, как обычно, ничему не удивилась и не задала никаких вопросов.

Внутри главной цитадели стали появляться какие-то признаки того, что некогда здесь обитали живые существа: бордовые и оранжевые драпировки на стенах, длинные столы, покрытые чёрными, не без изыска вышитыми скатертями, кованные шандалы, где ещё оставались свечные огарки, кое-где по углам валялись пустые деревянные миски, другая утварь.

Увиденное скорее походило на обычный королевский двор после славной пирушки, нежели на обиталище ужасного тёмного властелина.

– Самое интересное мы нашли в подземелье, повелитель, – предвосхитила удивление названных братьев Гелерра.

Открылся просторный зал, где на возвышении красовался чёрный трон исполинских размеров; спинка у державного седалища казалась донельзя неудобной, из сотен копий, древки их переплетались, точно гибкая лоза. Хедин равнодушно прошел мимо.

Ракот, ухмыльнувшись, сорвал со стены повешенный там громадный бердыш таких размеров, что пришёлся бы по руке лишь какому-нибудь великану. Пальцы бывшего Владыки Тьмы, нормальные пальцы обычного человека даже не смогли обхватить толстенное топориче, однако чудовищное оружие лежало в его руках как влитое.

– Говорил я тебе – возьми свой меч, – ворчливо напомнил Хедин брату.

– Ни к чему, – отмахнулся тот. – Здешний враг не про него.

Познавший Тьму только покачал головой.

– Сюда. – Тем временем Гелерра сложила крылья, опустившись возле неприметной дверки сразу за тронном.

– В лучших традициях, – недобро усмехнулся Ракот, когда они начали спускаться по истёртым каменным ступеням. – И когда только так стоптать успели?

– Они не успели, брат, – отозвался Хедин, опускаясь на корточки. – Откуда это всё взялось, Гелерра?

– Здешний хозяин разорил все более или менее древние храмы, до каких только смог дотянуться, – немедленно отозвалась исполнительная гарпия.

– Собирает намоленное, – кивнул Ракот, с усилием протискивая за собой чудовищный бердыш, с которым он почему-то не пожелал расставаться.

«Это не обманка», – написал Хедин на стене, воспользовавшись железным конусом для факелов. Сейчас он намеренно прибег к символам, понятным для гарпии.

Гелерра сверкнула глазами, почтительно поклонилась, выдернула кинжал, каллиграфически добавила снизу:

«Крепость настоящая. Они не стали драться потому, что были слабы».

«Если бы», – возразил Ракот.

Что-то здесь было странное, в этой крепости. И дело даже не в залах, стенах или бастионах. Что-то неладное творилось тут и с магией. Хедин часто останавливался, замирал, крепко зажмуриваясь, словно к чему-то прислушиваясь. Постояв так, досадливо встряхивал головой и шагал дальше.

Винтовой ход закончился в подвалах. Тут до сих пор висел тошнотворный запах крови и внутренностей; Хедин невольно вспомнил жуткие чертоги Бога Горы. Повсюду разбросаны многочисленные пыточные приспособления, на полу – тёмные пятна, в одном месте на зловещего вида мясницкой колоде валялся кожаный палаческий фартук.

– Узники, Гелерра?

– Мы никого не нашли, повелитель. Отступавшие перебили всех. Тела сброшены в колодец с трупоедками.

– Это кто ещё такие? – нахмурился Ракот.

– Здешний властелин на досуге занимался выведением новых сортов полезных ему растений, – пояснил Хедин. – Из обычной росянки-мухоловки смастерил, слова другого не подберу, такое, что... – Он только махнул рукой.

– Там нет отнорка? – повернулся к гарпии Ракот. – В этом колодце?

– Великий повелитель сомневается в моей тщательности? – Гелерра опустила глаза. – Там нет никаких ходов.

– Тогда надо всё сжечь, – решил Хедин. – Не хочу, чтобы хоть одна спора вырвалась на поверхность.

– Да тут и так кладбище, – заметил Ракот. – Даже если и вырвется, всё равно сдохнет. За неимением пригодных для поедания трупов.

– Мало ли кто тут шляться может... – неопределённо отозвался Хедин.

– Ты отослал её, брат, зачем?

– Много будет знать, скоро состарится, – вслух ответил Хедин. Его руки выводили в это время:

«Жду, когда они начнут. Думаю, что взорвут всю крепость, когда мы спустимся ещё ниже – или даже сейчас».

– Тогда пошли, чего время терять! – невозмутимо ответил Ракот, поудобнее перехватывая великанский бердыш – в его руках лёгкий, словно пёрышко.

За уровнем камер и пыточных начинались казематы, где явно варили магические декокты и наделяли волшебными свойствами оружие. Обычный чародей – окажись он сейчас здесь – решил бы, что ему наконец-то привалила настоящая удача; маг Долины тоже нашёл бы чем поживиться, однако Новые Боги проходили мимо всего колдовского инструментария, даже не повернув головы. Хедин не зря высоко ценил Гелерру: гарпия была совершенно права – ничто из находившегося здесь не заслуживало и взгляда.

Столбы и станки с зажатыми в штативах драгоценными камнями или – что тоже встречалось – обезображенными конечностями или органами, вырванными у живых существ, и людей, и нелюдей; запасы каких-то трав, клетки с умертвлёнными змеями и иными гадами; низкие закопчённые потолки, камины и очаги, разинувшие почерневшие пасти, где точно сгорела не одна жизнь; калительные печки, колбы и реторты, соединённые холодильными змеевиками.

Несколько замысловатых стеклянных сооружений Ракот с особым удовольствием разнёс в пыль своим жутким бердышом.

Ещё ярусом ниже находились заклинательные кельи, где, как пояснила Гелерра, держали чародеев, осмелившихся бросить вызов здешнему хозяину. Их каким-то образом удавалось использовать даже против их собственной воли.

– Алтарь здесь, повелитель. – Гелерра остановился у низкой арки, впору разве что какому-нибудь гному.

Хедин вновь ограничился кивком.

«Внимание!»

«Сам знаю!» – с ухмылкой отозвался Ракот.

Зал, где совершались жертвоприношения, оказался высечен в толще живого камня. Кирпичная кладка уступила место тщательно отполированным стенам. Низкое помещение – ни Новые Боги, ни Гелерра не могли даже выпрямиться в полный рост – тянулось на десятки саженей. Здесь царил крошечный мрак; по старой привычке Хедин небрежно повёл рукой, и в кольцах по стенам сами собой вспыхнули многочисленные факелы. Стали видны ряды глубоких ниш, где застыли уродливые изваяния; Ракот прошёлся вдоль их ряда, время от времени кивая, словно узнавая старых знакомцев.

– Кого-то вспомнил, брат? – окликнул его Хедин, остановившийся у алтарного монолита.

– Не то слово, – буркнул Ракот, возвращаясь. – Почти всех встречал.

– Лицом к лицу?

– Именно, брат. Во-он тот... – Бывший Владыка Тьмы махнул рукой в сторону ближайшего идола. – Да, тот, со щупальцами на голове и шестью руками. Бар-агор, мелкий божок, возжаждавший, как и положено таким натурам, всевластия. Зачем ему всевластие и что он станет с ним делать, бедняга, конечно же, не понимал, потому как его убогая фантазия не простиралась дальше груды сокровищ и тринадцатилетней девственности на обед. Но способности у него имелись, равно как и воля с упорством. Он действительно докопался до любопытных вещей в ритуальной магии. Нашлись адепты, кто записал это в книги...

– Конечно же, с переплётами из человеческой кожи? – Хедин позволил себе усмешку.

– Разумеется. В конце концов злодейства этого самого Бар-агора дошли до слуха... м-м-м... одного странствующего воителя. Он счёл их достойными своего вмешательства и, разумеется, эпической поэмы в несколько десятков тысяч строф, каковую местные аэды станут исполнять самое меньшее пару тысячелетий...

Вместе с Хедином улыбнулась и несдержавшаяся Гелерра.

– О судьбе бедолаги Бар-агора можно не спрашивать, – заметил Познавший Тьму. – Потому как тем «странствующим воителем» оказался не кто иной...

– ...как я, – с готовностью подхватил Ракот, широко ухмыляясь. – Славный был поход, что и говорить, повеселились на славу. Аколитов пришлось перебить всех до единого, потому как...

– Не всех, – Хедин прервал названного брата. – Ты перебил не всех. Кому-то явно удалось ускользнуть. Причём и из своего родного мира. Иначе откуда тут эта статуя?

– Гм... верно, – несколько сконфуженно признался Ракот.

Новые Боги и гарпия остановились у жертвенного камня. Гелерра ждала приказов; Ракот что-то ворчал себе под нос, время от времени косясь на статуи в нишах, верно, вспоминал былых знакомцев; Хедин же просто застыл, сам сделавшись подобным изваянию.

Здесь, в сердце пустой крепости, он ждал вражьей атаки. Давным-давно, когда вокруг Хединсея море кипело от крови, он поступал точно так же. Давал возможность врагам обломать зубы о его неприступные бастионы, с тем чтобы потом нанести разящий контрудар.

Что же они медлят? И он, и Ракот – вот они, в самом сердце тщательно подготовленной для них ловушки. Мышеловка должна вот-вот захлопнуться; чего же ещё ждут те, кто её насторожил? Чтобы победители спустились глубже? Или начали что-то делать с алтарём?.. Может, ничего внешнего здесь вообще не предвидится и тщетна его, Хедина, надежда отыскать приводную ниточку, тянущуюся к... кому? «Компании на „Я“?.. Дальним? Кому-то совершенно иному, о чьём существовании до сих пор не подозревали даже они, Новые Боги?

Стой, сказал он себе. Какие ещё «совершенно иные»? Рассуждай трезво, Хедин. Твоя «божественность», к сожалению, не включает в себя всеведение. Приходится уповать на методы смертных.

Но время шло, идола тупо и злобно пялились из своих ниш, а ничего не происходило. Атаки не последовало, основания замка не затрещали, не рухнули стены и потолки, башни

не провалились в раскрывающиеся подземелья; Ракоту наскучило стоять без дела, и он вновь отправился рассматривать уродливые статуи, по-прежнему небрежно волоча за собой исполинский бердыш. Названому брату Хедина пришлось изрядно согнуться и втянуть голову в плечи, чтобы не отбить макушку о низкие своды.

Гелерра осторожно переводила взгляд с напряжённого, окаменевшего лица Хедина на непривычно согнутую спину Ракота и тоже не шевелилась.

– Надо же, – услышали они бас бывшего Владыки Тьмы. – Занятные тут идолы. Кажется, оживают.

Ракот не удивлялся, не предостерегал. Он лишь сообщал о чём-то, с его точки зрения, достаточно забавном. Хедин резко обернулся, губы досадливо дрогнули – он ничего не почувствовал.

Зато Гелерра молнией метнулась к Ракоту. Тесный подвал не давал ей расправить могучие крылья, но гарпия и без того не зря состояла у Хедина в подмастерьях.

А статуи действительно оживали. Ничего необычного или, тем паче, нового для названных братьев в этом, конечно же, не было. С подобным они сталкивались сотни, если не тысячи раз – многочисленные мятежные чародеи во множестве разных миров свято верили в мощь и непобедимость големов, не жалея сил, создавали целые галереи высеченных из камня или выкованных из стали существ, доверяя им охрану своих логовищ.

– Бар-агор, приятель, – с усмешкой бросил Ракот, заведя, как приземистый шестирукий идол сошёл с постамента, на ходу сбрасывая каменную шкуру; под ней, словно змеиное брюхо, маслянисто блестела желтовато-грязно-белая чешуя. Глаза под венчиками щупалец вспыхнули свирепым голубым пламенем.

Властелин Тьмы выразительно взглянул на названного брата. Мол, вот она, твоя атака, ты доволен? Давай бери этих кукловодов за глотку, пока я забавляюсь с их глупыми игрушками...

– Топай сюда, да поживее, давненько ведь не виделись, – продолжал издеваться Ракот. Былой Властитель Тьмы искренне желал затеять драку.

Следом за шестируким Бар-агором из ниш выдвигались другие страшилища. Отражения и образы древних богов из давно ушедших времён, кем-то заботливо собранные тут, в этом подземелье, и, наконец, после стольких тысячелетий дождавшиеся своего часа.

Ракот давно и ничего не страшился. Что может сразить Нового Бога, тем более когда он не играет в «смертных воителей»?

Бар-агор шипел и злобно шевелил головными щупальцами. Ракот презрительно хмыкнул и плашмя рубанул бердышом – поднять его над головой брат Хедина не мог, мешали низкие своды.

Лезвие высекло сноп искр и отскочило от обтянутой грязно-жёлтой чешуёй руки чудовища. Ракот отступил на шаг, прищурился.

– Вот, значит, как... – с интонациями заправского драчуна протянул он. – Что ж, так оно даже интереснее.

Богу нет нужды творить заклинания, размахивать руками или там вычерчивать руны. К его услугам свободно текущая сквозь миры, нематериальная, не осязаемая никем, кроме лишь самых сильных чародеев, субстанция, та, что дарует жизнь людям и свет звёздам. Только потянись к ней – и Упорядоченное послушно вручит своему распорядителю и щит, и меч.

И Хедин, и Гелерра мгновенно ощутили короткую, резкую судорогу, словно земной толчок; но пол под ногами оставался, конечно же, совершенно неподвижен. Это содрогнулось то, что незримо пронзало несчастный мир, что текло сквозь него, не задерживаясь; Ракота словно окутал видимый лишь его названому брату да гарпии плащ; бердыш вспорол

застонавший воздух и на сей раз просёк неподатливую чешую ожившего идола. Просёк – и завяз в массивной ручище.

– Ракот! – резко бросил Хедин. – Хватит ба...

Очевидно, он хотел сказать «хватит баловаться», но в этот миг ему самому пришлось отражать атаку – существо, более всего напоминавшее громадного богомола с тонким женским лицом, выбросило переднюю конечность, усаженную зловещего вида крючьями; настала очередь стонать воздуху, рассекаемому уже над самой головой Познавшего Тьму.

Это было удивительно. Это было неправильно. Пустив в ход свою собственную магию, Ракот обязан был развалить своего противника надвое первым движением. А вместо этого...

– Брат! Ракот! – Хедин не тратил времени на бессмысленные «дуэли». Былой властитель Хединсея лишь на неразличимый миг замер, взглянув прямо в заполненные белым пламенем глаза на женском лице чудовища, – и оно тотчас вспыхнуло, жидкий огонь вырвался из глазниц, растекаясь по шее и туловищу.

Тварь закричала – отчаянно, совершенно по-человечески, покатилась, колотя шипастыми лапами по камню и оставляя на нём лохмотья горящей плоти. Её агония длилась недолго.

– Повелитель! – Гарпия очутилась рядом, плечо в плечо с Хедином, её антрацитовые глаза светились счастьем: сражаться рядом с тем, кого любишь всем своим существом, – чего ещё надо гордой Гелерре? На них надвинулась ещё пара оживших идолов, массивные чело-векоподобные создания в низких рогатых шлемах с широченными резаками в руках. Гарпия, легко отбив выпад, ответила стремительным уколом в шею, точно вогнав обманчиво тонкий игольчатый трёхгранный клинок прямо в щель между краями шлема и панциря. Оружие вспыхнуло зелёным и вырвалось из её рук, а удар массивного щита отправил Гелерру на пол.

Хедин что-то резко скомандовал на никому, кроме него и Ракота, неведомом тут языке. Идолы сперва оцепенели, а потом вяло, словно нехотя повернулись спинами к Познавшему Тьму, приняв на себя следующую атаку своих недавних собратьев. Но двигалась эта пара неловко, замедленно, и двое атакующих смяли их в считанные мгновения.

Ракот тем временем молодецки рубился с Бар-агором: конечности существа густо покрывала ярко-алая кровь, от одной руки остался короткий обрубок, однако оживший идол и не думал слабеть или сдаваться. А Ракот, в свою очередь, по какому-то непонятному упрямству пытался одолеть его в честном бою, простой сталью.

Идолы один за другим сходили с постаментов, равнодушно перешагивали, переползали или перепрыгивали через истерзанные останки своих предшественников. Ракот отмахивался бердышом, Хедин заставил потерявшую сознание Гелерру плавать в воздухе у себя за спиной и, отбивая очередную атаку, всё ещё чего-то ждал.

И дождался.

Первой начала изгибаться стена, где до этого в нишах дремали идо­лы. Камень с трес­ком лопался, но крошево и не думало осыпаться на пол, оно двинулась на Хедина тёмной тучей; уже по-настоящему затрясся и заходил ходуном пол, раскалываясь и вздымаясь самой настоящей волной; что-то тяжко гудело и содрогалось над потолком; замок разваливался, но как-то уж очень странно, обломки оставались висеть в воздухе, со всех сторон надвигаясь на Новых Богов, подминая под себя и обращая в такие же обломки оказавшихся на их пути идо­лов; Ракот с искажившимся лицом швырнул бесполезный бердыш под ноги, что-то выкрик-

нул, и всклубившееся вокруг своего бывшего повелителя облако Тьмы оттолкнуло, смяло и растворило в себе напирающие волны ожившего камня; Хедин с бесчувственной Гелеррой на руках окружил себя сферой сияющего света. Названные братья сходились спина к спине, свет и тьма сливались воедино; а сверху всё рушились и рушились живые лавины, камень подземелий принимал новые обличья – чудовища, двуногие, похожие на людей, крылатые создания и просто комки с глыбами, безымянные солдаты неведомой новой армии.

Новые Боги только и успели обменяться краткими взглядами.

Ракот с видимым усилием вскинул руки над головой, словно ныряльщик на краю обрыва, под которым плещутся морские волны; и в кипящий хаос рушащихся сводов вонзился пламенно-алый клинок, с трудом прокладывая себе путь сквозь ряды неведомого войска; следом за ним, окружённые слитой из света и тьмы бронёй, поднимались и Познавший Тьму с Гелеррой.

Меч Ракота резал громады ожившего камня, тысячи слепящих молний били из тёмных рядов в защищавший Новых Богов щит; шипя и пузырясь, текли потоки расплавленной тверди, клубы едкого дыма заполнили небольшое остававшееся свободным пространство; но сфера с Хедином, Ракотом и Гелеррой внутри всё же поднималась.

Ни один человек, гном, орк или даже бессмертный эльф не выжил бы в эпицентре этого катаклизма. Стало нечем дышать; Ракот, весь в поту, удерживал меч, кромсающий каменные волны; Хедин с тревогой заглядывал в лицо бесчувственной Гелерре:

– Скорее, брат!

– Как... могу! – прохрипел Ракот. – Тут... такое... навалилось!.. Помогай!

По лицу Хедина прошла судорога мгновенной боли. Боги тоже не неуязвимы.

Одной рукою удерживая гарпию, Хедин положил вторую на плечо Ракоту, и тот сразу попытался расправить сстулившиеся было плечи. Огненный меч пошёл скорее; ничего невозможно было разглядеть, ожившее каменное море сомкнулось вокруг названных братьев, мрак рвали молнии, короткие, словно нож ночного убийцы, то и дело всплывали отдельные части разорванных на куски, но тем не менее очень даже живых идолов: то Бар-агор, лишившийся нижней половины туловища, но по-прежнему разевающий пасть, лапал пятью оставшимися ручищами тусклую поверхность защитной сферы, лапал – и тотчас отдёргивался; рёв твари тонул в грохоте чудовищного обвала.

...Казалось, это никогда не кончится. Но в конце концов чёрно-белая сфера пробила-таки последний покров, и Хедин с Ракотом и Гелеррой очутились высоко в воздухе, над кипящей тёмной горой, настоящим ожившим исполином. От величественной крепости не осталось и следа, башни, шпили, бастионы – всё превратилось в мелкое крошево; оно, словно полчище муравьёв, жадно накидывалось на пришельцев, до последнего пытаясь завалить их и похоронить под собою.

Гора бурлила, по поверхности, то и дело менявшей цвет, ходили настоящие волны, вспухали и лопались громадные пузыри, между вздымающимися гребнями то и дело проскакивали молнии.

Чёрно-белый шар медленно опустился на почтительном отдалении от того, что ещё совсем недавно казалось несокрушимой крепостью.

Ракот с рычанием упал на одно колено, лицо его блестело от пота. Бледный Хедин склонился над Гелеррой, быстро и отрывисто касаясь кончиками пальцев её горла, где под тонкой полупрозрачной кожей слабо пульсировали тёмно-синие жилы.

– Вырвались, брат...

Хедин отрывисто кивнул и быстро прижал палец к губам извечным человеческим жестом, одинаковым и у смертных, и у богов.

Ракот покачал головой.

– Тут такое творилось, что никакому Читающему не пробиться. Мы сорвались с поводка. Прислушайся сам, я займусь Гелеррой.

Познавший Тьму вновь молча кивнул и – ещё одна давняя, неизбывная привычка человеческого тела – закрыл глаза, сосредотачиваясь.

– Ты прав, – наконец отозвался он. – Привяжь... действительно лопнула. Надолго ли, впрочем?

– Неважно, – отмахнулся Ракот, с совершенно бесстрастным выражением нажимая какую-то точку на шее Гелерры. Гарпия содрогнулась всем телом, застонала и открыла глаза.

– Вот так-то, – удовлетворённо заметил былой Властелин Тьмы.

Некоторое время ушло на то, чтобы окончательно залечить изломанные крылья небесной девы.

– Ну и что скажешь, брат? – Хедин повернулся к Ракоту; Гелерра в это время осторожно попыталась подняться в воздух. На роль обузы она категорически не соглашалась.

– Скажу, что они ловко всё это подстроили. – Ракот встал рядом с названным братом; вдвоём они смотрели на продолжающуюся агонию того, что осталось от могучей крепости. Впрочем, агонию ли? Скорее новую жизнь, иное существование: едва не сокрушившая Новых Богов диковинная армия постепенно приходила в себя, всё реже сверкали молнии, реже взлетали острые пики, и вся исполинская масса медленно, но верно выползала из котлована, двигаясь прямо к вырвавшейся из её тенет добыче.

– Кажется, она на этом не успокоится, – заметил Хедин. – Что ж, оно и к лучшему.

– Во всяком случае, есть шанс понять, что же это такое, – усмехнулся Ракот, тотчас, впрочем, посерьёзнев. – Никогда не сталкивался ни с чем подобным. Ни в бытность Тёмным Властелином, ни когда мы с тобой сокрушали Брандей.

– Точно. – Скрестив руки на груди, Хедин не отрывал пристального взора от медленно ползущего монстра, сейчас больше всего напоминавшего громадного слизняка. – Но, во всяком случае, одно ясно уже сейчас...

– Они не столько хотели разделаться с нами, сколько проверяли, на что мы по-настоящему способны, когда станем сражаться за свою жизнь, – закончил Ракот.

– Вот как? – Хедин поднял брови.

– Именно. Суди сам, брат: они пытались уничтожить наши тела, ничто иное. Хотели выяснить, как далеко простирается действие Закона Равновесия на нас самих.

– Но они действительно привели в действие исполинскую мощь, – задумчиво проронил Хедин. – Таковую мощь, что Весы не могли не покачнуться, они неизбежно покачнулись бы!

– Они и покачнулись. Потому-то мы и вырвались из ловушки, – согласился Ракот. – Иначе там бы и остались.

– Нет. Не потому. Смерть Кирддина... теперь мне кажется, что я понимаю. Каким-то образом они – или он? – собрали в одно место всю разлитую по миру магию. Всю животворящую силу. Я зря надеялся на Эйвилль, даже эльфийке-вампиру такое не раскусить и не распутать клубок управляющих заклинаний.

– Это не похоже на Ямерта и иже с ними, – негромко проговорил Ракот.

– Согласен. Я больше скажу – это и мне не под силу, – признался Хедин. – Умертвить целый мир, обратить всё это в единое заклятье...

– Идолы послужили отвлекающим манёвром.

– Точно. И, надо признаться, мы с тобой дали себя отвлечь. – Ракот мрачно осклабился.

– Ты, я вижу, выходишь из личины воина-варвара, очень хорошо, – не без ехидства заметил Познавший Тьму.

– Не настолько сильно и приросла ко мне эта маска, – не слишком любезно огрызнулся Ракот. – Это же очевидно: выбрать для атаки не нашу сущность, а материальную плоть

– именно проверять, как далеко мы пойдём, сопротивляясь. И позволяет обойтись сравнительно малыми силами.

– Ничего себе «малыми»...

– Чтобы устроить такую же ловушку для нашего с тобой... божественного, – Ракот прищёлкнул пальцами, – боюсь, потребовалось бы умертвить сотню таких миров, как Кирддин.

– Не беспокойся, умертвят, – мрачно посулил Хедин. – Они ни перед чем не остановятся. Мораль, какая бы то ни была, им чужда.

– Дальние... – словно пробуя слово на вкус, задумчиво проговорил Ракот.

– Почти уверен. Кто ещё способен организовать такое?

– Я страшусь «очевидного», – признался Владыка Тьмы.

– Ты? Ты можешь чего-то «страшиться»? – Кажется, Хедин действительно поразился.

– Раньше – нет. А теперь – да, – мрачно отвернулся Ракот. – И мне не нравится, что о нас действительно многое узнали. Суди сам: теперь они понимают, что мы не смогли в единый миг перенестись куда подальше, что мы не смогли в тот же единый миг изменить нашу физическую форму так, чтобы опасность не грозила ни нам, ни Гелерре. Что мы не нашли ничего лучше, как встретить силу силой. Вспомни, брат, когда Мерлин, светлая ему память, пустил в тебя то копьё – как ты справился с ним?

– Разъял заклатье на составляющие, – подняв бровь, заметил Хедин. – Но то было совсем другое. Обычное, понятное волшебство. Мерлин был одним из нас. Сильнейшим, возможно; но не непобедимым и не непостижимым. А эти... до сих пор помню их атаку на Хединсей. И боюсь, что всё это время они тоже не сидели сложа руки. Чему свидетельство. – Он кивнул в сторону медленно ползущего «слизняка». За ним оставался голый камень, чёрный и дымящийся.

– Я бы всё-таки не утверждал так категорично, что это именно Дальние, – остерёг Ракот. – Есть в конце концов и много других. Кроме даже компании на «Я» и твоего разлюбленного Игнациуса. Есть Спаситель, о котором мы вообще почти ничего не знаем. Есть, если помнишь, Новые Маги, про них вообще никто не вспоминал невесть сколько времени. А они ведь бессмертны: Замок Всех Древних разрушен и Поколения не сменяют друг друга. Есть мир Источника, где, насколько я знаю, так и сидит бессмертный Мимир. Есть и твари Неназываемого...

– Никто ничего не сможет утверждать наверняка. – Хедин не отрывал взгляд от ползущей тёмной массы. – Ну что, брат, не станем оставлять после себя грязи?

– Не станем, – согласился Владыка Тьмы. – Но тут нужно не простое заклатье, а...

– О да, конечно же, не простое, – съехидничал Хедин. – Сам бы я нипочём не догадался. Давай по обратимому?

Он не договорил. Слов не требовалось. Ракот хищно оскалил зубы, сжал кулаки, на лбу вздулись вены.

Две фигуры застыли, подобно тем самым идолам в подземелье. Тёмный «слизняк» тупо и неостановимо полз к ним навстречу, а потом – нет, с небес не сошли волны пламени, несчастная земля Кирддина не разверзлась, просто передняя кромка ползущей массы стала менять цвет с чёрного на слепяще белый, поднялись клубы пара, и лица Новых Богов исказились одинаковой болью.

Кто знает и кто опишет, как встречается с одной незримой силою другая, столь же незримая и неведомая? Вода точит камень, топор валит дерево, корни травы разрывают плоть скалы – это всё видимо глазу и понятно. Однако сейчас состязались не огонь, не молнии и не какие-либо орудия разрушения вообще: даже мощи Новых Богов, которую они могли направить против нового врага, не хватило бы, если только не нарушать Закон Равновесия.

Дать запертой в ожившем камне силе другую дорогу. То, что убивает, с такой же лёгкостью может и дарить жизнь – в этом отличие магического оружия от выкованного из стали.

Но вот пробить эту самую «другую дорогу»...

Было отчего до крови прокусывать губы, сдерживая утробный стон.

Ракот просто стискивал кулаки, Хедин бессознательно поднимал правую руку, тянул ладонь вверх по широкой дуге; пар поднимался всё выше, клубы его становились всё гуще, и едва можно было разглядеть искрящийся, светящийся, сияющий, словно свежий снег под зимним солнцем, край наползающего монстра.

Гелерра заложила крутой вираж, резко опустилась, почти что рухнула рядом с названными братьями. Сердце гарпии разрывалось от желания помочь, поддержать, хоть чем, хоть как – однако ещё твёрже она знала, что никакие её усилия ничего сейчас не изменят. Новые Боги тшились изменить путь рушащейся на них (и на весь Кирддин) лавины, и смертным, даже непростым, даже принадлежащим к избранному кругу подмастерьев Познавшего Тьму, следовало отойти в сторону.

Несколько белых молний бессильно хлестнуло в стороны, словно слепо мечущийся хлыст в руках незрячего исполина. Ни Хедин, ни Ракот не пошевелились. Правая рука Познавшего Тьму всё так же медленно поднималась, словно он тянул на себя незримую тяжесть. Обливающийся потом Ракот глухо рычал сквозь стиснутые зубы.

Как же это отличалось от того, что Гелерре доводилось слышать о далёком прошлом повелителей, когда они сражались с прежними владыками Упорядоченного! Те сражения были яростны и кровавы, но враг не страшился схватки один на один. Здесь же противник искусно замёл все следы, расставил ловушки...

Гелерра не знала и не могла знать того, что уже успели понять Познавший Тьму и его названный брат: уничтожив всё живое в Кирддине, их неведомые визави сосредоточили такую мощь, что она на какое-то время сравнялась даже с силой Новых Богов, той, что они могли смело пустить в ход, не боясь вступить в противоречие с великим Законом.

И всё же братья побеждали. Клубы шипящего пара поднялись до самого неба, закрыли горизонт, а мелькавшие в их разрывах снежно-белые щупальца каменного исполина уже не текли, не струились вперёд, а завивались кольцами, пересекались, сливались, бессмысленно кружились на одном месте.

А потом завеса пара внезапно исчезла. Мир Кирддина замер в абсолютной тишине, белая завеса сгнула, и на миг стала видна искрящаяся, совершенно неподвижная гора, наподобие огромной сахарной головы. Всё застыло, оцепенело, замерло, движение прервалось, и Гелерре показалось, что этот великан так и останется тут на вечные времена, настоящим монументом победе Новых Богов; однако миг истёк, и там, где только что возвышалась гора, устремился к поражённым злой гнилью небесам крутящийся смерч иссиня-чёрного пламени.

Белое и чёрное. Две грани, два предела. А между ними – жизнь.

Кирддин содрогнулся до самых глубинных своих оснований. Чёрный смерч становился всё выше, пробивая воздушные слои, грозя дотянуться ненасытной пастью до звёздных пределов, уже сотрясённых прокатившимся небывалым громом.

Хедин резко уронил правую руку.

Горизонт, казалось, сейчас встанет дыбом.

Чёрное пламя, словно достигнув незримого предела, растекалось по небосводу жутковатыми, пугающими облаками, однако небо за ними голубело, болезненная гнилость исчезала; а когда столб пламени рассеялся, расточившись за краем окоёма, то на месте едва не погубившей братьев-богов ловушки остался только ровный зелёный луг, покрытый жёлтыми, дружно повернувшимися к солнцу цветами.

Плечи Хедина поникли. Тяжело вздохнул Ракот, попытался дрогнувшей рукою утереть пот со лба.

Гелерра метнулась к ним – однако оба брата-бога остановили её одинаковыми жестами.

– Погоди.

– Не сейчас.

– Смотри, портал.

Среди цветочного великолепия медленно росла пара тёмных колонн, между ними трепетало призрачное покрывало всех цветов радуги.

– Сработало, брат... – Ракот наконец справился с дрожью, утерев лоб тыльной стороной ладони.

– Кто врата открывал-то, сам Владыка Тьмы, – слабым голосом отшутился Хедин.

– Гелерра, – повернулся Ракот к гарпии. – В Кирддин должны вновь вернуться люди. Я открыл портал... правда, только в один соседний мир, пожалуйста, проследи, чтобы его нашли те... кто достоин. Возьми сколько требуется помощников.

– И не мешкай, Гели, – мягко проговорил Хедин, словно извиняясь за то, что приказания гордой гарпии отдавал не он сам, а Ракот. – Это очень важно. Не менее важно, чем уничтожение этого. – Он кивнул через плечо, где ещё совсем недавно высились бастионы чужой крепости. – Мы останемся ждать Эйвилль. Когда справишься с этим делом, возвращайся... на обычное место.

– Слушаю и повинуюсь, – сверкнула глазами гарпия. – Но... но ты, вели...

– Сколько можно тебе говорить, что ко мне не следует так обращаться? – вздохнул Хедин. – С нами всё будет в порядке. Естественный ток магии восстановлен. Уже сейчас реки и моря возвращаются в свои ложа. Ещё чуть-чуть – и оживут леса. Птицы, звери...

– А люди? – не выдержала Гелерра. Она не забыла земляную волну, накрывающую, словно мягкое одеяло, маленький череп погибшего ребёнка.

Хедин опустил голову; его словно терзал мучительный стыд.

– Людей нам не оживить, Гели. – И, небывалое дело, Познавший Тьму шагнул к гарпии, бережно коснувшись её по-птичьи тонкого плеча. – Этого не смогут сделать даже Столпы третьей силы. Только Творец... если бы Ему ещё оставалось дело до Его собственного творения...

– А Спаситель? – подал голос Ракот. – Молва приписывает ему подобные чудеса.

– Молва, конечно, приписывает, – усмехнулся Хедин. – Пока сам не увижу, ни за что не поверю. Ну, хватит мешкать.

– Повинуюсь!

Гарпия взмыла в воздух, несмотря на недавние раны, и помчалась прочь, туда, где встали лагерем полки Новых Богов.

– Поздравляю, брат. – Хедин улыбнулся. Кажется, он уже почти забыл, как это делается.

– Но шли-то мы сюда не за этим. – Ракот тяжело уселся прямо наземь.

– Не за этим. Но узнали всё равно многое.

– Что они вполне могут с нами потягаться? Что не остановятся перед убийством целого мира? А что будет, если под нож пустят не один мир, а сто? Я уже сейчас ломаю себе голову, как это предотвратить: сейчас им потребовалось, чтобы мы сами полезли головой в петлю, а если научатся чему-то ещё, скажем, перебрасывать эту силу на расстояние?

Хедин ничего не ответил. Только поднялся, плотно сжав губы.

– Нам пора, брат.

Мрачный Ракот промолчал.

– И пошлём за Богом Горы. Хватит ему даром небо коптить.

– А я бы вспомнил об Ордене Прекрасной Дамы, – проворчал бывший Властелин Мрака.

Хедин на миг сощурился, остро взглянув на друга-соратника.

– Чего? – фыркнул тот. – Орден Прекрасной Дамы. Верные рыцари Сигрлинн. Дисциплина даже не железная, она каменная. Не отступают и не сдаются. Умирают с радостной улыбкой на устах...

– Если убеждены, что их смерть приблизит возвращение их повелительницы, – с кривой полуулыбкой-полуухмылкой перебил Хедин.

– Так ты потому не берёшь их в подмастерья...

– Потому что Сигрлинн, как тебе прекрасно известно, погибла. Тогда, в тот день, когда её же ученица обернулась против неё, на Хединсее, – с гневом вновь перебил Познавший Тьму. – Или же когда мы штурмовали Брандей, – добавил он уже тише. – Она не вернётся. Исчезла. Сгинула бесследно. Её никто не видел. Никаких следов. Даже Читающие бессильны.

– Ну да. Её никто не видел живой. Но никто не видел и мёртвой, – возразил Ракот. – И совершенно незачем заявлять об этом в открытую тем же рыцарям Прекрасной Дамы. Они могут оказаться полезны.

Хедин только мрачно дёрнул щекой, отворачиваясь.

– Ну, как хочешь, – пожал плечами Ракот. – Я их подкармливаю... втайне, конечно. Глядишь, и пригодятся.

– Не сомневаюсь, – процедил сквозь зубы Познавший Тьму. – Подкармливай. Только чтобы я об этом ничего не знал. Как-то, знаешь, мне не по себе от такого. Попахивает некрофилией.

– Ты уже и так знаешь, – пожал плечами Ракот. И, помолчав, глубокомысленно добавил: – От себя не убежишь, брат.

– «От себя не убежишь...» Что ж, спасибо за напоминание, – скривился Хедин. – Очень ново и оригинально. Ты, без сомнения, первым додумался до столь глубокой и поучительной сентенции.

– Не сердись, – примирительно сказал Ракот, кладя руку на плечо Познавшего Тьму. – Ты ведь любил её, брат, и любишь по сей день...

– Ты сегодня положительно невыносим. – Хедин резко поднялся. – Давай займёмся делами. Мне казалось, их у нас хватает.

– Несомненно. – Ракот откровенно ухмылялся. – Но Орден я всё же призову. Такие мечи никогда не оказываются лишними.

– Делай как знаешь, – сухо отрезал Хедин, прекращая разговор.

Отвернувшись и стал смотреть вверх, в небо над мёртвым миром, сейчас внезапно и резко затягивавшееся невесть откуда взявшимися тучами – но теперь уже самыми обычными, дождевыми.

Хлынул ливень, звонко забарабанил по иссушенной земле, и стоявшие лагерем дружины Новых Богов не прятались от него в палатках и тентах. Люди и нелюди в молчании подставляли руки под прохладные струи; они знали – Познавший Тьму и его названный брат победили.

Жажда Кирддина кончилась.

Глава первая

– Я ждал тебя, некромант, – повторил преподобный отец Этлау. Некогда экзекутор третьего ранга, а теперь... кто знает, какое теперь занимал он место в тайной иерархии Святого Престола!

Быстрее всех, как и положено, оказалась Рыся. Здесь, в маленькой каморке, таилось нечто, подавлявшее всю и всяческую магию, даже древнюю волшбу драконов, – девчонка не могла перекинуться. Зато свистнула, вспарывая воздух, гномья сабля.

– Спокойно! – Инквизитор проворно отшатнулся. – Достопочтенная дочь моя, тебе нет нужды посягать на меня с оружием. Если бы я хотел причинить вам вред, поверь, уже бы причинил, а не вступал в разговоры. Давайте всё-таки вложим мечи в ножны и поговорим спокойно.

Фесс осторожно приобнял Рысю за плечи.

– Пусть он говорит, дочка. – И повернулся, стараясь поймать взгляд Фейруза.

Но смуглый мальчишка словно бы окаменел на пороге камеры, невидящие глаза уставились прямо перед собой.

– С ним всё в порядке, сударь мой некромант, – поспешил Этлау. – Я надеюсь, ты не будешь на меня в претензии за этот маленький трюк.

– Пр-р-редатель, – зарычала Рысь, тиская эфес сабли.

– Нет нужны обвинять беднягу, – примирительно протянул ладонь инквизитор. – Он всё-таки действительно был у нас служкой. А людей я запоминаю быстро и надолго. Ну и, – он помялся, как бы в смущении, – возможности у нас тоже появились, несколько иные, чем раньше...

– Это я запомнил ещё по Чёрной башне, – сквозь зубы сказал некромант. – Значит, мальчик должен был привести нас к тебе?

Этлау кивнул.

– И прости, что я задействовал негатор магии. Ты тоже должен его помнить, ещё по Эгесту и Кривому Ручью.

Фесс только усмехнулся. Это-то он помнил отлично.

– Единственное, что ты также мог бы заметить, – продолжал инквизитор, – негатор подавляет *любую* магию в этой камере. Любую, и моя не исключение.

– После того, что я видел там, на льду, едва ли ты вообще нуждаешься в магии, преподобный.

– Не стоит перебрасываться язвительными репликами. – Этлау наставительно поднял палец.

– Тогда переходи к делу, святой отец. – Фесс оглядел камеру, покосился на стоящий в углу костыль, явно принесённый сюда инквизитором; потом присел на древнюю дубовую скамью у стены. Рысь немедля оказалась рядом, по-прежнему напряжённая, готовая к бою.

Несчастный Фейруз так и замер в глубоком трансе.

Потирая руки, Этлау прошёл по камере, вытянул на середину древний устрашающего вида табурет, на котором в своё время явно пытали узников; инквизитор устроился напротив Фесса, скрестил руки на груди.

Некоторое время все молчали.

«Вот оно, значит, как. – Мысли некроманта прыгали, как испуганные кролики. – Мы можем поставить паренька на поводок за несколько добрых лиг. Можем заставить его привести драгоценную добычу к нам, причём добыча ничего не заподозрит. Ну, или почти ничего. А когда она разберётся, будет уже поздно. Ну что ж, поздравляю, преподобный. Уел, как

сказали бы мальчишки. А Фейруз ведь мог завести нас и под какую-нибудь плиту или на потайную дверь над каменным мешком...»

– Я не хотел схватки. Я хочу разговора, – по-прежнему мягко произнёс Этлау. – Я помню нашу первую встречу, Неясыть. Я готов признать, что был тогда... во многом не прав. Ты усмехаешься, я понимаю – мол, что мне проку в твоих признаниях! Согласен, толку немного.

– Говори, говори, святой отец. – Фесс постарался усмехнуться как можно циничнее. – Может, мне и станет понятно, почему совсем недавно ты гнал тысячи людей умирать под стенами Чёрной башни, а сейчас разводишь со мной душеспасительные беседы, да ещё и подавив свою собственную магию!

– Всё движется по спирали, – с важным видом, вновь поднимая палец, провозгласил инквизитор, словно не замечая насмешки некроманта. – Мы вполне мирно говорили с тобой в придорожном трактире, не помнишь? Потом сделались... нет, не врагами, но, как я считал, мы служили совершенно разным силам, абсолютно несовместным друг с другом. Я – Спасителю, ты – Тьме, пытающейся разрушить наш мир...

– И что же изменилось, святой отец? – Фесс продолжал усмехаться, но уже больше по инерции. Взгляд инквизитора... в этом взгляде единственного глаза появилось что-то совершенно новое. Тоска. Страх. Неуверенность. «Или это мне очень хочется их там увидеть?» – постоянно остужал себя некромант.

– У нас вышел небольшой спор с магами Ордоса и Волшебного Двора. – Этлау поморщился, отчего-то потёр грудь. – Они, извольте ль видеть, сударь мой Неясыть, попытались меня уничтожить.

– Не могу не заметить, что с радостью встал бы с ними плечом к плечу, – заметил Фесс.

– Благодарю за откровенность. – Инквизитор светски улыбнулся. – Но речь сейчас не об этом.

«И даже не об орке, гноме и Рысе-первой, с которых ты начал разговор», – подумал Фесс.

– Некромант. – Отец Этлау глубоко вдохнул, словно набираясь решимости. – Ты умный человек и, конечно же, уже догадался, чего я хочу.

– Нет, в эти игры я играть отказываюсь, – покачал головой Фесс. – Ты привёл нас сюда, преподобный. Тебе и речь вести. А я буду слушать.

Этлау вновь скривил тонкий рот, вроде как любезно и приятно улыбаясь. Так, наверное, улыбалась бы змея, умей она это.

– Неправильно, – вдруг сказал он. – Неправильно играть, надеясь, что соперник совершит ошибку, где-то проговорится или что-то в этом роде. Я так больше не хочу, некромант. Похоже, ты – единственный, кто может ответить на мои вопросы. Точно так же, как и я – тоже единственный, кто знает ответы на твои.

– И что? – стараясь выдержать спокойный тон, отозвался Фесс. – Да, у меня много вопросов. Первый и самый главный – что изменилось по сравнению с Чёрной башней? Ты уже не рвёшься уничтожить меня любой ценой, святой отец?

– Ответ очевиден: нет, не рвусь. – Этлау устало потёр ладонями щёки. – Мы оба стремимся к Истине, некромант. Только разными путями.

– Поразительное признание из уст верного слуги Спасителя, – съязвил Фесс.

Рысь одобрительно подмигнула.

– В этом-то всё и дело, – медленно произнёс Этлау. – Верного слуги, это верно. Но вот Спасителя ли?

Фесс лишь немалым усилием удержал на месте готовую отвалиться челюсть. Этлау усомнился? Светоч веры, кремьень, готовый отправить весь мир в Серые Пределы, если это будет означать победу его бога?..

– Я не случайно упомянул наш, м-м-м, спор с магами, – тем временем продолжал инквизитор, явно заметив растерянность Фесса. – Они замыслили покушение. Попытка уничтожить меня с помощью магии провалилась. И тогда Мегана в отчаянии решилась на последнее средство. Вместе с наёмником пырнула меня ножом. Ударила в лёгкое, а её головорез полоснул по горлу. Вот, смотри. – И Этлау решительно распахнул инквизиторский плащ, распустил завязки рубахи.

Рыся целомудренно отвернулась.

Горло инквизитора действительно пересекал тонкий багровый шрам, совсем ещё свежий. Свежим оказался и след на боку.

– Удостоверься, что это – следы от настоящих ран, некромант. – Этлау оставался убийственно серьёзен. – Мне нужно твоё доверие.

– Я верю, – спокойно отозвался Фесс. Неважно, на самом деле, подлинные это шрамы или нет. Гораздо важнее – что же в конечном итоге хочет ему предложить этот хитрый лис?

– Раны, как ты понимаешь, смертельны. Но я подготовился, я хорошо подготовился. Я остался в живых, а Мегану пленил и доставил в... в соответствующее место, не в Аркин, предупреждая сразу, искать её здесь бесполезно. Сейчас она под надёжной охраной...

– Зачем мне это знать, святой отец?

Этлау облизнул пересохшие губы.

– Я стараюсь быть откровенным, Неясыть. Поверь, это вовсе не просто после долгих лет... когда говорить можно только то, что... – Он махнул рукой. – В общем, Мегана сейчас в наших руках, в руках святых братьев. Однако ей ничего не угрожает. Я не собираюсь мстить.

Фесс выразительно поднял одну бровь.

– Да-да, не собираюсь. Потому что я понял – отчего они хотели убить меня.

– Не будет ли досточтимый отец-эзекутор любезен развеять тьму моего невежества по этому предмету?

– Язвишь, Неясыть... – вздохнул Этлау. – Ну, неужто сам не догадаешься? Или уже догадался, но просто не хочешь говорить, всё ждёшь меня? Ладно, оставим. – Инквизитор запахнул плащ и подался вперёд, глядя некроманту прямо в глаза. – Они решили, что я – слуга Тьмы. Такой же, как и ты.

– Вот даже как, – только и смог вымолвить Фесс. Похоже, отец-эзекутор преуспел по крайней мере в одном из своих начинаний – сегодня ему уже дважды удалось удивить некроманта.

– Не «даже как», а именно так. И не смотри такими глазами, дочь моя, я говорю чистую правду. – Рысь сердито фыркнула. – У тебя славная дочурка, некромант. По-хорошему зави-
дую.

Девочка-дракон скорчила гримаску.

– В нашем мире тьма-тьмушая обездоленных, нищих, сирот. В любой деревне крестьянин в голодное время с радостью продаст тебе младенца, да ещё и будет молиться за твоё здоровье, потому что так выживет и этот малыш, и другие его дети, – бросила она. – Возьми ребёнка, стань просто отцом, а не только лишь «святым» или «преподобным».

– Твоя дочь умна, откровенна и справедлива. – Этлау повернулся к Фессу. – Да, ты права, прекрасное дитя. Очень надеюсь, что у меня останется достаточно мирных, спокойных дней, чтобы вырастить... – Он резко оборвал сам себя. – Речь не о том, Неясыть. Маги Ордоса и Волшебного Двора решили, что я – слуга Тьмы...

– Это ты уже говорил, инквизитор. Пожалуйста, переходи к главному.

Щёки Этлау покрывал лихорадочный румянец, единственный глаз блестел – инквизитор явно пребывал в страшном волнении.

– Ректор Ордосской академии, Анэто, взбунтовал ряд полков армии, что была собрана для штурма Чёрной башни. Они двигаются на юг, к Аркину.

– О-о, – как мог насмешливо протянул Фесс, хотя ему, конечно, было совершенно не до смеха. – Святой Престол оказался меж двух огней. С севера надвигается армия магов, полная решимости довести до конца начатое Меганой, с востока подступили птенцы Салладорца, да ещё и моя армия мёртвых!

– Ты совершенно прав, – без тени улыбки ответил инквизитор. – На самом деле Святому Престолу угрожает ещё больше врагов, просто ты не о всех слышал. Из добровольного заточения вышли эльфы Нарна, вступив в альянс с Вечным лесом. Королева Вейде отринула давнюю унию с Инквизицией.

– Надо же, – притворно удивился некромант. – Все предали, ну буквально все! Никому нельзя верить в наши дни, решительно никому!

– Ты, Неясыть, сегодня изрекаешь исключительно прописные истины. – Этлау и глазом не моргнул. – Но – любезность за любезность – зачем ты проник в Аркин?..

– Нет, преподобный, – покачал головой Фесс. – Ты хотел говорить, не я. Вот и договаривай до конца. Предложить мне союз?

– В известной степени, – кивнул инквизитор. – Но меня волнуют не полки поури, не поднятые тобой мертвецы и даже, как ни странно, не птенцы Салладорца. Меня волную я, если можно так выразиться.

Костяшки стиснутых и переплетённых пальцев отца-эксекютора побелели.

– После того удара, – глухо сказал он, морщась, словно от боли, и проводя пальцами по шраму на горле, – после того, что я пережил под заклатьем магов... во мне родились сомнения. Я ведь умирал один раз, Неясыть, умирал в Арвесте, и был возвращён к жизни Спасителем. Возвращён для особой миссии, как мне тогда казалось. А сейчас... знаешь, некромант, где-то я даже благодарен Мегане и остальным. Они, конечно, мятежники, вольнодумцы и ересиархи. Но они оказали мне великую услугу. Догадываешься, какую? Они явили мне поразивший меня недуг. Страшный и, возможно, неизлечимый. Но я, скажу просто и без патетики, предпочитаю смотреть прямо в лицо грядущему, пусть даже и лишь одним глазом.

– И ты хочешь, преподобный...

– ...чтобы ты, с кем непосредственно говорила Тьма, – понижая голос до шёпота, наклонился вперёд инквизитор, – чтобы ты помог мне отыскать ответ.

– За просто так? За твои красивые глаза, то есть один-единственный красивый глаз?

– Ну, почему же «за просто так», – оскорбился святой отец. – Ты помнишь, с чего я начал разговор? Прадд, Сугутор и Рысь – эти имена для тебя ещё хоть что-нибудь значат?

– Предположим, – как можно спокойнее отозвался некромант. – Предположим, отец-эксекютор. И что дальше? Ты хочешь сказать, что они были живы всё это время? Ложь, Этлау. Я бы знал.

– Я тебе их покажу. – Инквизитор не отвёл взгляда.

– Живых или мёртвых? – Кулаки у Фесса сжимались сами собой. Рядом глухо ворчала Рысь-драконица, по-прежнему тискавшая рукоять сабли.

– Ты всё увидишь.

– Живых или мёртвых?! – взревел Фесс, одним движением оказываясь около сидевшего инквизитора и сгребая его за грудки.

Этлау не сделал попытки освободиться, но некроманту показалось, что с таким же успехом он может попытаться сдвинуть с места конную статую кого-нибудь из древних мельинских императоров.

– А говорил – без магии, – вспылила Рысь.

Этлау небрежно отмахнулся.

– Вновь повторяю – ты мудра, дитя. Это сидит во мне, вгрызлось так, что... – Он только покачал головой. – Тут не поможет никакой негатор.

Некромант отпустил эзекутора. Тяжело дыша, отступил, почти рухнул на грубую скамью.

– Пока не добьюсь от тебя правды...

– Не станешь ничего делать, верно? Понимаю, понимаю. Ну, хорошо, скажу так: орка и гнома ты, наверное, ещё сможешь вернуть к жизни. Тут помогут только твои знания. А вот с девушкой всё куда хуже...

«Её нет ни среди мёртвых, ни среди живых», – припомнилось Фессу.

– Я смогу провести вас к ним, – продолжал обещать Этлау. – Всё уже приготовлено. – В углу валялся небрежно брошенный мешок. – Там одеяния святых братьев. Мне никто не дерзнёт задавать вопросы.

Сердце Фесса бешено колотилось. Он ведь уже слышал эти речи – давным-давно, кажется, в совершенно иной жизни, в иссушенной салладорской пустыне, окружённый войском всё того же преподобного Этлау.² Отец-эзекутор второго ранга Иероним, из эгестской консистории. Тогда он им не поверил. Счёл – и не без оснований – хитро расставленной ловушкой. Не поддался.

Выходит, отцы-инквизиторы не лгали?..

Он быстро взглянул на Рысю. Она явно тщила что-то ему сказать, но, увы, негатор отца Этлау блокировал даже врождённую способность драконов к мыслеречи.

Сфайрату это бы очень не понравилось, мелькнула мысль.

– Что ж, пойдём. – Кажется, голос меня таки выдаёт», – подумал Фесс. – В конце концов, напасть ты мог и сейчас. Если, конечно, не решил покуражиться. Расплатиться за некрополь, за Кривой Ручей... за всё.

– Напасть я мог давным-давно, – кивнул Этлау. – Но мне нужно сейчас совсем иное. Сюда, пожалуйста. – Он с подчёркнутой учтивостью поднялся, указывая на дверь в левой от себя стене.

Некромант покосился на Фейруза.

Что-то было не так. С самого начала.

Ну конечно!.. Фесс подавил острое желание хватить себя по лбу.

Негатор магии. По словам инквизитора, артефакт подавлял *всю* магию, включая его, Этлау, собственную.

Видать, не подавлял. Или же инквизитор с присущей святым братьям предусмотрительностью оставил себе путь отступления.

Рыся тоже выразительно покосилась на смуглого паренька, правая её бровь задралась почти до самой чёлки. Тоже поняла. И скорее всего именно об этом и хотела предупредить.

– Прошу за мной, – повторил Этлау, поворачиваясь спиной и первым шагая через порог. Фесс и Рыся осторожно последовали за ним. Словно сомнамбула, двинулся и Фейруз.

Низкий коридор, гладкие стены, гулкое эхо. Тьму прорезал яркий фонарь в руке инквизитора; четверо шагали подземельями Аркина, шагали в непривычной для некроманта магической тишине, если можно так выразиться: он ничего не ощущал, шёл, словно обычный смертный. Негатор чародейства получился у преподобного Этлау просто на славу.

– Скучно так шагать, – вдруг прозвенел голосок Рыси. – Достопочтенный отец, могу ли я спросить?..

– Спрашивай, дитя, – слова инквизитора источали патоку.

– Ты свирепо штурмовал Чёрную башню, не щадя ни себя, ни других. Я была там. Я всё видела. После того как мы ответим на твои вопросы, ты...

– О, я понял, всё понял, – закивал отец-эзекутор. – Нет, дочь моя, я не собираюсь с вами враждовать. Ещё совсем недавно я отдал бы всё, жизнь и блаженство души, отдал

² См. роман «Одиночество мага», т. 1., стр. 450–451.

бы с лёгкостью, чтобы только уничтожить проклятого Разрушителя. Ведь Разрушитель, его воплощение – одно из трёх общеизвестных пророчеств, знаменующих Второе пришествие Спасителя. Воплощение Разрушителя, прорыв Тьмы и появление Отступника, хотя с последним до сих пор не согласны многие в Курии... Я всей душой стоял за исполнение Его замысла, но... – он развёл руками, – сейчас уже не знаю, чему верить. Удар Меганы – хотите верьте, хотите нет – открыл мне глаза. Я умирал, дочь моя, умирал и воскресал, и... – Этлау содрогнулся, – я заглянул в то место, что вы, некроманты, называете Серыми Пределами. Всю мою жизнь я верно служил Спасителю. Я верил, что после телесной гибели душа моя вознесётся к Его престолу. Что мои дела будут строго и беспристрастно рассмотрены, и мне будет определена посмертная судьба...

– Что же случилось? – голос Рыси казался полон самого искреннего сочувствия.

Этлау остановился, повернулся, взглянув прямо в глаза девочке-дракону.

– Я знаю, кто ты, дитя, – негромко сказал он. – Ты – тот дракон, с которым мы схватились у башни. Ты изменила облик, но сущность твоих пращуров от меня не спрячешь. И это ещё один проклятый дар, которого я страшусь. Я знаю, ваш род наделён способностью везде и всюду отличать правду от лжи, вы легко читаете в людских душах... я говорю тебе правду, дитя, когда кинжал Меганы дошёл мне до сердца... я умер. На краткий миг, но я умер. Я не чувствовал боли, ничего. Но я видел весь Эвиал, от крайнего западного предела, залитого Тьмой, до последних укывищ богомерзких дуоттов на востоке. И я видел... – голос упал до почти неразличимого шёпота, – я ощутил Её во мне. Куда яснее и чётче, чем стоя под истребительным заклинанием ордосских магов. Я ощутил Её во мне, понимаешь, некромант?! Так же, как, наверное, и ты ощущаешь Её в себе... После этого я был сам не свой. Плохо помню, что творилось со мной. Я убил наёмника, пленил Мегану, пытался убить Анэто... маги обратились против меня. Многие святые братья, вставшие на мою сторону, погибли... я скорблю обо всём и обо всех, но сейчас самое главное – чтобы ты смог помочь мне, Неясыть.

Не переставая говорить, Этлау повернулся и зашагал дальше по коридору.

– Вернувшись в Аркин, я был словно безумный. Я... стал другим. Совершенно иным, и даже не знаю, человеком ли. Я молился... день и ночь я просил Спасителя вразумить меня и защитить своего верного слугу от тенет Тьмы.

– Он не отозвался, – спокойно заметила Рыся. Она не спрашивала, она утверждала. – А ведь после Арвеста ты верил, что именно Он спас тебя...

У инквизитора сквозь зубы вырвался сдавленный стон.

– Да, я верил, и я думал именно так. Но... сейчас я вижу только Тьму. Чувствую только Тьму. Смотрю на себя подле Чёрной башни... и понимаю, что не был собой. Может, только в те краткие моменты, когда пытался говорить с тобой, некромант.

– Не могу сказать, что те твои речи могут служить образцом разумности, Этлау.

Инквизитор горько усмехнулся.

– Именно. Кому-то очень хотелось, чтобы мы вцепились друг другу в глотку, как два бешеных пса. Никогда не помню у себя такой ярости.

– А Большие Комары? – напомнил Фесс. – Когда ты с лёгкой душой принёс в жертву двоих, чтобы только упокоить погост и не дать мне сделать мою работу несравнимо меньшей ценой?

– Я блуждал во мраке, раньше почитая его светом, – помедлив, ответил инквизитор. – Я не ведал, что творю. Сейчас, конечно, я понимаю, что совершил немалый грех. Впрочем, здесь никто не может похвастаться незапятнанной белизной, кроме, конечно, её. – Он кивнул на Рысю. – Ты даже не представляешь, как тебе повезло, некромант. У твоей дочери чистая душа. Без единого пятнышка.

– Спасибо за комплимент, – отозвалась Рыся. – Но всё-таки, святой отец, как же быть с...

– О да, с птенцами Салладорца, ордосскими магами и всем прочим? Видишь ли, умеренная и побеждённая слугами Спасителя Тьма, бесспорно, полезна для оздоровления души народной, – в голосе инквизитора послышался давно знакомый некроманту пафос. – Угроза Тьмы сдерживает гибельные страсти. Я не знаю, что случится с Эвиалом, если по милости Спасителя в один прекрасный день мы каким-то образом избавимся от Неё. Мне не нужны катастрофы. По секрету и только между нами, я вполне смирюсь с существованием этого Зла. Да, будут оживать кладбища, умруны станут нападать на мирные деревни, но это зло понятное, и, как бороться с ним, известно...

– Например? – не сдержавшись, осведомился Фесс.

– Например, не чинить препятствий факультету малефицистики, – отозвался инквизитор. – Разумеется, «не чинить препятствий» следует понимать «не чинить оные сверх необходимого». Это понял даже Святой Престол, выпустив соответствующую энциклику, тебе должны были о ней говорить, бедняга Иероним, да... Профессия некроманта требует особых людей, это яснее ясного. Не новых Салладорцев, нет. Именно таких, каким ты был, Неясыть, когда сошёл на причал несчастного Арвеста. Простых и честных бойцов с реальным и конкретным злом, которое выбирается из могил и разрывает людей в клочья, неважно, взрослых, стариков или детей, вплоть до младенцев в колыбелях. Святой Престол раньше тоже мог ошибаться, говорю я сейчас, и это именно мои слова, а не вложенное в мои уста... неведомо кем. Вот что я бы хотел видеть, с известными изменениями – то, как выглядел Эвиал до того, как ты появился в нём, Неясыть.

– Не слишком ли поздно, инквизитор? Западная Тьма нашла дорогу за очерченные ей пределы. Чёрная башня – ясное тому доказательство.

– Не поздно, – покачал головой Этлау. – Я верю, что не поздно. Пока Ей нужны чело-векоорудия – ещё ничего не поздно.

– План твой, конечно, хорош, святой отец, – заметил Фесс. – Но я решительно не вижу путей к его осуществлению.

– Если бы я видел их сам, не сомневайся, Неясыть, я бы уже посвятил тебя во все подробности. Пока же... мне нужен ответ на мой вопрос.

Коридоры ветвились, расходились, сплетались и вновь расплетались, несколько раз отец-эксекUTOR отпирал тяжёлые железные двери, со скрипом поворачивавшиеся на покрытых ржавчиной петлях.

– Для чего тут вырыли все эти лабиринты? – осведомился некромант. – Тут же ничего нет, совсем ничего!..

– Ты просто не видишь.

Этлау остановился прямо посреди коридора, протянул руку, нашаривая какой-то одному ему ведомый выступ на гладкой стене. Послышался глухой рокот, и плита опустилась. За ней открылась железная дверь, даже не дверь, а дверница, которой позавидовали бы многие цитадели.

– Здесь помещались заклинательные покои, когда Святой Престол не жалел сил на разработку наших собственных магических систем, – пояснил Этлау. – Со временем, к сожалению, многое пришло в запустение.

– Заклинательные покои... – пробормотал некромант.

– Разумеется. Посуди сам, Неясыть, как мог знать сюда дорогу простой мальчишка, совсем недолго прослуживший у нас подпалачиком? Ты оказался очень неосторожен, некромант. А вот сейчас начнутся куда более интересные места, так что я, пожалуй, даже приглушу свой негатор. И чтобы ты сам лучше почувствовал, куда попадаешь, и чтобы не привлекать излишнего внимания. Среди святых братьев есть такие, чьё внимание сейчас... было бы нежелательно, – дипломатично закончил преподобный.

Мгновение – и на Фесса словно обрушилась лавина. Такое чувство, наверное, бывает у человека, долго проходившего с плотными затычками в ушах и, наконец, вынувшего их, причём на самом краю рыночной площади, где идёт большое гулянье.

Магия пронзала каждую сажень аркинских подземелий. Невольно некромант вспомнил, как, распятый, лежал на решётке – там, под серым небом, на лобном месте, лишённый всех сил, не могущий обратиться к чарам. А здесь – здесь каждый камень был пропитан волшебством. Скала цепко хранила память прозвучавших некогда заклинаний.

– Прислушайся, прислушайся получше, некромант, – заметил Этлау.

Фесс последовал совету.

...Здесь смешались все мыслимые и немыслимые виды чародейства. Здесь не брезговали даже человеческими жертвоприношениями, пытаясь подобрать ключи к тайне неуспокоенности. Великий секрет, столь тщательно оберегаемый в Аркине; Этлау выдавал его небрежно, почти играючи. Конечно, Большие Комары Фесс не забыл бы вовек... но знать, что святые братья долго и упорно разрабатывали изуверский ритуал, долго учились управлять высвобождающейся силой... Добились, правда, всё равно немногого, если вспомнить, как по-варварски распорядился одноглазый отец-эксекUTOR свалившейся на него после обряда мощью.

– Нам дальше, – негромко сказал священник, глядя на нахмурившегося некроманта.

Тесные лестницы винтами врезались в плоть скалы. Стёртые ступени вели всё глубже, глубже и глубже, потолки сделались совсем низкими, Фессу пришлось согнуться в три погибели; стали попадаться широкие ниши, в них желтели кости – и притом отнюдь не всегда человеческие. Ржавые цепи тянулись к врезанным в стены кольцам; пустые глазницы черепов, казалось, провожали некроманта полными ненависти взглядами.

Аркин ничуть не уступил бы в этом Ордосу, чьи подземелья, по слухам, тоже хранили немало зловещих тайн, о которых Белый Совет вообще и милорд ректор в частности предпочли бы забыть как можно крепче.

– Сейчас нам придётся выйти в места не столь дикие, надевайте инквизиторские плащи, – проронил Этлау, останавливаясь у очередной железной двери. – Там будет охрана, ничего не говорите, просто идите, и всё. Негатор я снова приведу в действие, так будет безопаснее.

Гм, подумал некромант. Безопаснее? Но разве его действие не заметят?

Последние слова Фесс произнёс вслух.

– Могут заметить *тебя*, Неясыть. Негатор, подавляя всю и всяческую магию, одновременно и не даёт никому обнаружить тебя посредством чар.

Рысь взялась одевать Фейруза, по-прежнему ничего не соображавшего и подчинявшегося ей, словно тряпичная кукла.

– Ну, готовы? – Инквизитор с трудом сдерживал нетерпение. – Пошли.

И он распахнул дверь.

За нею оказался широкий и хорошо освещённый коридор, с высокими арочными потолками и гладкими, тщательно отшлифованными плитами на полу. По стенам горели не чадные факелы, а аккуратные масляные лампы. Здесь, в отличие от оставшихся позади подземелий, оказалось на удивление многолюдно. Взад-вперёд то и дело сновали озабоченные святые братья, кто с горами каких-то древних книг, кто со свитками казавшихся ещё более старыми пергаментов. Возле многих дверей, заметно отличавшихся ухоженностью от той, через которую они только что прошли, стояли стражники – но не братья-инквизиторы, чего мог ожидать Фесс, а разнообразно вооружённые люди-воины. Некроманту хватило одного взгляда – судя по ухваткам, перед ним, несомненно, были сотоварищи тех, от кого он еле ушёл живым в Вечном лесу.

Завидев Этлау, святые братья, все как один, низко кланялись отцу-эзекутору и просили благословений. Преподобный никому не отказывал, с важным видом осеняя склоняющиеся головы косым крестом Спасителя.

Они благополучно миновали три поста, где хватило одного взгляда Этлау, чтобы воины тотчас расступились, униженно кланяясь и прося прощения за задержку его преподобия. На спутников отца-эзекутора стражники косились, но вопросов задавать не решились.

– Теперь сюда, – одними губами сказал инквизитор, когда они оказались возле широких двустворчатых дверей в глубине полуовальной ниши.

Стражу здесь несло аж четверо воинов, двое людей, гном и половинчик, ещё одно напоминание о схватке в Вечном лесу.

– Преподобный отче, – поклонился высокий, наголо бритый тип с внушительными мускулами и парой мечей наголо.

– Да пребудет с тобой благословение Спасителя нашего, – отозвался Этлау, поднимая руку и сотворяя знамение.

– Направляетесь, преподобный?..

– Особая камера, Эзра. Как обычно.

– Особая камера... – Названный Эзрой воин подошёл к высокой конторке, раскрыл внушительного вида амбарную книгу в кожаном переплёте. – Преподобный отец-эзекутор Этлау... особая камера... и с ним трое... – Он поднял голову, взглянул на Фесса, изо всех сил старавшегося ссутулить плечи и смотреть исключительно в пол. – Кто такие, звать как, должности, звания?

– Мои новые помощники, – небрежно бросил инквизитор. – Вэл, Вэнна и Трист. Из западного Семиградья, только сегодня прибыли в Святой город.

– Вэл... – сопя, Эзра выводил каллиграфические руны. – Он...

– Младший эзекутор. Вэнна и Трист – послушники, – в голосе Этлау слышалось хорошо разыгранное нетерпение.

– Прощения прошу, преподобный, сами знаете, служба... – принялся оправдываться воин.

– Знаю, что служба, и хвалю за добросовестность, – важно произнёс инквизитор.

Воин ещё что-то говорил, однако Этлау уже повернулся к нему спиной и начал спускаться. Лестница оказалась совсем уж узкой, так что протискиваться приходилось едва ли не боком; и, пока они не скрылись за поворотом, спиной Фесс всё время ощущал пристальный взгляд того самого Эзры.

Поворот – и некромант тотчас забыл о стражнике. Потому что Этлау, делано кряхтя, отпер громоздкий, явно не гномьей работы замок, сдвинул тщательно смазанный внушительный засов и...

Всё это время он не верил. Ждал, что Этлау резко развернётся, оскалится в гнусной ухмылке, даст команду – чтобы из всех углов выбежали святые братья с сетями и прочей ловецкой снастью. Инквизитор может сколько угодно притворяться искренним, но на самом деле... Стоп!

Негатор инквизитора давил, словно некромант нырнул на большую глубину. Здесь, наверное, было сосредоточено магии больше, чем во всём остальном Аркине.

...Маленькая, тесная каморка, стены, пол, потолок – нагая скала. Её высекли в живом камне, не жалея ни времени, ни усилий. Отсюда никуда нет хода, здесь не спрячешь потайные двери.

Три грубо сколоченных стола, столь же древние, как и всё в этих подземельях. А на столах...

Три тела.

На негнущихся ногах Фесс шагнул вперёд.

Много воды утекло, много прошло времени с того дня, как они в последний раз сражались все вместе. Товарищей некроманта явно сохраняла магия – казалось, они просто спят, никаких следов тления.

Рысь-драконица до боли вцепилась Фессу в локоть.

...Их раны затянулись. Исчезли следы крови. Волосы аккуратно расчёсаны, удлинившаяся до середины груди борода Сугутора – тоже. Оружие сложено в ногах.

...Зеленоватый череп орка тщательно выбрит, оставленный длинный оселедец аккуратно перевит шнурком с нанизанными на него амулетами и оберегами. На щеках – знакомые татуировки: клан Алого Камня, род Арива.

...Фесс долго не мог заставить себя взглянуть на лицо Рыси, беглого ассасина Храма Мечей, той, что первая пошла за ним добровольно, по воле сердца – ведь даже Прадд и Сугутор, верные друзья, товарищи во всех бедах, изначально были *посланы* к нему Академией.

...Она спит, конечно же, просто спит. По плечам раскиданы отросшие каштановые волосы, удивительные эльфьи глаза плотно закрыты, пушистые ресницы не дрожат. На правой скуле – тонкий, едва заметный шрамик: след, оставленный в Эгесте мечом-бастардом воина инквизиции.

Страж Храма, так и не поверивший, наверное, что он, Фесс, никакой не Рыцарь Мечей.

...Каковых Мечей с ним уже и нету.

Он заскрежетал зубами, похоже, даже застонал, не слыша собственного стога. Не так и много дней прошло по обычному человеческому счёту – словно вчера встретил мечущийся по Эгесту некромант странную девушку, взявшую «под защиту» забытую всеми деревушку, встретил и одолел в честной сабельной рубке, только лишь для того, чтобы привести на холодные заснеженные улицы Эгеста, где они и приняли свой последний бой.

Но сейчас одежда Рыси-первой чиста и не смята. Лицо хоть и бледно, но без трупных пятен. Она... жива? Или – не жива и не мертва, если верить всему, что привиделось некроманту во время его странствий.

«Её нет ни среди мёртвых, ни среди живых».

Он не посмел коснуться её щеки. Просто стоял и смотрел. Кажется, из глаз катились слёзы – он их не замечал.

Рысь-вторая, девочка-дракон, оказалась решительнее. Шагнула к неподвижной воительнице, осторожно коснулась тонкими точёными пальчиками лба, висков, шеи...

– Убери свою мерзость, инквизитор, – бросила она, не поворачиваясь.

– Ты о негаторе, дитя?

– Именно. – Драконица сжимала обеими руками бледную кисть мятежного Стража Храма.

– Слово... – прохрипел Фесс. – Даю слово, что не...

– Хорошо, – с необычной кротостью согласился инквизитор. – Приготовься, Неясыть.

Предупреждение оказалось нелишним. Грохочущий незримый поток, яростный водопад, горная лавина – Аркин таил в себе океаны силы.

Можно только гадать, во что обошёлся бы мне штурм, мрачно подумал некромант. Мало приснопамятного Эгеста?

– Спасибо, – коротко кивнула Рысь. И вновь повернулась к воительнице – что-то ворожить, вода ладонями над её лицом и грудью.

Некромант взглянул на гнома и орка. С ними всё казалось проще, они ещё больше стали напоминать обычных спящих. Широкая ладонь Сугутора была раскрыта, и Фесс осторожно коснулся каменных, всей жизнью натёртых мозолей.

Холодные. Холоднее льда. В них нет жизни. «Сон» его другой – лишь видимость. Они мертвы.

...Зачем я шёл сюда?..

У некроманта вырвался рык, в котором не оставалось ничего человеческого.

– Ты солгал, Этлау. – Рысь резко повернулась к инквизитору. – Ты показал нам три мёртвых тела. Магия сохраняет их от тления. Нехитрый трюк, на такое способны даже деревенские ведьмы... вернее, были способны, пока их всех не истребили. Твои предтечи, между прочим. Ну что, ты хочешь сказать, что завёл нас в ловушку? Что твой план наконец-то сработал?

Инквизитор попятился, что-то забормотал. Однако негатор магии в действие так и не привёл.

– И об этой несчастной я могу сказать – её душа бродит, неприкаянная, вырванная из тела жутким заклинанием, – продолжала Рысь, наступая на Этлау. – У вас тут не завелась пара-тройка своих собственных некромантов?

– Тихо, дитя моё, тихо! – Этлау замахал на Рысю широкими рукавами. – И ты, Неясыть, тоже. Послушайте меня, оба. Это – величайшая тайна Святой Инквизиции. Когда схватка на площади закончилась, твои друзья, Неясыть, умирали. Их не удержали бы от смерти никакие лекари. Но... случилось чудо. Тогда я, многогрешный, приписал его особой милости Спасителя. Сейчас я уже так не думаю. – Он торопился, захлёбываясь словами, точно и впрямь боялся, что Фесс ему не поверит. – Тем не менее мы сделали всё, что могли. Уже тогда святые

братья понимали, какой страшный противник этот некромант Неясыть, но понимали также, чем его можно зацепить.

– В Салладоре это у вас получилось не слишком хорошо...

– Согласен, согласен, – поспешно закивал Этлау. – Но речь не о том. Раны твоих друзей были смертельны, некромант. Однако, к нашему полному изумлению, первые же усилия лекарей дали плоды. Воодушевлённые, мы обратили все наши силы к отражению смерти, да простится мне высокопарный слог. И... мы отразили её! Правда, мы не смогли излечить твоих спутников, только... сохранить, вот так, как ты видишь. Но они не мертвы! Хотя ты, дитя, совершенно права с воительницей – где её душа, нам поистине неизвестно.

– А где души орка и гнома, вам, конечно же, известно? – напирала Рысь.

– Известно, – кивнул инквизитор. – Вернее, известно мне. На самом пороге Серых Пределов. И... мне видно, кто их там удерживает.

– Кто же? – разом вырвалось и у Фесса и у драконицы.

– Она. Наш враг из Чёрной башни, – еле слышно проговорил отец-эзекутор. – Если ты помнишь, некромант, Она тогда почти что прорвалась в Эгест. Ты призывал Её настолько хорошо, что все защитные барьеры, ещё охраняющие наш мир, готовы были рухнуть. Ты ведь знаешь, что случилось в Эгесте *после* того, как ты... исчез оттуда?

– Не знаю. Но к делу это не относится. – Фесс не мог оторвать взгляда от бледных щёк Рыси-первой. – Расскажешь потом, преподобный, если у нас останется время.

– Хорошо; так вот, Она почти уже шагала по улицам; Её сила была везде. И... Она сохранила жизнь твоим спутникам. Я не мог в это поверить, это... То есть я понял, кто действительно спас их, только после того, как сам получил... ножом под ребро... – По лицу Этлау расплывались алые пятна. – Тогда я думал... считал... А теперь – вот ведь оно как... – бессвязно закончил он, нелепым жестом разведя руки, словно в полном недоумении.

– Ты хочешь сказать, что Западная Тьма сохранила жизни моим друзьям, а вы – вы сохранили тела? – медленно, почти по слогам, проговорил некромант. – Но я вижу только три мёртвых тела. Я отлично помню, как поднимать и упокаивать зомби, но не знаю, как вернуть умерших к жизни. Боюсь, ты переоценил мои способности, инквизитор. Тем не менее я... я благодарен тебе, несмотря ни на что. Мои друзья могут быть с честью преданы земле по обычаям своих народов... И потом – я ведь долго оставался в Чёрной башне, инквизитор. И Она, Западная Тьма, ни разу не сказала мне ни слова о том, что моих спутников можно вернуть из Серых Пределов.

– Как и все правители на свете, Она говорит только то, что необходимо подданным, дабы они делали ожидаемое от них, – философски заметил инквизитор.

– Ты так много общался с Нею?

– Нет. Но правители все одинаковы, что во плоти, что бесплотные. Не такая уж большая разница меж Нею и диким шаманом из дальнего Харра. Послушай меня, некромант! Твоих друзей можно оживить, я верю...

– «Верю» или «знаю»? И если последнее – то как?

– У тебя очень много вопросов, Неясыть. Ты не забыл, что у меня тоже кое-какие имеются?

Фесс скрипнул зубами.

– С тобой, преподобный, разве забудешь?..

– Я обещанное сделал.

– Ты показал мне трупы, – медленно закипая, но всё ещё сдерживая гнев, проговорил некромант. – Трупы, инквизитор, мёртвые тела! Не знаю, что ты тут несёшь об «оживлении» и «всём моём искусстве». Всё моё искусство тут бессильно, и ты...

Этлау вздохнул. Скинул плащ, поддернул рукава широкого инквизиторского облачения.

– Смотри, маловерный. Я проделывал это не один раз. Откат будет очень силён, но... нужно же мне тебя убедить.

Отец-эзекутор подошёл к неподвижному Сугутору. Глаза гнома были закрыты, руки – бессильно раскинуты. Этлау положил обе ладони ему на грудь и замер. Губы инквизитора шевелились, но слов Фесс разобрать не смог.

Зато со внезапно режущей ясностью ощутил, как вдруг близко, совсем рядом оказались Серые Пределы. Стены камеры таяли, фонарь угас, пропала Рыся, тела орка и Рыси-воительницы, остались только он и Этлау над бездыханным Сугутором.

Отец-эзекутор пустил в ход действительно великую силу. Да, Фесс сразу ощутил в ней привычный привкус «от Чёрной башни». Было здесь немало и классической магии Спасителя, но – не только.

Третье. Что-то третье, чего Фесс не мог понять – только уловить, да и то с трудом.

Миг, другой, третий; инквизитор застыл неподвижно, лицо окаменело; а вот гном внезапно застонал и слегка пошевелился. Веки дрогнули, приподнялись, показалась мутная блескучая полоска глаза.

– Сугутор! – вырвалось у Фесса. Некромант одним прыжком очутился рядом... лишь для того, чтобы увидеть, как, тяжело всхлипнув, начал оседать обмякший инквизитор, а глаза гнома вновь закрылись, плечи опустились обратно на столешницу.

Наваждение сгинуло. Они стояли в той же самой камере, всё так же горели масляные лампы; вот только отец Этлау теперь не стоял, а лежал. Глаза инквизитора закатились, по подбородку стекала слюна.

– Папа! – Рысь-драконица оказалась рядом, обняла его, крепко прижалась.

– Ты видела, дочка? Ты видела?..

– Видела, и не только, – шепнула она. – Душа гнома... она возвращалась. Честное слово, папа, я такого никогда не... и мама тоже... память крови молчит, вернее, говорит – небывалое!

– Небывалое... – эхом повторил Фесс, по-прежнему не отрывая взгляда от сомкнувшихся век гнома.

Что это было? Иллюзия, до которых так охоча и в которых так сильна Западная Тьма? Иллюзия, которую почти невозможно отличить от реальности? Или инквизитору действительно удалось небывалое, что – если верить священным книгам Церкви Спасителя – доступно было только Ему?

– Давай поднимайся, Этлау. – Фесс подхватил обвисшего инквизитора под мышки, приподнял. – Нашёл время валяться... вставай... – Он затряс отца-эзекутора, словно пёс схваченную за загривок крысу.

Нет, слишком силён был откат. Тряси сейчас инквизитора, не тряси – не поможет.

Рысь подскочила к двери, прижалась, к чему-то прислушиваясь.

– Нет, не идут, – удовлетворённо сообщила она. – Нет смысла, папа, не надо...

Фесс только кивнул.

Делать. Что-то делать, немедленно, всё, что угодно. Делать или даже сражаться, пусть насмерть – чтобы хоть на время уйти от проклятого вопроса, вправду Этлау сумел на миг вернуть душу бездыханному Сугутору или это лишь только видение, насланное Сущностью? Или... неважно кем, если Сущность, к примеру, не может дотянуться до святая святых Аркина.

– Пап, ты сделаешь, как он просил?

Рысь-драконица. Смотрит в глаза, резко, пронзительно. И всё время оглядывается на тонкий профиль другой Рыси, первой, в чью честь и получила это имя.

– Аэсоннэ... дочка... – невольно некромант вспомнил истинное имя юной драконицы.

– Ну конечно, сделаешь, – закончила она за него, осторожно поглаживая по плечу. – Пап, ты не думай. Я не... я тебя пойму, – решительно закончила она.

– Вот он, союз с инквизицией, – пробормотал Фесс, всё ещё удерживая висящего на руках безжизненного отца Этлау. – И наступающие на Аркин маги. И Птенцы. И наши собственные поури. И... и Фейруз.

– А ключ, папа? Что с ключом? То, за чем мы сюда шли?...

У Фесса вырвалось нечто вроде свирепого, рыкающего выдоха.

Ключ. Да, понятно, как же без него. Но... Этлау, будь ты проклят, очнёшься ты когда-нибудь или нет?!

Рысь поняла его. Коротко, без замаха, хлестнула инквизитора по щеке, раз, другой и третий.

И – то ли помог сей старый, как мир, способ, то ли Этлау пришёл в себя сам – но глаза отца-эзекутора открылись, мутные и красноватые, словно после долгой ночной попойки.

– Ох... о-ох, ох... не надо, дитя моё, не надо, вполне достаточно...

– На ногах стоять можешь, инквизитор? – получилось грубовато, но иначе Фесс сейчас вообще не мог.

– Чтобы убраться отсюда, сил хватит, – сухо отозвался Этлау. Он быстро овладевал собой. – Особые камеры, к сожалению, рядом с главным хранилищем аркинских архивов Святого Престола. Думаю, Неясыть, тебе было б небезынтересно в них заглянуть...

– Мне ещё предстоит заглянуть кое-куда. – Фесс поставил инквизитора на ноги. – Ну, выводите нас отсюда, преподобный отче. Не люблю оставаться в долгу. Не зря ж говорят, мол, инквизитор во взаимоотношениях – не к добру.

Этлау растянул губы в подобии улыбки, постоял некоторое время, тяжело опираясь на стол.

– Идём, идём, некромант. Обратно в заброшенные катакомбы. Там есть несколько подходящих залов. Уму непостижимо, сколько труда в это вбито...

Тем же порядком они выбрались из особой камеры. Фесс с трудом заставил себя не оглядываться, словно не хотел выказывать слабости перед инквизитором.

– Всё в порядке, преподобный отче? – медовым от почтительности голосом осведомился всё тот же Эзра. – Вы бледны, преподобный. Не требуется ли помощь?

– Продолжай нести службу, доблестный страж, – скрипнул зубами инквизитор.

– Не нравится мне этот Эзра, – шёпотом закончил Этлау, когда они уже шагали по широкому подземному коридору, вежливо сторонясь, чтобы пропустить куда-то торопящихся и очень озабоченных монашков с охапками манускриптов. – Таким, как я, обычно не задают вопросов.

– Кто-то заподозрил самого преподобного? – ехидно осведомилась Рысь-драконица.

– В Аркине всё возможно, – коротко отмолвил Этлау.

– Но разве есть кто-то ещё, способный помериться силами с...

– Есть, – ещё резче бросил инквизитор. – Если не один человек, то... их совокупность, скажем так.

– Несмотря на знаменитый негатор? Кстати, как преподобный вступил во владение им? – Хватит отсиживаться, некромант. Этот самый «негатор» памятен ещё с Кривого Ручья. – И, кстати, раз уж пошёл такой разговор – почему этого негатора не было возле Чёрной башни?

– Хорошие вопросы ты задаёшь, Неясыть... – Против всех ожиданий глубокий вздох Этлау казался искренним. – Раньше мною владела гордыня. Великая гордыня, не стану скрывать. Мне казалось, что мои сила, таланты и умения... имеют начало во мне, проистекают от моей глубокой и сердечной веры, от моей преданности Спасителю... Сейчас я в этом усомнился.

«Давно пора». Фессу очень хотелось сказать это вслух.

– Мы с тобой слишком долго оставались врагами, некромант.

– Едва ли мы можем стать союзниками, Этлау. Ведь ты долго и неотступно преследовал меня, и до Чёрной башни, и после.

– Всё верно, Неясыть. Я преследовал тебя. Будучи уверен, что я, воин Добра и Света, стою на пути кошмарного порождения Тьмы и соответственно Зла. Чтобы остановить тебя, годились любые средства.

– А что же теперь, ты уже не считаешь меня, преподобный, этим самым «кошмарным порождением Тьмы»?

Рысь хихикнула.

– Считаю, – очень серьёзно и без тени насмешки сказал Этлау. – Но... впрочем, это самое «но» будет зависеть от твоего ответа на мой вопрос, некромант.

Возвращались той же дорогой. Вновь тишина и мрак давно заброшенных коридоров; но отец-эзекутор, похоже, чувствовал себя тут как дома. Фесс с горечью признался себе, что одно преподобному отцу уже удалось – как следует запутать его, некроманта.

– *Ничего, папа,* – донёсся «шёпот» Рыси. – *Я всё запомнила.*

Негатор Этлау так и остался в бездействии, драконица и Фесс могли свободно обмениваться мыслеречью.

...Остановились, как и обещал бывший инквизитор, в обширном зале, совершенно пустом, если не считать пары деревянных столов, столь же древних, как и всё остальное в этих катакомбах. По полу, пересекая помещение и деля его на своего рода дольки, тянулись высеченные в камне прямоугольные желоба шириной в локоть и такой же глубины.

– Здесь когда-то практиковали алхимики. – Отец – эзекутор поставил фонарь на покрытую тёмными подпалинами и пятнами столешницу. – Приступай, некромант.

– К чему? – Рысь опередила Фесса.

– К ответу на вопрос, – терпеливо пояснил преподобный. – На вопрос о том, есть ли во мне Тьма.

– Проще сказать, что Она вообще такое, – проворчал Фесс. – Этлау, я, как в некотором роде тёмный маг, могу тебе сказать – ты совершенно напрасно зовёшь то... что на западе, Тьмою. У меня есть слово получше – Сущность. Ибо Она не Тьма и я не...

– Оставь, – махнул рукой инквизитор. – Как бы ни называть. Берись за дело, некромант.

– А что дальше? – настаивал Фесс. – Когда я отвечу тебе?

– Разойдёмся в разные стороны, – торжественно пообещал отец-эзекутор. – Ты ведь зачем-то ж явился в Аркин – явно не для того, чтобы лицезреть меня, многогрешного.

– Не для того, – согласился Фесс. – Мне тут кое-что нужно.

– Второй раз уже намекаешь, – ворчливо сказал инквизитор. – Скажи в конце концов, что именно!

Фесс заколебался. Он думал об этом, думал о союзе с инквизитором; быть может, пришла пора рассказать ему о ключе, запирающем защитные барьеры вокруг Сущности?

Нет, рано. Сейчас предстояло решить нелёгкую задачу – не просто обнаружить подпитывающее инквизитора влияние Сущности, но и показать это ему так, чтобы недоверчивый Этлау поверил сразу и навсегда.

А тогда, возможно, удастся договориться и насчёт ключа. Если, конечно, Этлау вообще представляет себе, что это такое.

– Работаем, Рысь, – коротко бросил некромант.

В своё время драконица помогала чертить идеальные по форме и донельзя сложные магические фигуры; сейчас от неё потребуется больше, много больше.

– Всегда готова, пап, – задорно откликнулась та, словно и не было ничего происшедшего, не сидели они в аркинских катакомбах в компании не слишком вменяемого инквизи-

тора, решившего, что к нему протянула лапы Тьма (а подобные обстоятельства едва ли могут благотворно подействовать на умы верных слуг Спасителя).

Следовало торопиться. Поури без присмотра их обожаемой Ишхар того и гляди могли сами броситься на стены Святого города – без цели, без плана, просто от невыносимости ожидания и жажды крови.

– Приступай, приступай, некромант, – торопил Этлау, постоянно облизывая губы.

Приступай. Легко сказать.

Да, конечно, недостатка в Силе здесь не имелось. Аркин оставался Аркином, Святым городом, стянувшим под себя очень многое. Наверняка в его катакомбах хватило места для захваченных в древние времена артефактов – созданных, например, теми же дуоттами.

– Жаль, что мы не в Чёрной башне, – вырвалось у Фесса. – Там это прошло бы легче.

– А без неё что, не получится?

– Не мельтеши, – некромант оборвал инквизитора, и тот послушно умолк.

Опять придётся оказаться совсем рядом с Сущностью. Отправить своё незримое «я» в долгий и опасный полёт к самому краю, к тёмной границе. А ведь Сущность, конечно, в курсе того, что происходит сейчас в Эвиале и куда направился так называемый Разрушитель. Или поступить по-иному? Разъять суть инквизиторской силы?.. Нет, не получится. Это заклятье потребует месяцев и месяцев работы, рун, артефактов, редких субстанций; едва ли Этлау согласится ждать. А союз с ним – единственная надежда добраться до аркинского ключа. Если, конечно, этот ключ действительно существует.

Да, видение показало, что таинственный артефакт скрывается где-то в подземельях главного кафедрального собора. Но *что* он такое – никто не знал. Ясно, что искать его надо заклятьями на манер того, что он собирался использовать сейчас. Тогда, в салладорской пустыне, вместе с Рысью они вычертили магическую звезду без малого в сотню лучей, выбились из сил, добываясь её верного баланса и ориентации; но то было в Салладоре, быть может, в Аркине всё сложится по-другому?

– Слушай меня, инквизитор. Я постараюсь показать тебе Сущность. Её саму и то, что связывает Её с Аркином. Знаю, обычная практика святых братьев заставит тебя заподозрить неладное, но могу поклясться тебе...

– Не клянись, – перебил его Этлау. – Я знаю, ты явишь мне истину. Мы оба в тупике, некромант. Ты – осознал, что становишься Разрушителем, я... я боюсь признаться себе в том, что ношу под сердцем Тьму, которую ты почему-то зовёшь Сущностью. Не трать лишних слов, Неясыть. Я могу тебе чем-то помочь?

– Да, – после некоторого колебания проговорил Фесс. – Мне надо заглянуть в тебя, увидеть корень твоей силы, инквизитор. Возможно, даже порыться в твоей памяти.

Этлау улыбнулся. И это, наверное, была первая нормальная человеческая улыбка на лице отца-эзекутора, которую довелось видеть Фессу.

– Конечно, Неясыть. Я сниму барьеры.

– А я буду держать тебя за руку, папа, – шагнула к нему Рысь. – Держать... чтобы ты не сорвался.

Некромант понимал, что имеет в виду его названная дочка. Она постарается удержать его на самом краю тёмной пропасти, куда ему сейчас предстоит заглянуть. И неважно, что, сорвавшись, он потянет за собой и её.

– Я готов, – поднялся со скамьи инквизитор. – Куда встать, Неясыть?

– Прямо против меня. Смотри мне в глаза, преподобный.

– А ничего, что у меня только один... – засомневался Этлау, словно прилежный ученик на первом уроке.

– Ничего. Главное, смотри мне в глаза и опускай все преграды. Ты увидишь то же, что увижу и я.

– Дайте мне руки, вы оба! – с неожиданной властью приказала вдруг Рысь.

Этлау понимающе кивнул.

– Спасибо тебе, дитя. Ты добра и отважна, хочешь страховать нас?...

– Неважно, инквизитор, – насупилась драконица. – И хватит разводить разговоры, мы пришли сюда вообще-то совсем не за этим.

Этлау молча кивнул, послушно вперив в некроманта взор своего единственного глаза.

Здесь, в цитадели Святой магии, работать оказалось неожиданно легко. Огненный туман сам собой складывался в нужные пылающие руны, повисавшие в воздухе вокруг некроманта и инквизитора, впечатывавшиеся в каменный пол, застывавшие на потолке. В сознании Фесса всё сильнее и ощутимее грохотала целая сотня исполинских водопадов, он словно мчался прямо к ним верхом на спине стремительного дракона; перед его мысленным взором развёртывалась уже знакомая картина: Святой город с высоты птичьего полёта, окрестные земли, Эгест и Нарн, Пик Судеб и Вечный лес, Море Призраков, Железный Хребет, Семиградье и Эбинский полуостров, Море Надежд, Кинт, Салладор, Мекамп...

Старый Свет Эвиала. Знакомые, привычные очертания. А вот и обширные Море Ветров, Море Клешной и сами Клешни – угрожающе вытянутые на восток с запада. Утонувший Краб. И – завеса. Предел. Граница.

Чернота. И – горящая алым пламенем тонкая нить неведомо кем поставленного барьера. Руны Сущности, руны Спасителя... в конце концов, всё это – лишь символы. Использовать, наверное, их мог кто угодно, хватило бы сил воплотить это в настоящее заклятье.

Как и в прошлый раз, Фесс висел в пустоте, до рези вглядываясь в алое сияние. Как и в прошлый раз, ему пришлось бесконечно долго выдавливать из себя слово-символ Аркина. Его взор, словно отразившись от непроницаемого для магии барьера, устремился обратно, на берега Моря Призраков, низринул к кафедральному собору, и там Фесс увидел себя. Себя, а рядом – сотканную из серебристого пламени фигурку Рыси и – Этлау, непроницаемо-чёрного, чернее ночи и даже самой Сущности, настоящего голема.

Протянуть незримую руку и дотронуться до тянущихся из-за завесы бесплотных нитей, касавшихся истинной сути инквизитора, оказалось почти невозможно. Словно раньше времени начал действовать всемогущий откат. Однако Фесс всё же достиг их, сотканые из серебристого пламени руны заплясали вокруг мрачного голема, вытягивая из него нечто вроде шлейфа тёмных лохмотьев.

Этлау действительно снял все барьеры. Оставь инквизитор хоть мало-мальскую защиту, Фессу никогда было бы не пробиться к его естеству. Сейчас некромант видел словно всю жизнь отца-эзекутора, младшего сына в большой семье, скромного, бледного послушника, младшего эзекутора, чьё рвение тем не менее заметили большие шишки в Святой Инквизиции. И потом – медленное продвижение по служебной лестнице, покорное молчание, поддакивание старшим, первый сожжённый еретик, первая человеческая жертва, первое упокоенное кладбище – пусть не слишком надолго, но упокоенное!

Арвест. Дикая битва на улицах города, огненный хаос, неумолимо наступающие когорты Империи Клешной, и он, отец-эзекутор, действительно выводящий из дымной преисподней женщин и детей.

Фесс замер, терзаемый болью настигшего его отката. Удержать этот момент! Увидеть, что же действительно произошло тогда с инквизитором, действительно ли он...

...высокие и смуглокожие, воины Империи Клешной наступали правильным строем, выставив перед собой целый частокол клинков. Широкие лезвия, насаженные на длинные рукояти, в половину копейного древка, рубят пытающихся отбиваться ополченцев; алебардисты Лесных Кантонов не видны. А вот и отец Этлау, в грязной, разорванной рясе, левая

рука на перевязи, правая поднята высоко над головой; в глубине улицы – скопление чужеземных воинов в зелёных с алым доспехах.

Фесс уже видел эту сцену. Когда, вырываясь из Арвеста, имел краткий разговор с инквизитором.

Этлау внезапно вздрогнул, повернулся, словно обращаясь к кому-то невидимому. И Фесс-нынешний, из глубины аркинских катакомб, разобрал слова:

– Пришёл посмотреть на мой конец, некромант?..

Да, то был их диалог. Вот Этлау отмахивается от пущенной из вражеских рядов стрелы, вот воины Империи Клешней наконец собираются с духом и бросаются вперёд, отец-эзекутор кривится от боли, но поднимает обе руки, выдернув левую из перевязи, и красно-зелёные доспехи лопаются один за другим, словно раковины на огне. Однако не дремлют и чародеи имперцев: сверкает молния, и одновременно что-то скручивает инквизитора узлом, швыряет прямо к стене горящего дома; он пытается приподняться, но в этот миг пылающая стена рушится прямо на него.

Удар едва не швырнул Фесса из магического пространства обратно в тварный мир. Память Этлау погасла, жизнь едва тлела в изувеченном, изломанном теле; и сейчас, сейчас...

Да. Сердце инквизитора останавливалось, он умирал. Но – умереть ему не давали. Рвущаяся из самой глубины последняя мольба отца-эзекутора была услышана. Сущностью, верно. Но не только ею.

Потом вновь удар, на сей раз такой силы, что Фесс не удержался. Он рухнул на пол, враз очутившись в аркинских подземельях, и тут уже откат взял своё.

* * *

– Значит, это правда, – первое, что услышал некромант, едва придя в себя.

Этлау сидел у его изголовья; постелью служил застеленный плащами стол.

Инквизитор казался поразительно спокоен. Единственный глаз, полуприкрытый, ослабленно смотрел куда-то в сторону.

Явно испуганная Рысь переводила взгляд с Фесса на инквизитора и обратно.

– Спасибо, Неясыть. Или, вернее, – Этлау слабо улыбнулся, – мэтр Лаэда. Я ценю твоё доверие.

– Лаэда? – остолбенел Фесс.

– Ты отдал ему всю свою память, папа, – сердито шепнула драконица.

«Вот даже как. Инквизитор открылся передо мной, но и я – перед ним».

– Долина Магов... – почти мечтательно проговорил инквизитор. – Хотел бы я побывать там. Воистину, велик и чуден мир. Жаль только, что придётся... уходить так рано.

– Куда уходить? – вырвалось у Фесса.

Этлау ничего не ответил, только махнул рукой.

– Он, кажется, собрался покончить с собой, – с долей презрения бросила Рысь. – Слабак и трус.

Этлау дёрнулся, вскинул было подбородок, однако огонь в его единственном глазу тотчас же и потух.

– Я видел Тьму, некромант. Или Сущность, если тебе больше нравится это определение. Видел Её в себе. Подозрения, – он бледно хмыкнул, – стали уверенностью. Что ж, спасибо тебе, мэтр Лаэда. Ты показал мне, что я просил. Вражды к тебе я больше не питаю. Можешь верить или не верить, но я видел... понял, как меня создавали... для чего меня создавали... Вели, как пса, науськивали на тебя... а наш спор при любом исходе шёл только на благо Сущности. И... ты разбил всё, во что я верил.

– Так уж и всё? – осторожно заметил Фесс, стараясь держаться подальше от инквизитора. Тот был явно не в себе.

– Всё, – мертвым голосом подтвердил инквизитор. – Я видел, кто спасал меня от смерти. – Она. Сущность. Но... не только. – Его пальцы с хрустом сплелись.

– Спаситель. – Рысь выплюнула это имя, словно сгнившую ягоду.

– Они оба дали мне силу, – шептал инквизитор, невидяще уставившись прямо перед собой. – Но не только они. Был там и кто-то третий. Я вижу... пальцы... руки... щупальца... зелёный свет... нет, не могу, не могу! – Он с утробным стоном откинулся назад, закрывая лицо руками.

– Хватит! – гаркнул Фесс, изрядно встряхнув преподобного за воротник. – Я тоже, наверное, «ношу в себе силу Тьмы». И ничего.

– Ничего?! – Этлау аж перекосило. – Посмотри, во что ты превратил Эвиал, мэтр Лаэда!

– Я превратил?.. Впрочем, какая разница? Думай, как считаешь нужным, инквизитор. И скажи мне, что ты намерен делать дальше?

– Остановить Её, – ровным голосом ответил Этлау.

– Какое совпадение! Это входит и в мои планы, – ядовито бросил некромант. – Но позволю тебе напомнить, преподобный отче, у тебя несколько десятков птенцов Салладорца возле самых стен. Если они возьмут Аркин штурмом, Сущность получит полную свободу.

– А ты? – Инквизитор в упор взглянул на некроманта. – Зачем ты пришёл сюда, бросив своё собственное войско из мертвецов и диких карликов-людоедов?

– Слишком много вопросов, преподобный. Ты смотрел в меня, читал моё прошлое и настоящее – так неужто не знаешь ответа?

– Ты называешь это «ключом»... – проговорил Этлау. – Ключ к замку, удерживающему Сущность и одновременно – защищающему Её. Твоё заклятье показало, что этот ключ – в Аркине. Но... Мэтр Лаэда, сейчас я ничем не смогу помочь. Если это здесь – то очень крепко запрятано. Ведь ты не смог точно определить, что это за «ключ», как выглядит, где именно спрятан. Значит, простой волшбой его не обнаружить. Надо пересматривать все накопленные Святым Престолом артефакты, обследовать их. Ты представляешь, сколько...

Он резко вскочил, сунул руку за пазуху; но поздно, слишком поздно. Тяжёлая дверь алхимического зала разлетелась вдребезги под ударом мощного заклинания; повалил густой дым, среди его клубов замелькали фигуры с клинками наголо, по особо лёгким, стремительным движениям которых Фесс легко узнал соратников той памятной четвёрки, едва не прикончившей его в Вечном лесу.

– Некромансер! – прогремело из серого облака. – Сдавайся! И ты, изменник, проклятый ересиарх!..

– Беги! – рявкнул Этлау, лицо его было перекошено: судя по всему, он пытался привести в действие свой негатор магии, но безуспешно. – Беги, я их задержу!

Воин по имени Эзра первым вырвался из дымной завесы, ловко крестя воздух парой своих мечей; недолго думая, Рысь бросилась ему под ноги, Эзра взвился в воздух, легко перескочил через неё... чего и добивалась драконица.

Шорох жемчужных крыл, гордый изгиб шеи, закованной в серебристую чешую, распавшаяся пасть...

Ступни Эзры ещё не коснулись пола, а в спину ему ударила упругая пламенная струя.

– Рыся! – заорал некромант.

Принимать бой со всей массой натасканных и свирепых инквизиторских псов никак не входило в его намерения.

– Бегите! – донеслось властное.

Драконица поспешно развернулась, выпустила ещё одну струю огня, но её приняли на себя, словно щит, клубы серого дыма. Что-то мерзко зашипело, серую пелену испятнало

чёрным, однако драконий огонь не достиг цели, растратив мощь и жар на выжигание поставленной святыми братьями завесы. Нанести повторный удар Рысь уже не успела.

В следующий миг потолок алхимического зала лопнул. Скрытые запоры разъялись, и сверху с тяжким грохотом рухнули чёрные каменные плиты, точно входя в глубокие пазы на полу и тем самым отсекая некроманта с Рысью от Этлау, Фейруза и ворвавшихся в зал охотников.

Ну конечно, подумал некромант, святые отцы предусмотрели защиту, если какой-нибудь алхимический процесс в одном углу зала пойдёт как-то не так.

Воцарилась крошечная тьма.

Недолго думая, Рысь дохнула пламенем; в дальней стене они увидели раскрывшийся проход.

– Какая-то древняя система на случай... гм... непредвиденной алхимической реакции, – проворчал Фесс. – Очень быстрая и очень мощная. Даже голосов не слышно.

Кругом и впрямь царила мёртвая тишина. Спокойствие древних подземелий вновь вступило в свои права.

Рысь вновь приняла человеческий облик. Стояла, гневно нахмурившись и вперив взор в каменную преграду так, словно намеревалась пробурить её взглядом.

– Идём, дочка. Здесь мы уже ничего не сделаем. Преподобный отец справится лучше нас. Отговорится, отвертится. Или... прорвётся с боем. В конце концов, для него не смертелен даже кинжал в сердце. Брр!

– А Фейруз? – Рысь вдруг хлопнула носом.

– Фейруз... – Фесс отвернулся. – Мальчишку жалко. Но ему, я надеюсь, пока ничего не грозит. А потом мы уж постараемся его вытащить.

«Если успеем», – закончил про себя некромант.

Да, святые отцы явили тут завидную прыть. Если, конечно, всё это вместе не было грандиозной провокацией, с самого начала задуманной и осуществлённой самим преподобным отцом. А что? Почему нет? Размен вполне в его пользу: он получил *все* сведения о том, кто такой Фесс, откуда он, и так далее и тому подобное. Этлау знает о Мечах, о Кларе Хюммель, знает... обо всём. И о Рысе – первой он знает тоже, проклятый святоша, об их с Фессом первой и последней ночи, так хорошо, так тщательно спрятанной на самое дно памяти, чтобы не кататься по постели каждый вечер, вспоминая кашатановые волосы возле собственного лица и головку Рыси, доверчиво прижавшуюся к его плечу.

Но – как же ключ? Что с ним делать? Пытаться уйти, выбраться из кольца аркинских стен, в стан к поури... зачем? Чтобы взять Святой город штурмом, залить его кровью по самые крыши, чтобы алым покрылись даже шпили и флюгера?

Фесс был готов к этому. Если не удалось договориться, будем штурмовать. Аркинский ключ не может, не должен попасть в руки птенцов! Рыся права – если приходится выбирать между всеобщей гибелью и гибелью «лишь» девяти десятых, решение очевидно.

Висящая на стене лампа оказалась вполне исправной, заботливо заправленной маслом, словно вчера повешенной, чистой, без единой пылинки. Фесс засветил фитиль.

– Идём, дочка.

...Они остались без проводника. Идти приходилось, руководствуясь лишь наитием некроманта да чутьём драконицы: как всегда, выручала «память крови». В конце концов, Кейден была хозяйкой обширнейших подземных лабиринтов. Пришлось кружить, подолгу брести по уныло-одинаковым коридорам и галереям; где-то рядом наверняка скрывались другие «заклинательные залы» и тому подобное, куда некромант при других обстоятельствах не преминул бы заглянуть, но, к сожалению, не сейчас.

Между собой они почти не говорили. Только односложные «направо», «налево», или «погоди, папа, я сбилась».

И всё-таки они поднимались вверх. Некромант ожидал погони, засад, перехвата; однако длинные коридоры оставались отменно пусты и беззвучны, никто не торопился занять важнейшие перекрёстки или привести в действие намеренно имеющуюся здесь систему ловушек, всем известных опускающихся решёток или каменных плит-заглушек.

– Пап, – Рысь наконец нарушила молчание. – Ты ведь тоже так думаешь, правда?...

– О чём, дочка? – отозвался Фесс, замедляя шаг. Они оказались на очередном перекрёстке: вправо и влево начинались лестницы, одна вела вверх, другая вниз.

– Что Этлау всё это подстроил? – выпалила драконица.

Некромант хмуро усмехнулся.

– Мне это приходило в голову.

– Но ты ж тоже читал его память! Он не смог бы ничего скрыть! Ведь он точно так же прочёл всего тебя!

– Я видел его прошлое, Рыся. Прошое, а не настоящее и уж тем более не будущее. – Нельзя сказать, что Фесс был так уж уверен в своей правоте, произнося это. – Я всматривался в одну точку. Может, следовало взглянуть куда-то ещё, но...

– Значит, нам остаётся только гадать, – вздохнула своенравная дочь Кейден.

– Логика, Рысь, ничего больше. Куда надёжнее магии. В Этлау действительно есть сила Сущности. Мы были правы, когда заподозрили его ещё у Чёрной башни. И то, что его спасла от смерти именно Она, а не его обожаемый Спаситель, для инквизитора стало шоком, тут я не сомневаюсь. Мне кажется, он... был сейчас искренним и настоящим. Он действительно хочет избыть зло, в его понимании это Сущность, которую он вдобавок совершенно несправедливо именует Тьмой. Мы, я, занимали его лишь потому, что Этлау считал нас орудиями этого самого зла. Сейчас он, похоже, понял, что сам ничем от нас не отличается.

– Я ему не верю, – насупилась драконица. – Он умеет скрывать свои мысли. Я ничего не могу ни прочесть в нём, ни разглядеть. Одна серая хмарь. Но ты ведь тоже подумал о чём-то подобном, папа!

– Подумал, – сознался некромант. – Но уж слишком сложно и рискованно для Этлау. Зачем ему это представление со стражниками? Он действительно узнал, что хотел. Быть может, узнал даже больше, чем мне бы хотелось. Но что с того?..

– Он узнал главное, – упрямилась Рысь. – Узнал всё про себя. Всё про тебя. Про ключ, дающий власть над Сущностью. Ведь не зря же поставлена защита не только *от Нее*, но и *для Нее*? А что, если с ключом в руках он сможет чего-то потребовать для себя?

– Потребовать у Западной Тьмы? – удивился Фесс. – Дочка, ты чего? С тем же успехом можно что-то просить у призраков – титанов или пятиногов, да и то шансы на успех окажутся поболее.

– Мы ничего не знаем, – даже и не думала сдаваться Рысь. – И, пап, давай двигаться.

– Жду твоей подсказки, о многомудрая дщерь.

– Хватит смеяться!.. – Рысь фыркнула, на мгновение задумалась. Потом вдруг как-то резко нахмурилась и приложила палец ко лбу. – Пап. Я не знаю, куда дальше. Есть три пути – и все ведут в тупики.

– Это как же? – поразился некромант. – Ведь только что дорога была...

– Вот именно, пап, «только что» и «была». А теперь нет.

– Тогда идём наверх, – решил Фесс. – Если всё равно куда, предпочту оказаться ближе к поверхности. И ты абсолютно точно уверена...

– Это тупики, – повторила Рысь. – Знаю. Чувствую.

– Остаётся повернуть назад. Может, мы пропустили какой-то поворот? Вряд ли та дорога, которой нас провёл сюда Фейруз, – единственная.

– Не единственная, точно. – Рысь помотала головой. – Это-то меня и бесит, папа! Чувствую – вот он, выход, где-то рядом, руку протяни – ан нет!

Фесс давно не видел драконицу в таком отчаянии.

– Этлау всё предусмотрел, даже это, – прошептала она, опускаясь на корточки. – Завёл в такой зал, откуда дорога только... Идём обратно, пап. Может, я ещё сумею...

– погоди. Не хотелось бы прибегать к магии, но раз такое дело. – Некромант поставил лампу и принялся составлять заклятье поиска.

Конечно, это почти наверняка выдаст их. Этлау мог творить всё, что угодно, – это его епархия (да и то сказать – уж не по тому ли приснопамятному заклинанию, что вернуло Сугутору, как самое меньшее, некую *видимость жизни*, их обнаружили здешние архипрелаты?..); чары из арсенала некромантии, не сомневался Фесс, обязательно привлекут внимание.

Ученик Дазнура хорошо помнил уроки наставника. Не так уж часто приходилось ему хаживать по настоящим лабиринтам, но заклятье сложилось словно само. Проворно извиваясь, от ног некроманта поползли сотни и сотни чёрных, как сама темнота, змеек. Вверх, вниз, вперёд, назад. Они обязательно отыщут дорогу... однако и сами не останутся незамеченными. Святые отцы вряд ли упустят такой шанс, неважно, подстраивал Этлау этот «захват» или нет.

– Ждём, дочка.

Драконица молча кивнула.

– Знаешь, пап... я стала скучать по Чёрной башне. Несмотря ни на что. Там ведь было не так плохо – во всяком случае, мы были вместе и могли говорить сколько угодно, и до поры до времени никто не пытался нас... – Она уткнулась лбом в плечо Фессу, голос неожиданно дрогнул. – Я всё вспоминаю лестницу иллюзий. Лестницу, до конца которой мы так и не дошли. А что, если Она хотела показать нам что-то совсем другое? Навести на какую-то мысль?...

– Рыся, дочка... – Фесс осторожно обнял худые плечи. – Сущность пыталась сделать из меня настоящего Разрушителя. Она показала нам поури. Она хотела, чтобы мы повели их. Чтобы мы...

– И мы повели их. – Рысь резко вскинула подбородок, взглянула Фессу прямо в глаза. – Мама сказала мне из моей крови, как надо действовать. Если бы не лестница, я сама вряд ли бы догадалась.

– Ну, вот ты сама и ответила, зачем Ей это потребовалось, – начал было некромант, однако девочка-дракон яростно затрясла головой.

– Мы едва начали спускаться. И появился карлик Глефа. Которого потом не оказалось в войске, явившемся по моему зову. Который...

– Я помню, – мрачно обронил Фесс.

– Загадка. Шарада. Намёк, от которого мы отмахнулись... – не успокаивалась Рысь.

– Тоже мне намёк, – хмыкнул Фесс.

– Он ещё появится. – Рысь убеждённо прижала кулачки к груди.

– Вот когда появится, тогда и поговорим... ага! Змейки, похоже, что-то унюхали. Дочка, вниз!

В отличие от прочих лестниц, винтами врезавшихся в чёрный камень, эта спускалась прямо, как стрела, только становилась всё уже и уже.

Некромант ощутил внезапную дурноту, необъяснимый страх и удушье. Заклятье не могло ошибаться, оно обязано было указать дорогу к выходу; отчего же становится так мучительно, словно его поразила боязнь замкнутых пространств?

– Это ж ведёт в тупик... – бормотала за его спиной Рыся.

Лестница и впрямь закончилась тупиком, грубой и явно наспех возведённой кирпичной перегородкой.

– Ага, – тон Рыси изменился. – Здесь мы пройти сможем...

Недолго думая, девочка перекинулась. В узком коридоре массивной драконице пришлось повозиться, однако хлипкую перемычку Рысь разнесла вдребезги, обойдясь вовсе без магии. Хватило лишь нескольких ударов хвостом.

– Замуровать думали, – не без самодовольства сообщила она.

За перегородкой оказалась небольшая округлая камера, из неё в разные стороны уводили ещё пять проходов, настолько узких, что Фессу пришлось протискиваться боком. Рысь пробиралась следом, проход шёл ровно; и вот наконец запахло водой. Тоннель вывел их куда-то к одному из речных рукавов, пущенных в глубоком подземелье к самому урезу.

– Ф-фух, – выдохнула драконица.

Впереди смутно замаячили отблески одиночных факелов на чёрной поверхности подземного канала. Стены же прохода продолжали сдвигаться, так что Фесс аж захрипел; грудь сдавило, он едва дышал, но левая рука некроманта уже зацепилась за обрез стены, пальцы ощутили прохладу влажного снаружи камня; он поднатужился, преодолевая последний локоть.

– Па-ап! – взвизгнула за спиной Рыся.

Скрип. Тяжкий, подсердечный, режущий. Словно пришёл в действие древний исполнинский механизм, глубоко в толще стен, в незримых каморах провернулись зубчатые колёса и червячные передачи. Стены разом надвинулись на некроманта, так что захрустели рёбра. Угол под отчаянно цепляющимися пальцами вдруг повернулся, каменные плиты сошлись, отрезая Фесса от спасительного подземного канала.

Вторая такая же плита всунулась, точно тупоголовая змея, между ним и Рысей.

Каменная гробница стиснула некроманта так, что он вообще не мог пошевелиться, не мог даже повернуть голову. Фесс зарычал от ярости – так глупо, так по-детски попасться в несложную, даже не магическую, а механическую ловушку! Конечно, его поисковое заклятье непременно засебло бы насторожённые чары, а вот простейшую нажимную панель (или что у них здесь) – не смогло. Расслабился некромант, слишком долго гулял по катакомбам Инквизиции, как по ордосскому проспекту.

Впрочем, ничего особо страшного. Поймавшее их устройство – даже не хищная тварь, а лишь тупой, хоть и мощный, механизм. Достаточно аккуратно сдвинуть соответствующие рычажки, и...

Фесс уже приготовился сплести ещё одно заклятье поиска, когда его тюрьма внезапно пришла в движение. Где-то совсем рядом загромыхали шестерни, заскрипели блоки, и каменный саркофаг медленно поплыл куда-то вверх.

И одновременно навалилось знакомое чувство давящей тяжести, пустоты, сосущего ничто – где-то совсем рядом привели в действие негатор магии. Неведомая сила тупо давила и плющила, вызывая дурноту пополам со спазмами.

Некромант зло усмехнулся. Когда-то давно, в том же Эгесте, ему почти удалось сломать такой негатор. Сила Западной Тьмы; но, возможно, в пределах Эвиала найдутся и другие, кто не откажет ему в помощи?

Сверху в клетку пробился свет – кто-то внёс в помещение сразу несколько масляных ламп.

– Да, ваше преподобие... – напрягшись, Фесс различил чей-то гнусавый голос. – Всё в лучшем виде, ваше преподобие... Его святейшество сейчас пожалуют.

Его святейшество. Фесс удостоился визита аркинского архипрелата. Немалая честь.

Второй раз он попадал сюда. В прошлый – спасение пришло лишь чудом, Эйтери, Север и Безымянная вытащили его с эшафота. А до этого Маски, давно не подававшие о себе весть Маски, не дали ему умереть по собственной воле. Тогда он, Фесс, долго беседовал с отцом Этлау о разных вещах, и инквизитор, отчаявшись выудить у некроманта секрет «борьбы с Разрушителем», отдал приказ о казни. Решил, что Тьма испугана, что стран-

ные события, имевшие место от Семиградья до Кинта Дальнего и Салладора, – признак Её растерянности, страха потерять своё орудие... Наивный. Всё это время, похоже, Этлау сам оставался Её орудием, а Она смотрела, кто из них двоих возьмёт верх. И, возможно, хватало других кандидатов в Разрушители, просто ждущих где-то своего часа.

Каменные плиты не расходились. Никто и не думал освобождать некроманта или, как в прошлый раз, «ставить его перед суровым, но беспристрастным судом». Магия, как и следовало ожидать, блокирована.

И где Рысь? Что с ней? Когда Фесса взяли в Салладоре, он был один и действительно мог умереть в любой момент по своему выбору; а что делать теперь, когда он отвечает ещё и за беговую драконицу по имени Аэсоннэ?

Потом послышались голоса. Сразу множество, негромких, преисполненных небывалой почтительности.

– Осторожно, Ваше святейшество, ступенька...

– Сюда, Ваше святейшество, кресло...

– Подушка под ноги, Ваше святейшество...

Там, похоже, суеилось целое полчище слуг.

– Откройте ему лицо, – проскрипел новый голос. Наверное, самого святейшего архипрелата.

Вновь заскрипели какие-то инструменты, и одна из плит немного опустилась. Фесс по-прежнему не мог повернуть головы, но инквизиторы всё рассчитали правильно – некромант смотрел прямо в глаза аркинскому предстоятелю.

В прошлый раз, оказавшись на Лобном месте, некромант не смог разглядеть главу церкви Спасителя. Морщинистый старик, но взгляд ясный и острый, как у молодого. Униженные перстнями пальцы спокойно лежат на коленях, поверх белоснежно-лилейного шёлкового одеяния, расшитого золотом; бесчисленные перечёркнутые стрелы Спасителя рябили у некроманта в глазах.

– Нам пришлось немало поработать, – суховато, но без всякой аффектации проговорил архипрелат. – Боюсь, некромант Неясыть, прошлый раз ты попал не в те руки. А я, признаюсь, недоглядел. Оставьте нас, – повернулся он к служкам.

Те поспешно повиновались.

– Как, Ваше святейшество? А где же палачи, непревзойдённые специалисты, способные безо всякой некромантии разговорить даже мёртвого? Отец Этлау в прошлый мой визит был так красноречив, расписывая их достоинства...

– Отец Этлау, – ровным голосом проговорил первосвященник, соединяя кончики пальцев перед грудью, – сам находится под следствием по обвинению в ереси и споспешествованию Тьме. Если это потребует дознательство, будет проведена очная ставка.

– Всегда готов, – в ответ усмехнулся Фесс.

– После твоего... бегства с эшафота, не спорю, весьма впечатляющего, – продолжал архипрелат, не сводя глаз с некроманта, – я перечитал всё, записанное следствием с твоих слов. Они были скрупулёзно точны в формулировках. – Священник нацепил на нос круглые очки – огромную ценность в Эвиале, линзы заказывались горным гномам и стоили немислимых денег – и извлек из стоявшего справа сундучка толстенную, устрашающего вида книгу в чёрном переплёте.

– Это они успели столько исписать? – попытался сыронизировать Фесс.

– Ну что ты, Неясыть. Просто страницы очень толстые, из разряда «предназначено к вечному хранению». Не каждый день в руки святых братьев попадались действующие некроманты, а уж кандидаты в Разрушители – и того реже.

– Нельзя ли совсем опустить это? – Фесс сделал напрасную попытку пошевелить плечами.

– Никак невозможно. Я отнюдь не спешу предстать перед Спасителем, считаю, что земные дела мои ещё не довершены, – усмехнулся архипрелат. – Отец Этлау, к сожалению, оставил слишком много лакун в следственных материалах. Самое важное он не счёл возможным доверить пергаменту. Тем не менее и из имеющихся материалов можно извлечь кое-что полезное. Ты ведь не из нашего мира, Неясыть?

Отпираться было глупо. Фесс кивнул. В его положении это уже ничего не меняло.

– Я рад, что ты проявляешь благоразумие, Неясыть, позволь называть тебя этим именем. На самом деле это величайшее открытие. В меру своих слабых сил я следил за работами молодых «предельщиков» Ордоса, как их называли. Десятый факультет, «глобалисты». Теоретические их модели о том, что наш мир – не единственный обитаемый, существуют уже давно, но только сейчас их удалось подтвердить экспериментально. К тому же у Святой Инквизиции есть все основания подозревать, что в нашем мире ты – не единственный пришелец. Есть по крайней мере ещё один, вернее – одна.

– Кто же это?

– Некая госпожа Клара, – усмехнулся аркинский предстоятель. – О её спутниках мы пока не можем сказать ничего определённого, поэтому будем считать «пришелицей» только её одну.

Надо же, искренне подивился Фесс. Молодцы монахи, Спасителя заступники. Не только первосортные зомби из вас получаются, похоже, вы и думать порою способны. Докопались...

– А вдруг вы ошибаетесь, Ваше святейшество?

– Нет, чадо моё, не ошибаюсь, – архипрелат покивал. – Не один отец Этлау владеет кое-какими силами, не только он один. На мою скромную долю тоже досталось немного. Не скрою, был момент, когда мы все с ужасом и восторгом взирали на вышеупомянутого отца-эксекютора... пока не осознали всю глубину его падения. Нет-нет, не надо меня ни о чём спрашивать. Ты не в том положении, сударь мой некромант. Ни ты, ни твоя... твоё... Одним словом, твоя спутница. Огонь-девка, ничего не скажешь, будет очень жаль, если с ней что-нибудь случится.

– Если с ней что-нибудь случится, – как можно спокойнее и равнодушнее проговорил Фесс, – я, святой отец, приду за тобой даже из Серых Пределов.

– Все так говорят, – ничуть не растерялся архипрелат. Слегка поёрзал на кресле, с досадой поправил подушки под сиденьем.

– Болят шишки-то? – с участием осведомился Фесс.

– Болят, Неясыть, – не помешкал священник с ответом. – Но что делать, плоть наша слаба и подвержена тлену... Вернёмся к нашей беседе. Не знаю – пока не знаю! – о чём вы толковали с бывшим преподобным отцом, а ныне лишённым сана еретиком Этлау, но могу предложить тебе вот что. Жизнь, некромант, жизнь и свобода и тебе, и твоей спутнице. Разумеется, то же касается и бедолаги Фейруза. Если, конечно, ты не собираешься собственноручно прикончить его за предательство.

– Щедро, – спокойно сказал Фесс. – Великодушное предложение, и даже безо всяких обещаний вновь продемонстрировать весь пыточный арсенал Святого города...

– Ты его уже видел один раз, – парировал архипрелат. – Второй раз совсем не то впечатление. Предпочту взывать к твоему разуму, а не телу.

– Разумно. Что ж, могу сказать сразу – Фейруза я и пальцем не трону. – Если блефовать, так уж по-крупному. Остаётся надеяться, что дрожь его никто не заметит. – Бедняга просто угодил в ловушку к всё тому же Этлау. Поэтому я лично предпочёл бы, чтобы парня просто отпустили, мы о нём позаботимся... Но я так и не понял, святой отец, чего же вы от меня хотите? За все эти щедроты – что я должен сделать?

Аркинский первосвященник помолчал, задумчиво играя чётками. Поджал тонкие губы, покачал головой; а потом резко кивнул, словно решившись на что-то.

– Некромант Неясыть, оказавшись в наших подземельях, ты провёл какой-то сложный обряд. Мы засекали твоё мощное заклинание, но не смогли расшифровать во всех деталях. Не удовлетворил бы ты моё любопытство, не поведал бы нам, в чём оно заключалось, на что – или против кого – было направлено?

«Пока Рыся в каменной клетке, ей не перекинуться. А в человеческом облике она уязвима для магии, – мелькнула мысль. – Торговаться, Кэр, торговаться до умопомрачения, пока дочка не окажется на свободе!»

– Отпустите мою дочь. Без этого – никаких разговоров.

– Неясыть, – мягко проговорил первосвященник. – Попробую тебя убедить, что в данную минуту мы – отнюдь не враги.

– Отец Этлау толковал мне совершенно то же самое, и уже давно, пожалуй, с самой первой встречи, – ухмыльнулся некромант. – Самое интересное, что после подобных речей его почему-то всякий раз охватывало непреодолимое желание увидеть меня болтающимся на дыбе.

– Рекомый Этлау, ныне лишённый сана и отлучённый от Святой матери Церкви, всегда отличался буйностью нрава, – заметил архипрелат. – Он решил, что наш небесный Владыка лично возложил на него миссию спасения Эвиала. Признаю, сперва... оный Этлау умел казаться очень убедительным.

– Когда двинул полки к Чёрной башне?

– В том числе. Но там он повёл себя словно одержимый Тьмой. Мы следили за ним, о да, мы внимательно следили. Даже в Аркинской курии – удивлён, Неясыть? – нашлись трезвые головы.

– Поздновато они нашлись, – сказал Фесс, смотря в глаза собеседнику.

– Что поделаться, чем богаты, тем и рады, – холодно ответил первосвященник, не опуская взгляда.

– Но заявление Вашего святейшества о том, что мы «не враги», плохо соотносится с моим нынешним положением. – Фесс постарался вложить в слова побольше сарказма.

– Всему своё время, дорогой мой некромант. Итак, ты требуешь отпустить ту, кого ты безо всяких на то оснований именуешь «дочерью». Она не может являться...

– Какая разница! – зарычал Фесс.

– Большая. Будь она твоей настоящей дочерью, кровь её дала бы нам большую власть над тобой.

– Будто нельзя взять у меня? – поднял брови некромант. – Хотя нельзя сказать, что подобного рода заклатья уж настолько необоримы. В конце концов отец Этлау в прошлый раз...

– Отец Этлау, – перебил Фесса архипрелат, – убедил всех, что хранить даже частицу плоти или каплю крови Разрушителя смертельно опасно для Аркина. Потом он добился постановления Курии о твоей казни. Мы согласились – тогда никто не дерзал ему возражать. В этой связи хранение артефактов стало неактуальным. Хотя, конечно, для академических исследований они, возможно, и пригодились бы...

Первосвященник, похоже, ужасно любил поговорить. Даже со смертельным врагом.

– Святой отец, – не слишком вежливо прервал его Фесс. – Давайте ближе к делу. Я вам зачем-то нужен? Очень хорошо. Освободите мою дочь, дайте ей безвозбранно покинуть Аркин – и тогда я буду говорить. Нет – можете сразу звать палачей. В прошлый раз я говорил это отцу Этлау, повторю и сейчас – вне зависимости от умения ваших заплечных дел мастеров я могу умереть в любой момент. Просто прикажу себе, и всё.

– Я знаю, – спокойно сказал собеседник некроманта. – Не стоит подозревать меня в невнимательном чтении протоколов того приснопамятного следствия.

– Кстати, – усмехнулся Фесс, – освободить мою дочку и в ваших же собственных интересах. Если она не окажется на свободе в самое ближайшее время, моя армия пойдёт на штурм Аркина. И тогда Святому городу, боюсь, несдобровать.

– Да-да, догадываюсь, – кивнул первосвященник. – Твоя армия. Кровожадные поури и новоподъятые зомби. Да, драка будет кровавой. Негаторы магии их так просто не остановят.

– Они их никогда не останавливали.

...Работай языком, мели всё, что угодно, спорь, соглашайся, снова от всего отказывайся... Как угодно, но тани время, и в конце концов этот старикан непременно проговорится.

Но первосвященник попадаться на крючок явно не собирался.

– Некромант Неясыть. От имени Святейшего престола и Аркинской курии я, недостойный слуга Спасителя, Его милостью ставший архипрелатом Святой матери нашей, великой Церкви Его, имею предложить тебе следующее. – Он воззрился прямо в глаза Фессу. – Распря между тобой и Святой Инквизицией прекращается, и обвинения снимаются. Ты совершенно спокойно, свободно и безо всяких препятствий... – архипрелат сделал выразительную паузу, – покидаешь наш мир. Отправляешься к себе домой. Если это в твоих силах – берёшь с собой тех, кто захочет и сможет последовать за тобой. Но самое главное, – священник даже наклонился вперёд, впившись взглядом в Фесса, – самое главное, ты покажешь нашим мастерам Святой магии способ, которым можно покинуть Эвиал. Если ты и впрямь страшишься мести Западной Тьмы, то там она тебя не достанет. Собственно, я не очень понимаю, почему ты до сих пор оставался здесь... Сделай это – и ты свободен. Ты, твоя дочка, твои друзья.

– Мои друзья мертвы, – сердце Фесса сильно колотилось. – Неужто святые отцы решили, что битва с Западной Тьмой проиграна и им осталось только бегство?

– Твои друзья живы, – с мягкой настойчивостью прервал его первосвященник. – Мои магистры способны вернуть им жизнь. Впрочем, разве бывший отец Этлау не провёл демонстраций? Мы прочли его заклятье.

– Этлау показал мне три неплохо сохранившихся магией тела. Своей силой он заставил одно из них шевелиться и обрести подобие жизни, – отчеканил Фесс, изо всех сил стараясь казаться сейчас невозмутимой ледяной глыбой. – Большого я не видел. Докажи мне, что они живы, первосвященник. И, кстати, почему же вы тогда не оживили их давным-давно? Чего ждали? Моих вопросов?

– С твоими друзьями гораздо проще, когда они пребывают в своём нынешнем состоянии, – поднял бровь священник. Очевидно, Фессу предлагалось считать это шуткой.

Воцарилось молчание. Архипрелат спокойно ждал, некромант лихорадочно размышлял. Да, он давно уже не просто Неясыть, неведомо как попавший в неведомо какой мир. В конце концов, сумели же отправиться отсюда домой (хочется верить!) Император и Сеамни. Правда, нельзя забывать и о помощи вампира Эфраима... Да и Клара как-то ведь пробралась сюда, и едва ли с намерением провести тут остаток дней. Но он сам и помыслить не мог о том, чтобы отправиться обратно, искать дорогу в Долину. Пока в Эвиале остаётся Сущность, пока по нему гуляет Салладорец – как он может уйти?..

Тем не менее решение так и не приходило.

Негатор магии задавал бы любые попытки Фесса освободиться.

– А если я откажусь?

– Тогда ты останешься в наших катакомбах навсегда, – лучезарно улыбнулся архипрелат. – Я прекрасно помню «Анналы Тьмы», их грозное пророчество, и потому ты, конечно же, не умрёшь. Будешь жить, сколько отмерил тебе Спаситель, потом – тихо скончаешься,

если на то будет Его воля, или же нет – если, скажем, в твоих мирах облечённые человеческой плотью не умирают вообще от телесных немощей. Тебя поместят в нормальную, сухую камеру, мэтр Неясыть, будут кормить. Но негатор магии останется подле тебя навсегда. Мне известно, как ты владеешь оружием. Можешь не сомневаться – кандалы с тебя не снимут никогда. Вообще никогда. Никто не собирается мучить лично тебя, мы просто примем необходимые меры предосторожности. Да, я знаю, есть мнение, что «Анналы» неверны, что там содержатся... гм... недостоверные положения. Но рисковать никто не станет. В наших подвалах места хватит на всех, дорогой мой мэтр. Ну и, конечно, в случае твоего отказа ничто не помешает нам применить к твоей спутнице весь пыточный арсенал наших дознавателей. Опять же, без малейших гнева или злобы – а исключительно для пользы дела. За эти грехи я, бесспорно, отвечу перед Спасителем; но, полагаю, смогу хотя бы частично оправдаться всё тем же принципом меньшего зла.

Фесс выслушал эту тираду, сохраняя – по возможности – совершенно бесстрастное выражение. Проклятый святоша оказался прав, совершенно прав. Ловушка, в которую угодил некромант, вышла похитрее прежних. Этлау... им владели страсти, мнил себя новым Мессией, самое меньшее, а оказалось, что он – всего лишь кукла. Неважно, как это на самом деле, главное, что отец-эзекутор сам, похоже, уверовал.

– Твоя взяла, милостивый государь архипрелат, – спокойно и как можно равнодушнее проговорил Фесс. – Я не сражаюсь против необоримой силы. Любого можно пронзить с безопасного расстояния стрелой, особенно если мишень связана и неподвижна. Так что я согласен. Но предупреждаю сразу: чтобы проделать требуемое, мне понадобится вся моя магия. Негатор придётся убрать.

– Не считай нас... э-э-э... настолько уж скорбномыслящими, дорогой Неясыть. Разумеется, все условия для работы мы тебе создадим. Ты будешь в полной безопасности. Я не буду возражать, если твоя воспитанница, назовём её так, беспрепятственно выведет зачарованных ею карликов в пределы, на которые не распространяется пока власть Святой матери нашей. Ну а твоих зомби, господин некромант, тебе придётся взять на себя. Взамен, покидая наш мир, ты сможешь захватить с собой – в количествах достойных, но не чрезмерных – нечто, имеющее ценность в родных тебе пределах. Полагаю, что золото и драгоценные камни не окажутся лишними.

Фесс молча кивнул. Самое главное сейчас – вытащить драконицу и выбраться из этих каменных тисков самому. Там видно будет. Ключ, птенцы, поури и зомби – потом.

Вытащить Рысю.

Остальное, включая спасение отдельно взятых миров, – по возможности.

– Разумеется, мы примем определённые меры предосторожности, – продолжал тем временем прелат. – Кандалы на тебе всё же останутся, Неясыть. Если в твоём распоряжении окажется вся присущая тебе магия...

– Понятно. На слово в Аркине верить не принято? – прищурился Фесс.

– Ты совершенно прав. Мы уже поверили отцу Этлау и горько в этом раскаиваемся. Нет, кандалы останутся.

– А разве недостаточно вашего негатора? Вы ведь можете в любой момент привести его в действие. Против него я бессилен.

– Опыт Эгеста не позволяет говорить об этом с такой уж безапелляционностью, – хитро прищурившись, заметил архипрелат.

– А какие тогда у меня гарантии?

– Никаких. Кроме понимания, что безумен только Этлау, а отнюдь не вся Аркинская курия.

Фесс молча кивнул. Выбора нет. Пусть будут кандалы – лишь бы Рысь вырвалась отсюда.

Лишь бы вырвалась.
Цена не имеет значения.

Глава вторая

Первый, Второй, Шестой, Девятый Железный и Одиннадцатый легионы. Вновь, как и на Свилле, им выпало защищать Империю. Только враг на сей раз совсем уже другой. Подкреплений мало, подтянулось в последний момент три когорты Пятнадцатого легиона, но и всё.

Остальное – на Востоке. Третий, Пятый, Десятый, Двенадцатый, Двадцать Первый и Двадцать Второй – под командованием графа Тарвуса стоят на Суолле, сдерживая разинувших рот на чужой каравай герцогов и королевичей Семандры. Четырнадцатый и Шестнадцатый легионы скорым маршем отходят с Буревой гряды по Полуночному тракту – после Свилльской битвы напиравшие по тракту от Зебера и Демта семандрийцы поспешно ушли на юг, отступили к Дебру и Лушону, где стояли, защищая богатый ремесленный город, Двадцатый легион и местное ополчение. Совсем недавно собранные Восемнадцатый и Девятнадцатый легионы, оборонявшие Илдар, надавили на противостоявших им, и Семандра дрогнула, уходя по тракту на Саледру; имперские когорты продвигались следом.

Седьмой легион, почти в полном составе погибший на Селиновом Валу, медленно возрождался в городах-близнецах Делине и Давине. Покрывший себя позором Семнадцатый – расформирован, и такого номера в войске Империи никогда уже не появится. Четвёртый, Восьмой и Тринадцатый легионы – гонятся по побережью за пиратами, одно за другим выжигая разбойничьи гнёзда. Ни одной когорты оттуда Император взять бы уже не успел.

Мятежные бароны отошли на север и северо-восток от Мельина, в обширные области между Поясным и Полуночным трактами, захватили Остраг, Хвалин и Ежелин, попрятались в замках. Разгром на Ягодной гряде, похоже, основательно остудил горячие головы.

Главная же армия Империи готовилась к решительному бою.

Проделав дальний путь с восточного края огромного государства на западный, она встала в оборону, каждый миг ожидая удара вырвавшихся из разлома тварей. Облеченных уязвимой плотью, как утверждал адепт Всебесцветного Нерга. Он же обещал помощь легионам, да не простую – сулил, что плечо подставят Древние Силы Мельина, которые наконец-то найдут себе достойного противника.

Легионеры, трудолюбивые, словно муравьи, превращали невысокую гряду холмов в неприступную крепость. По гребню возвели трёхрядный палисад, промежутки между рядами засыпали землёй. У подошвы, напротив, выкопали ров шириной в три человеческих роста и глубиной в два – люди работали и днём и ночью, но гномы, вставшие под стяг Царь-Горы и Василиска, превзошли выносливостью всех. Они, похоже, вообще не отдыхали и не ели, орудуя кирками и заступами, точно заведённые. Отверженные и проклятые Каменным Престолом, эти гномы связали свою судьбу с Империей, мало-помалу начинавшую превращаться в то, что виделось её молодому правителю, когда он только-только всходил на престол: государство, где каждый найдёт себе место, если не станет тянуть одеяло на себя и «своих».

Холмы преграждали тварям Разлома дорогу на восток; разумеется, настоящий полководец, располагая такими силами, попытался бы обойти укрепившиеся легионы, ударить по тылам и флангам, взять в кольцо... Однако нергианец уверял, что вторгшаяся сила тупа и нерассуждающая, она валит, подобно морскому валу или снежной лавине, что вставшие на её пути легионы притянут к себе неисчислимые полчища, и в конце концов, как выразился всебесцветный, «трупы врагов сами запрудят Разлом».

Девять дней, запрошенных нергианцем для «подхода помощи», должны были истечь только послезавтра, однако козлоногие уже были здесь, совсем рядом.

Император стоял, с омерзением глядя на валявшуюся у его ног бездыханную тварь Разлома. Рыжая шерсть на уродливой рогатой голове обожжена, глаза-бельмы выкачены, когтистые лапы бессильно раскинуты; нелепо задрались сбитые, стёртые копыта. Бестия мертва, убита неведомым оружием; но заметить стрелка, похоже, сумел один лишь Император.

Остальным это показалось чудом.

– Как?! – вырвалось у Кер-Тинора. Предводитель Вольных, личной стражи Императора, упал на колени возле поверженного врага. Ни сам капитан, ни его сородичи ничего не успели сделать со внезапно ринувшейся из сумрака тварью. А тот, кто успел, – решил не выдавать своего присутствия.

– Его застрелили, – холодно проговорил Император. – Я заметил лучника, но по ночному времени не разглядел. Во всяком случае, в колчане у него явно не простые стрелы.

– Благодарю Вечное Небо, – потрясённо прошептал набольший Вольных. – Никогда такого не видел и даже не слышал.

– Разрубите... это. – Император брезгливо толкнул тварь в бок носком сапога. – На всякий случай.

Вольные мгновенно исполнили команду; из обрубков медленно и нехотя вытекала тёмная, едко пахнущая кровь.

Отрубленная голова с кривой, навсегда застывшей усмешкой воззрилась на Императора; и прежде, чем Марий Аастер сильным пинком отправил её куда-то к подножию холма, правитель Мельина услышал – словно бесчисленное множество голосов зашептали разом:

– Созидаем... Путь. Созидаем... Путь. Созидаем...

Голова катилась вниз, подскакивая, бодая рогами мягкую, раскисшую после дождей землю, а шёпот всё продолжался, пока страшный трофей не скрылся в темноте, поглотившей, казалось, и звучащие в сознании Императора слова.

Созидаем Путь. А Мельин, наверное – просто большой валун, которой предстоит раздробить на мелкие кусочки, чтобы не мешал означенному созиданию.

– Это ты зря, Марий. Прошу вас, барон, принести эту голову обратно. Покажем нашим чародеям, и Сежес, и нергианцу. Пусть поразят нас своей премудростью.

По лицу юного Аастера легко читалось, что он с большим желанием полез бы в загон с голодными волками, чем вниз, но с Императором не поспоришь. Барон вскоре вернулся, осторожно держа уродливую башку за внушительные рога, изогнутые и острые. Выпученные глаза успели помутнеть, запекшаяся на перерубленной шее кровь покрылась налипшим мусором.

Император обвёл своих взглядом. Охотой везти с собою жуткую добычу никто не горел.

– Мешок, – коротко приказал Император. И, не обращая внимания на испуг лошади, стал деловито приторачивать торбу к седлу. Закончив, он выпрямился, бросил: – Возвращаемся, – и в последний раз глянул туда, где ещё совсем недавно мелькнул силуэт загадочного стрелка, – разумеется, на ветке никого не оказалось.

* * *

– А ведь я предупреждал, мой Император! – рычал проконсул Клавдий, забыв обо всяком уважении к августейшей особе. – Я умолял моего Императора не совершать безрассудных поступков!

– Мы узнали кое-что, достойное риска. – Император упёр указательный палец в грудь проконсулу. – В Мельине действует нечто или некто, наделённый огромной силой. И этот «кто-то» на нашей стороне.

– Разве мы можем на это рассчитывать? – присоединилась к Клавдию редко соглашавшаяся с ним Сежес. – Да, чудесное спасение повелителя не может не радовать. Да, трофей отличный, полагаю, мы немало сможем извлечь из него. Но этот «стрелок», как выразился повелитель... что нам в нём? Откуда мы знаем, что он придёт нам на помощь ещё раз? Да и что он может сделать, ведь...

– Ну, эту тварь он свалил в единое мгновение. Может, у него найдётся нечто лучше единичной стрелы?

– Сударь мой проконсул, вы непобедимы на поле битвы, но здесь... – Сежес выразительно закатила глаза. – Если «стрелок» так силён, то почему бездействует? Почему позволяет тварям Разлома продвигаться всё дальше и дальше? Почему он хочет дожидаться, чтобы легионы истекли кровью?

Клавдий отвернулся, решив не спорить.

– Ты права, Сежес, – заговорил Император. – Конечно, рассчитывать на этого загадочного лучника никто не будет. Однако не свидетельство ли это того, что на наш Мельин обратились лики иных сил, которые, я хочу верить, не менее могущественны, чем наш враг?

– Всегда надо рассчитывать только на себя, – повторил проконсул забубённую солдатскую мудрость.

– Разумеется. И сражаться предстоит нам, а не таинственным «стрелкам». Однако, должен признаться, его появление внушает мне некую надежду.

– Мне тоже, – не слишком охотно согласилась чародейка. – Потому что магия, сразившая тварь, – не чета нашей, повелитель. Склоняю голову перед мастерством того, кто сплёл это заклятье. Невероятная мощь, разрушает не только плоть, но и дух; такой стрелой можно уничтожить и призрака. Глядишь, и не потребовались бы эти жуткие уступки всебесцветным...

– К сожалению, у нас нет даже одного такого лучника, – сухо прервал её Император. – Завтра нам предстоит бой. Наш бой. Если нам придут на помощь – это окажется великим благом. Если нет – станем сами крепче держать мечи. Проконсул?..

– Легионы готовы, повелитель. Ещё одна когорта Пятнадцатого на подходе, но это и всё, что у нас осталось.

– Побережье?

– Пираты лютуют, хотя Серторий их здорово потрепал на Берегу Черепов.

– Проконсул, с каких пор в тебе проснулась страсть к красивым и бессмысленным фразам?

– Виноват, мой повелитель. Пираты, всего числом до пяти тысяч мечей, под предводительством Дрого Пузатого...

– Того самого, что грабил Пенный Клинок? И брал от нас деньги?

– Он самый, повелитель. Мы платили ему, хотя и не так много, как другим вожакам. Серторий дал смутьянам втянуться в город – это Меар, мой Император, – и получить выкуп, поскольку это по его приказу голова согласился на пиратское «покровительство». Собрать к Меару удалось только три полные когорты, однако Серторий решительно атаковал ватагу Дрого, когда та грузила добычу на корабли. Нападение велось и с суши, и с реки – на тростниковых плотках. Молодой тростник, как известно, очень трудно зажечь или потопить; две когорты прижали разбойников, третья сплавилась по реке и зашла им в спину. Полная победа, захвачено четыре галеры и почти десять сотен пленных, в том числе и сам Дрого. Серторий посадил его в клетку и покорнейше испрашивает инструкций, как с ним поступить.

– Отрезать ему пузо, – жёстко бросил Император. Бросил так, словно ни на миг не сомневался в исходе завтрашнего боя, словно был уверен – ему и впредь держать бразды правления в мельинской державе. – Отрезать на главной площади Меара, проследить, чтобы

присутствовали все местные старосты на двадцать лиг в обе стороны. Пусть знают, что Империя умеет карать. Прочих пиратов... заковать и препроводить в распоряжение его светлости Тарвуса. Он найдёт им применение. Пусть поработают.

Проконсул кивнул, легат-секретарь торопился облечь императорские слова в плоть письменного указа.

А сам Император думал, что пусть уж лучше на алтари и жертвенники Нерга отправляется этот пиратский сброд, чем пахари мельинских пределов.

...Ни один из обороняющих побережье легионов трогать было нельзя. Резервов больше нет. Все способные держать оружие – или в легионах, или в ополчении, или, увы, примкнули к мятежникам. Но бароны пока отсиживаются на севере и зализывают раны после Ягодной. Какое-то ещё время у него, Императора, пока что остаётся.

...Краткий совет закончен. Все расходятся, Клавдий в очередной раз объезжать посты, Сежес, испросив себе рогатую голову, – «задать ей», как она выразилась, «кое-какие вопросы». Меняется стража Вольных, секретарь откладывает стилус, устало трёт покрасневшие глаза.

Император идёт к Тайде.

Заклятья нергианцев вырвали её из чёрного забытья, мало чем отличавшегося от смерти. Сейчас Дану просто спала, правда не просыпаясь.

Правитель Мельина осторожно присел возле ложа, склонился над разметавшимися по подушке волосами. «Вороновые перья, прерванный полёт...» – из глубокой памяти всплыла стихотворная строчка. Из тех времён, когда ещё правил его отец, такой же Император-без – Имени, как и он сам.

Конечно, и трава тогда зеленела явно поярче, а уж про голубизну небес и говорить не приходится. На севере буйствовал Смертный Ливень, на юге, случалось, шалили пираты, на востоке Семандра и прочие отложившиеся провинции то и дело норовили ткнуть бывшую метрополию отравленной иглой (когда та не смотрит), и всё же – всё же тогда Мельин не лежал в развалинах, имперская армия не исходила кровью, штурмуя башни Радуги, а гномы Каменного Престола сидели тише воды ниже травы, покорнонося бирки (размером, кто забыл, с доброе полено), и смирёхонько торговали на рынках Хвалина.

Но не переводились в стольном граде ни певцы, собиравшие полные амфитеатры, ни великие трагики, заставлявшие те же амфитеатры рыдать над судьбами, сочинёнными драматургами; хватало уличных жонглёров и комиков, акробатов, канатоходцев, танцоров и танцорок; разумеется, всё это предназначалось исключительно простонародью, и Радуга бдительно следила, чтобы её воспитанник, которому ещё только предстояло сделаться правителем исполинской державы, не «испортил себе вкус», посещая «недостойные его зрелища», «грубое действо для тупого быдла».

Всё это исчезло, сгинуло, сорванное военным лихолетьем. Где теперь те певцы и трагики?.. Не осталось даже вечных, неистребимых танцоров и акробатов. Никого нет – унесены ветром, сгорели, как мошки, во вспыхнувшем на всю Империю пожаре.

Зато развелось множество лжепророков.

А изначальный пожар разжёл он, Император.

«Сожалею ли я об этом? – думал он, глядя на точёный профиль мирно спящей Сеамни. – Сожалею ли? Сомневаюсь ли в себе? Сомнение – первый шаг к поражению, Гвин. Гвин – даже имя и то дано тебе не матерью, как у всех обычных людей».

Не сомневайся, Император. Дрогнешь – и низринешься в пропасть, куда глубже Разлома. Дрогнешь – и потянешь за собой вообще всех в Империи, и друзей, и врагов. Ведь сейчас, на этих холмах, твои легионы станут сражаться также и за мятежных баронов, засевших на севере; мятежных баронов, что только и ждут момента для нового штурма Мельина.

Правитель осторожно коснулся тыльной стороной ладони щеки своей Дану. Живая, теплая, гладкая. Ресницы чуть вздрагивают, словно молодой тростник под едва ощутимым ветерком. Дыхание, чистое, словно родниковая вода. Кожа без единого изъяна, поры или оспины, какой никогда не бывает даже у младенцев людской расы.

Есть, правда, один-единственный шрам. На шее... Памятный шрам, что и говорить.

«Ты здесь. Ты спишь. Ты – то, что держит меня в этом мире. Даже Империя значит меньше. Я уже бросил её один раз ради тебя, когда шагнул в Разлом следом за утащившей тебя Белой Тенью. Мы встретились с похитителем в открытом бою, и я взял верх; и ты вернулась. Я помню лютую стужу и холод минувшей зимы, когда мы очутились в снежной пустыне и твои волосы вороновыми крылами вились под вьюжным ветром, снежинки запутывались в них и не таяли, словно жемчуга. Я помню избиение волков, помню тебя, прямую и разящую, точно пронзающее копьё; помню каждый миг с тобой, каждый твой взгляд. Помню призрак Деревянного Меча в твоей вознесённой руке, там, на берегу покрасневшей от человеческой крови речушки под названием Свилле; помню ту горбатую тварь, вызванную жрецами Семандры из неведомой бездны; помню твой удар незримым клинком, вспоровшим чешую, броню и саму плоть демона. Помню, как ты опустилась на землю, впитавшую в себя вдосталь горячей крови; наверное, богатые травы поднялись на этих заливных лугах...

Ты – это я, и я – это ты. Это не любовь, не плотская страсть, даже не воспеваемое поэтами «единение двух душ». У меня нет для этого слов, я не бард, я Император, не имевший даже имени и не читавший ничего, кроме трудов по военному искусству и героических эпосов. Ты дала мне имя. Многие верят, что, нарекая кого-то, даруют не просто имя, что станет отличать тебя от других, – но нечто большее, оно зазвучит в аэре, его подхватит далеко разносящееся эхо; имя достигнет неведомых сфер, отразится от звёздного купола – а нарекший обретает особую власть над наречённым, но в то же время и сам оказывается от него в зависимости.

Мы оба друг без друга – ничто. Слишком длинны тянущиеся за нами шлейфы крови. Окажись мы порознь – они потянут нас на самое дно Разлома, и хорошо ещё, если в тот самый мир, откуда мы один раз уже смогли выбраться.

Ты спишь, Сеамни Оэтаканн. Видящая Народа Дану. Носительница Деревянного Меча, навек осенённая его яростью и безумием. Мы оба безумны, Тайде, и ты, и я, мы скованы тенями и ужасом, развёрстными безднами и тьмой, огнём и ветром, снегом и льдом, мы проросли друг в друга, наши мысли – одно, наши души – одно. Я знаю, что не переживу тебя; и знаю, что ты тоже не удержишься на этой земле, если в пылу битвы меня найдёт случайная стрела или кто-то окажется искуснее на мечах. Я, к сожалению, знаю, что Спаситель на самом деле ждёт нас, притаившись, словно ночной тать, за гранью нашего мира; он ждёт наших душ, они для него – лакомый кусок, и он алчно следит за каждым нашим шагом, за каждой истекающей секундой отмеренного нам срока; я знаю, что нам предстоит ещё одна, поистине последняя битва, когда, взявшись за руки, мы побредём по бесконечным серым полям Посмертия. Я верю, что мы не разлучимся и там, я верю, что моя рука не ослабевает, что даже за гробом я смогу защитить свою женщину. Или – умереть второй, последней смертью, и тоже – вместе с ней.

Спи, родная. Пусть явится тебе твой родной лес, на скудном людском наречии зовущийся Друнгом. Пусть ты увидишь его в расцвете красоты и славы, когда изумрудные древесные кроны поднимаются до неба, а под корнями журчат хрустально-чистые ключи. Пусть солнце глядится в незамутнённые воды лесных озёр, и пусть Древние Силы снизойдут к тебе, раскрывая свои тайны.

Спи, Тайде. Спи. А Император, которого ты прозвала Гвином, отправится готовить легионы к последнему бою. Если верно всё, что мне говорили... если не солгал нергианец,

если не ошибается Сежес... может, завтра мы и в самом деле зашьём иглами наших мечей-гладиусов чудовищную рану в теле Мельина, зашьём и оставим рубцеваться.

По сравнению с этим всё остальное – мятеж баронов, примкнувшая к ним Радуга, вторжение Семандры, бесчинства пиратов – уже совершенная мелочь.

Спи. Спи-и-и...»

Император легко касается губами прохладного лба Сеамни и встаёт.

И уже не видит, как за его спиной веки спящей внезапно поднимаются и незрячий взгляд вперяется в полог походного шатра.

* * *

Вскачь неслась короткая летняя ночь, и запах молодой травы сводил с ума даже бывалых ветеранов. Банальная фраза «словно и нет никакой войны» повторялась в ту ночь сотни, тысячи раз, у всех легионных костров, расправив крылья, она порхала над лагерем, над морем полотняных крыш, под которыми защитники Империи коротали свои последние мирные часы перед рассветом.

Они знали – их ждёт небывалое. Дравшиеся у Мельина и на Свилле, при Ягодной гряде, легионеры привыкли и воспринимали уже почти как закон, что «небывалое бывает», особенно если дело доверено им, лучшим легионам Мельина. Первый, Серебряные Латы. Девятый, Железный. Да и остальные – им под стать.

Да, много новичков. Но ныне в легионах матереют и становятся бывалыми ветеранами куда быстрее, чем в мирные года. Одна только битва на Свилле способна была превратить вчера взявшегося за гладиус новичка-рекрута или в настоящего воина – или в пищу воронам, пусть даже он пережил свой первый бой, в ужасе отсидевшись за щитами и панцирями первых шеренг.

Сейчас здесь остались только настоящие. Кто ждёт рассвета без тягучей смертной тоски, оплакивая каждый миг бессмысленно прожитой жизни. Нет, у легионных костров вспоминают походных подружек, или верных друзей, или весёлые пирушки, или славные победы – о другом не говорят, ибо ни к чему воину омрачать последние спокойные часы думами о чёрном.

Как выглядит враг, все уже знали. Легаты собирали центурионов, те – шли в свои манипулы и когорты. Козлоногие твари. Здоровенные, что твой бык, но оружия нет. Строя не знают, дерутся каждый за себя. Ну, сильные. Ну, много их. Но ведь тем и славны легионы, что их порядок всегда бил и силу гномов, и число орков, и изощрённую искусность Дану. Легионы побеждали и вчера, и позавчера – так почему бы не победить и завтра? Ты, малой, главное, щит держи в линию, не размыкай и, когда скомандуют «дави!» – тут уж наваливайся, как можешь и как не можешь тоже, потому что наша стена щитов сомнёт любого, если её не разорвать по дурости. Но дураков тут уже давно не осталось, верно я говорю, ребята? Дураки, они все лежат – кто на Селиновом Валу, кто под Луоне или Саледрой, кто на Свилле или возле Ягодной гряды...

Звёзды поворачиваются, сменяют друг друга небесные часовые, следуя за ними, заступают на посты свежие караульщики. Откопаны рвы и сооружены палисады, в сотый раз проверены катапульты и баллисты, сосчитаны огнеприпасы, стрелы уложены тугими пучками, связки пилумов готовы к бою; легионы готовы так, как могут быть готовы только легионы.

А высланные вперёд дозорные сотни неспешно рысят, отступая перед угрюмо катящимся вперёд живым океанским валом: отдельные ручейки, струясь от Разлома каждый своею дорогой, достигали открытого поля перед холмами, где укрепились имперцы, и там сливались в единое море; а с запада маршировали новые сотни, неотличимые друг от друга, рогатые монстры, созданные для одного-единственного дела, не те, кого легионы разили на

Свилле или Ягодной: эти не повернут назад, не бросят оружия, поняв, что окружены, и не попытаются спасти свои жизни. У них ведь, небось, и жизни-то самой не водится, так, одна видимость...

Император вышел из шатра. Заметил мигом вскочивших на ноги Сежес и нергианца – судя по встрёпанному виду обоих и раскрасневшимся щекам, тут явно имела место перебранка, едва не перешедшая в самую настоящую рукопашную.

– Мой повелитель!

– Ваше императорское величество, я...

Кер-Тинор и трое Вольных выросли как из-под земли, отгородив правителя Мельина от чересчур рьяных чародеев.

– Сежес. Ты, посланец Нерга. В чём дело? Говори ты, волшебница.

Бывшая глава Голубого Лива послала кислому нергианцу язвительный взгляд.

– Мой Император, нам следует немедленно отступить! – выпалила чародейка. – Древние Силы, обещанные сим достойным аколитом Всебесцветного Ордена, отнюдь не торопятся к нам на помощь. Сегодня девятый день, мой повелитель, напоминаю на тот случай, если кто-то из здесь присутствующих, – ещё один ядовитый взгляд на нергианца, – не в ладах с устным счётом. Мы не выдержим штурма. Надо отойти, пока обещанные Древние не подспеют. Мои помощники сбились со счёту. Козлоногих уже почти четверть миллиона, и они продолжают прибывать, магия работает, они все стягиваются в одно место, не пытаюсь, как я понимаю, окружить нас. А в легионах лишь чуть больше сорока тысяч, это считая вместе с гномами и подошедшими когортами Пятнадцатого. Надо отступать, повелитель. Возможно, подтягивая подкрепления. И ожидая *обещанной*, – ухмылка Сежес резала, словно нож, – ожидая обещанной помощи.

– Ты! – Палец Императора указал на аколита всебесцветных.

– Ваше императорское величество. Да, обещанная мною помощь пока ещё не поступила. Но я ожидаю её с минуты на минуту. Если до рассвета ничего не изменится, я постараюсь услышать голос Нерга и немедля доведу все известия до слуха моего августейшего повелителя.

– С первыми лучами солнца эта орда повалит на нас, – яростно прошипела Сежес. – Мой Император, умоляю, заклинаю, вот, становлюсь на колени, – и она действительно бухнулась прямо в лагерную пыль, – отдайте приказ к отходу. Мы ещё успеем. Твари медлят, наверное, ждут, когда их соберётся ещё больше... Легионы сумеют оторваться. Отступим к Мельину, соберём когорты с побережья, вооружим всех, кто ещё не в строю, от мала до велика. И тогда... возможно... где-нибудь под Арсинумом или Бринзией...

– Повелитель! – резко перебил чародейку нергианец. Лицо его неприятно подёргивалось. – Я с трудом верю собственным ушам. Сежес предлагает отдать на полное разорение половину западного удела! Сейчас она говорит – Арсинум и Бринзий, а потом заявит, что отступать следует до Мельина и Гунберга; а там, не успев оглянуться, и до Гедерна доберёмся! Нет, повелитель, бой следует дать здесь и сейчас. Подумайте, сколько злокозненных тварей окажется на нашей земле, если мы станем мешкать и тянуть время! Что останется от ещё живых городов и сёл? Какая судьба будет ожидать их обитателей? Нет, у нас только один выход – сражаться, сражаться и ещё раз сражаться!

– А что станет делать во время этого сражения аколит Всебесцветного Ордена? – дрожащим от ярости голосом осведомилась Сежес. – Отсиживаться в обозе, притворяясь, что он «внимает голосу Нерга»?

Аколит с притворным смирением развёл руками.

– Я не владею ни мечом, ни копьём, ни щитом, досточтимая Сежес. От меня будет мало толку в первой линии легионов. Для общего успеха каждому надлежит исполнить свой долг. Мой заключается в том, чтобы и впрямь «слышать голос» моего Ордена. И, естественно,

извещать об услышанном моего повелителя, выздоровлению которого я не перестаяю радоваться.

Сежес криво улыбалась, и весь вид её, казалось, говорил: мол, знаю я цену твоей радости.

Император задумался. В словах чародейки Лива имелся свой резон. Если Древние Силы и впрямь опоздают к сражению – то как его легионы выстоят против катящегося на них живого моря?

– Проконсула ко мне, найдите, живо! Всех легионных легатов – срочно! – отрывисто бросил Император.

Конечно, они неплохо врылись в землю на этом рубеже, но, в конце концов, рвы и палисады можно выкопать и возвести заново. Легионерам не привыкать.

– Мой Император! – настала очередь нергианца умолять и кланяться. – Я ручаюсь всем, что у меня есть, и полностью предаю себя в ваши руки. Помощь будет. Её просто не может не быть!..

Однако правитель Мельина уже его не слушал.

– Передать мой приказ – немедленно снимаемся с лагеря! Не мешкать ни минуты! Не меш...

– Пропустите! Пропустите! – раздались вопли со стороны частокола.

– Гонец, мой повелитель, – побледнела Сежес.

– Они начали атаку. – У Императора вырвался самый настоящий рык раненого зверя. – Словно услышали, проклятые... Нергианец! Вызывай своих, слушай Нерг или вообще, что хочешь, но чтобы ответил мне, где обещанная подмога! Кер-Тинор! Оставь с ним пяток лучших бойцов.

Вольный молча кивнул, глаза его зло сощурились. Император не позавидовал бы адепту Нерга, вздумай тот хотя бы дёрнуться.

– Не спускать с него глаз. Ни на миг не отворачиваться. Руки его чтобы были постоянно на виду, – давал Император последние указания.

– Я никуда не собираюсь бежать, мой повелитель, – с благородной грустью заявил нергианец, демонстрируя глубокую оскорблённость недоверием. – Но, если так будет угодно моему повелителю...

– Твоему повелителю, – Император не скрывал сарказма, – угодно, чтобы ты расшибся тут в лепёшку, принёс сам себя в жертву, но привёл бы, мрак и тьма, обещанную нам подмогу!

– Я сделаю всё, что в моих силах, – поклонился аколит всебесцветных.

Однако поклонился он недостаточно быстро, чтобы правитель Мельина не успел заметить сверкнувшее в глазах злое торжество.

Несколько мгновений Император боролся с навязчивым, почти необоримым желанием разрубить этого слизняка надвое прямо тут. Или отдать приказ Вольным подвесить всебесцветного на первом попавшемся суку и развести под ним небольшой костерок – чтобы помучился подольше.

Но уже вовсю трубили тревогу легионные трубы, гулко бухали большие барабаны; уже разнёсся над вмиг ожившим лагерем топот десятков тысяч ног, легионеры бежали по давно затверждённым местам в строю; засуетились, забегали молодые маги – помощники Сежес, с откровенным ужасом косясь на страшного и ужасного повелителя Мельина, чьи гнев и ярость превозмогли всю мощь хвалёной Радуги. И ведь муштруют их в Орденах, и насмотрелись эти молодые маги всякого – однако человека, бросившего вызов непобедимому противнику и одолевшего, боятся...

– Ты всё верно сказала, Сежес, – повернулся Император к слегка побледневшей чародейке. – Дала хороший совет. Жаль, что он запоздал. Теперь нам остаётся только биться. Твои ребята...

– Они умрут за Мельин, – просто ответила она. – И я тоже, мой Император. Наверное, я всё же хорошо тебя воспитала. Сегодня мы или победим вместе, или вместе умрём. Отступления не будет.

– Раньше никогда не замечал в тебе склонности к патетике, Сежес. – Император протянул волшебнице руку, и она ответила по-мужски крепким пожатием. – Умрём, отступления не будет... Умирать мы не имеем права. И отступим... вернее, постараемся отступить, если не останется иного выхода. Надо сберечь легионы. Новые набирать, боюсь, уже окажется не из кого.

Сежес молча и отрывисто кивнула, глядя прямо в глаза Императору.

– Прежде чем... я пойду... – Её пальцы безостановочно теребили спадавшую на лоб прядь тёмных волос. – Прежде чем я пойду, хочу сказать тебе, повелитель. Мы ошибались. Радуга ошибалась, и страшно. Наша, моя – да, моя вина безмерна. Помни, повелитель, те чародеи, что сегодня встали рядом с твоими легионерами, думают точно так же. Иначе оказались бы с баронами в Хвалине. Помни об этом, повелитель... когда всё кончится. И ещё одно. После того как ты, повелитель... поносил эту перчатку, мысли твои от меня наглухо закрыты. И Сеамни пусть тоже не беспокоится – наследие Иммельсторна защищает её надежнее любых заклятий или оберегов. Это... на всякий случай, чтобы вы не стеснялись.

Она резко поклонилась, ещё резче крутнулась на каблуках и почти бегом бросилась прочь, на бегу командуя своим:

– Мехен, Двигор, фитили готовы? Танника, трут?.. Забаж, грузы все прикреплены?.. Шевелитесь, шевелитесь, если хотите дожить до обеда!..

Император проводил чародейку взглядом. Вот ведь как. Да, она изменилась, та самая Сежес, которую он так ненавидел в своё время. Ещё совсем недавно он был на волосок от того, чтобы отдать последний приказ – и гордая волшебница голубого Лива, чьи платья всегда вызывали завистливые шепотки среди других чародеек, – окончила бы свои дни в петле или на дыбе.

Сейчас она готова умереть рядом с ним.

Впрочем, как и он – рядом с ней.

...Проконсул Клавдий, командиры легионов, гном Баламут, начальствовавший отрядом «имперских гномов», ждали Императора на холме, поднимавшемся в самой середине позиции. За спинами защитников Империи поднялось солнце; на небе – ни облачка, день обещал выдаться жарким.

– Водоношей нарядили? – сумрачно обронил Император.

Легаты не успели даже приветствовать правителя Мельина, как умели только бывалые легионеры – одновременным и дружным ударом латных рукавиц в нагрудники, там, где сердце.

– Водоношей, мой Император? – озадачился Клавдий. – Конечно, как же иначе?

– Чтобы воды у нас было вдоволь! За недосмотр спрошу троекратно!

– Будет, повелитель, – кивнул Гай, командир Шестого легиона. Остальные переглянулись с известным недоумением – за кого, в самом деле, держит их владыка Империи?

Все легаты облачились сегодня в лучшие доспехи, надели шлемы с высокими плюмажами – легионеры должны видеть своих командиров.

Внизу последние манипулы уже занимали свои места. Поле перед рвом и палисадом совершенно опустело – ни единой живой души. А в дальнем его конце клубилась словно бы опустившаяся не землю туча – сжав ряды, в полном молчании там наступали полчища козлоногих, и от позиций имперских легионов их отделяло сейчас лишь два-три полёта стрелы.

И это расстояние стремительно сокращалось.

– Именно так это всё и выглядело, – негромко произнесла невеста откуда взявшаяся Сежес. Чародейка запыхалась, широкие порты и коротко подрезанный мужской кафтан перепачканы. Доспехов волшебница не надела. – У меня всё готово, повелитель, – опередила она вопрос. – Метальщики на позиции. Посмотрим, как нашим гостям понравится этот дымок.

– Первый легион готов, повелитель.

– Второй готов, – тотчас подхватил Сципион, ни в чём не желавший уступать первенства Серебряным Латам.

– Шестой легион исполнит свой долг, мой Император, – более торжественно выразился Гай.

– Девятый Железный победит или погибнет, – с мрачной торжественностью отсалютовал Скаррон.

– Одиннадцатый легион... – начал было Публий, однако Император поднял руку.

– Друзья. Не надо слов. Нам предстоит не просто победить. Надо сохранить войско, потому что обещанная Нергом помощь... – он поколебался, – несколько запаздывает. Поэтому задача меняется. Насмерть и до последнего стоять не станем. Надо вырваться из мясорубки и вывести легионы. Мы не успели отступить, твари начали атаку. Нам остаётся только продержаться, отбить первый натиск. Возможно, продержаться до вечера, а под покровом ночи отступить. Но – и это главное! – никаких самоубийственных прорывов и контратак. Когда они завалят ров и палисад трупами, вступишь ты, Сежес. Я рассчитывал на ваше оружие в самом начале, теперь план приходится менять. Что ж, господа легаты, по местам. И... – Император запнулся. Он не любил красивых и пустых слов, которые положено произносить полководцам перед боем. – И пусть каждый сделает всё и ещё чуть – чуть сверх этого, – закончил он совсем не в обычной манере.

Легаты молча отсалютовали.

...Все легионы знали свой маневр. На левом крыле – Одиннадцатый. На правом – Шестой. В центре – Второй и Девятый. Серебряные Латы – в резерве. Конные турмы сосредоточились на флангах, если козлоногие всё-таки попытаются обойти укреплённую позицию. Гномий строй застыл идеальным квадратом между Вторым и Девятым легионами, прямо напротив императорского штандарта.

Козлоногие наступали в полном, невозможном и невообразимом для живых существ молчании. И только топот, топот, топот сотен тысяч копыт; только пыль, поднимающаяся над полем сражения, несмотря на прошедший недавно лёгкий дождичек. Яркое солнце светило прямо в глаза наступавшим, но их, похоже, это ничуть не смущало.

– Катапульты, – проговорил Император.

Битва начиналась. Совсем не такая, что на Свилле или Ягодной гряде, повторял себе Император, повторял снова и снова, потому что чувствовал – стоит ему позабыть об этом, решить, что против его легионов сегодня оказались люди или даже маги, – всё, конец войску. А конец войска означал и конец Империи.

...Катапульты послали первые каменные глыбы навстречу катящимся шеренгам. Прицела не требовалось, настолько густы оказались цепи. Никто из козлоногих даже не поднял головы, не попытался уклониться от низринувшихся с небосвода разящих ядер. Император видел множество голов, поднявшихся над частоколом, – легионеры хотели сами воочию убедиться, что их враг так же смертен и что простое оружие имеет над ним власть.

Убедились.

Тяжеленные круглые ядра, которые приходилось поднимать посредством сложных систем блоков и рычагов, рухнули прямо в гуще несущихся размашистым шагом козлоногих. С силой пущенные снаряды оставили за собой настоящие просеки. Покрытые рыжей вьющейся шерстью тела разрывало пополам, тёмная кровь щедро расплескивалась по земле,

оторванные руки, ноги и головы разлетались в стороны – набегавшие новые шеренги пинками отбрасывали их с дороги. Никто не дрогнул, никто не остановился. Раненых затоптали в несколько мгновений.

Наверное, два десятка войсковых катапульти первым залпом прикончили около сотни козлоногих – капля в море, – но легионеры разразились ликующими воплями.

– Получили!.. Получили! – неслось над палисадом.

Твари уязвимы. Их можно убивать. И рождалось свирепое, кровожадное желание – ну, давайте же скорее, давайте, не тяните; потные ладони крепче смыкаются на пилумных древках, готовые к броску.

Прислуга катапульти засуетилась вокруг, торопясь натянуть канаты и заложить ядра; сегодня им предстояло потрудиться, потому что вся равнина, насколько мог окинуть глаз, до самого леса вдаль, оказалась запружена жуткими в своей одинаковости тварями Разлома.

– Они уже у рва... – бросил Клавдий, просто чтобы нарушить гнетущее молчание.

Ни одна из рогатых бестий не остановилась перед препятствием. Твари горохом посыпались вниз, им на головы – следующие, потом ещё, ещё и ещё. Кого-то давило, плющило и ломало, но следующие ряды шли прямо по шевелящемуся настилу, не испытывая никаких колебаний.

Командиры легионов не нуждались в напоминаниях, когда и что делать. Велиты натянули луки и разом их отпустили. Команды арбалетчиков, нацелившись в голубой небосвод, разом нажали спуск, и из задних рядов давно отработанным до мелочей движением им передали уже заряженные самострелы. Приняли – вскинули – нажали – полуповорот – приняли новый – вскинули – нажали...

Сотни и тысячи стрел, пополам с арбалетными болтами, исчертили небо мелким штрихом. Свистящая стая взмыла, достигла зенита, наклонила к земле острые оголовья – и низринулась вниз.

Каждый наконецник в этой стае нашёл цель, ни один не воткнулся слепо в вытоптанную траву. Множество козлоногих тупо, словно опрокинутые игрушки, ткнулись уродливыми мордами в почву, но куда больше пробежало над убитыми, не обращая на павших никакого внимания.

Лучники и арбалетчики легионов не видели врага. Они стреляли навесным, молча и зло опустошая колчаны. Лёгкий ветерок веял им в спины, помогая лететь посланной ими колючей стае; они не знали, что творится сейчас перед выкопанным их руками валом, да и не требовалось им того знать. Они просто делали своё дело, и делали его так, как могли.

Никто в тот день не смог бы сделать большего.

Однако опытные и бывалые воины, что стояли на гребне частокола, видели из-за острых тесин палисада – прорехи в живом море мгновенно затягивались; козлоногим не было дела ни до убитых, ни до раненых, никто не озабочился приостановиться и хотя бы взглянуть, что случилось с упавшим; ров стремительно заполнился дёргающимися в агонии, извергающими потоки тёмной крови растоптанными телами; злые, нахмуренные центурионы рявкнули на буксинщиков, и над палисадами пронёсся многократно повторённый сигнал:

– Пилумы!

...Легионер делал шаг к самому частоколу, привычно взвешивая в правой руке отполированное древко. Столь же привычно вскидывал пилум на изготовку и, разогнувшись, подобно луку, метал навстречу карабкающейся по склону живой лавине – в отличие от лавины обычной эта двигалась вверх, не вниз; развернувшись, уступал место товарищу – давно затвержёнными движениями живой машины истребления и смерти.

Седоусые ветераны и те, кто встал под легионные василиски только после битвы на Свилле, – все они, отходя, давая место следующим, изо всех сил старались вырвать из себя обессиливающий мерзкий ужас – потому что волна козлоногих, безо всякой видимой

задержки перехлестнув через ров, поднималась вверх, к палисаду, не обращая внимания на рушашуюся сверху смерть.

«Сежес была права, – с мрачным отчаянием подумал Император. – Следовало отступить сразу – но тогда они настигли бы нас на равнине, и вышло бы ещё хуже...»

– Кер-Тинор.

– Здесь, мой Император, – отозвался обычно молчаливый капитан Вольных.

– Отправь кого-нибудь проверить, как там наш нергианский гость.

Короткий, отрывистый кивок. А Император вновь заставляет себя смотреть вперёд и вниз – туда, где кипит рыже-коричневое море, где, беспощадно истребляемое, воинство Разлома лезет и лезет прямо на горячую людскую сталь, ловит её собой, остужает в щедро текущей крови, словно и не замечая падающих тел.

Посыльные вскоре вернулись.

– Творит какую-то волшеббу, – бесстрастно доложил Вольный. – Сидит перед кристаллом. Не отвечает. Словно бы ничего и не слышит. Но чары плетутся, мой Император.

Правитель Мельина досадливо махнул рукой.

– Так я и знал. «Сидит перед кристаллом». И, быть может, просидит так до вечера. Ладно, оставим пока. Клавдий?

– Их не остановить, – спокойно проговорил в ответ проконсул. Он не трусил, не паниковал и не преувеличивал – он просто сообщал очередной факт, имеющий непосредственное отношение к порученному ему делу.

– Сежес? – повернулся Император к волшебнице.

Чародейка застыла, низко опустил голову и раскинув руки. Губы её беззвучно шевелились, и повелитель Мельина ощутил чувствительный, но незримый толчок – она готовила наступающим свой собственный сюрприз.

Секунда, другая – Сежес вскинула на Императора заполненные чистым пламенем зрачки.

– Омм, – тихо проговорила она, словно давая команду.

Радуга знала множество видов истребительного волшебства. Правда, по большей части эти чары просто повторяли действие обычного человеческого оружия: творились взрывающиеся огненные шары и разящие молнии, пронзающие ледяные копья и стрелы, давящие каменные глыбы. Случалось, земля расступалась под ногами атакующих, поглощая их ненасытной пастью; следует, однако, заметить, что на Ягодной гряде баронам и их присным не помогло никакое чародейство, имперские легионы торжествовали победу. Она далась Императору дорогой ценой, но всё же то была победа, ещё одна победа меча над магией.

Сейчас Сежес превзошла саму себя. Не принадлежа к огненному Арку, владея только открытой для всех прочих Орденов магией пламени, она (вместе с остальными её чародеями) заставила вспыхнуть сам воздух.

Палисады содрогнулись от пронёсшегося магического удара. Там, где только что земля терялась под сплошным ковром рогатых воинов Разлома, от края до края холмистой гряды пролегла сплошная полоса огня шириной в половину полёта стрелы. Горело всё – земля, камни, древки вонзившихся в плоть козлоногих копий, пылали и наконечники копий, глубоко в кровоточащих ранах; заполненный телами ров полыхнул, словно до краёв налитый огненосным земляным маслом.

Легионеры первых рядов невольно отшатнулись, закрывая локтями лица. От страшного жара грозили вот-вот заняться брёвна частокола, и кое-кто поспешил опрокинуть на них заготовленные котлы с водой.

Несколько мгновений имперское войско молчало, поражённое зрелищем... а потом разразилось ликующим кличем. Ничто не могло выжить в этой огненной купели; пламя бушевало, пожирая даже вековечный камень.

И Император невольно подумал, какая судьба ждала бы его легионы подле башни Кутула, обернись против них мощь, хотя бы вполовину той, что была явлена ему сегодня.

Однако козлоногим потребовалось лишь несколько мгновений, чтобы преодолеть эту новую преграду. Из пламенной стены вырвался один рогатый силуэт, за ним ещё, ещё и ещё; они горели сами, горели и падали, сделав лишь несколько шагов, однако валящие за ними следом пробегали уже большее расстояние. Победные крики на гребне палисада поутихли, легионеры вновь пустили в ход пилумы и короткие дротики.

«Словно кто-то вдвинул гребёнку в пламя», – отрешённо подумал Император, наблюдая, как дымные дорожки, остававшиеся за каждым из прорвавшихся сквозь огонь козлоногих, стремительно сливались, образуя сплошную завесу. Правитель Мельина покосился на Сежес – чародейка шаталась, едва удерживаясь на ногах, вытянутая рука тряслась, скрючившиеся пальцы точно пытались ухватить, сжать и раздавать что-то невидимое.

Император кивком указал Кер-Тинору на волшебницу. Капитану Вольных большего не требовалось – двое стражей разом выросли по бокам у Сежес, почтительно поддерживая её под локотки.

Чародейка даже не повернула головы. Подбородок её трясся всё сильнее и сильнее, точно у самых древних старух; из уголка губ потянулись струйки слюны.

Но огонь пылал по-прежнему, и козлоногие платили тысячами своих, сгоравших в разожжённом волшебницей пламени. Несмотря ни на что, многие прорывались сквозь завесу, однако частокола достигали уже порядком прореженные ряды; живой ковёр изодрало, никакого сравнения с тем, что творилось перед яростно-багряным занавесом.

Пробившихся к палисаду козлоногих покрывала гарь, рыжеватая шерсть обгорела, однако никто из них словно и не чувствовал ожогов, не помогал соратнику сбить огонь, скажем, со спины или загривка. Выжившие в полном молчании бросились вверх по склону, откуда им навстречу продолжала свистеть колючая стальная стая.

Пилумы, копья, дротики, стрелы, арбалетные болты, камни катапульта собирали сейчас обильную жатву. Одно рогатое тело валилось на другое, сверху громоздилось третье, об откинутую лапу, обезображенную огнём, спотыкались четвёртое и пятое, а потом в кучу со всего размаха врезалось шестое, только для того, чтобы грудью поймать железный наконецник, навывлет пробивающий плоть.

Однако, несмотря на все усилия Сежес, пламенная завеса мало-помалу опадала. Шеренга за шеренгой, козлоногие маршировали прямо в огонь, втапывая рыжие языки пламени в землю бесчисленными тупыми копытами. Всё больше и больше рогатых бестий пробивалось сквозь истребительную преграду, всё гуще и гуще валились их тела на склоны; выкованная человеческими руками сталь пела короткую убийственную песнь смерти, собирая небывалую жатву; наверное, даже на Берегу Черепов не творилось ничего подобного. Тогда люди тоже шли прямо на стрелы Дану, не обращая внимания на упавших; однако они шли побеждать, а не умирать. Они могли оставить в мелкой прибрежной воде половину изначально переплывших Внутренние Моря; половину, может, даже три четверти, однако оставшаяся четверть должна была дать (и дала) жизнь новым поколениям, а потому «победить и погибнуть все» люди не могли.

Козлоногие же наступали с полным, фантастическим, ужасающим фатализмом и равнодушием к собственной участи. Дикие звери бегут от огня; и лишь мелкие тундровые мыши, случается, в охватившем их безумии миллионами бросаются в морскую пучину.

Но козлоногие, увы, куда крупнее мышей. И топиться они отнюдь не собирались. Каждый их погибший означал потерю ещё одного пилума, дротика или стрелы. Какие бы запасы ни притащил сюда в обозах бережливый Клавдий, наступит момент, когда и они покажут дно.

...Первый козлоногий добрался до основания палисада. Вскинул опалённую морду, зарычал, вращая вытаращенными, налитыми кровью глазами. Согнулся, словно при игре в чехарду; перегнувшийся через острия затёсанных брёвен легионер что было сил метнул пилум; острое вошло твари в спину где-то возле правой лопатки, однако сзади уже прыгал следующий из бесчисленных воинов Разлома. Оттолкнувшись, он вцепился могучими лапами в верхний край частокола и одним движением оказался среди отпрянувших защитников.

Обгорелая шерсть, почерневшая кожа, закопчённые рога. Мгновение бестия медлила, словно выбирая цель; два копья разом вонзились ей в брюхо, однако тварь, истошно завизжав, успела стрести ближайшего легионера и одним движением оторвала ему голову, швырнув истекающий кровью страшный «мяч» прямо в лица соратникам убитого.

На большее чудовища не хватило, прямо в глотку ему вонзился метко пущенный пилум; булькая и клокоча изливающейся кровью, тварь в корчах рухнула прямо вниз.

Рассматривать её или скорбеть о товарище у легионеров уже не оставалось времени. Рогатые головы одна за другой появлялись над частоколом; дело стремительно катилось к рукопашной.

– Сежес, твоё сено! – негромко приказал Император; и одна Сеамни смогла бы сказать, во что ему обошлось это показное спокойствие. Даже Сежес, на чьих руках он, можно сказать, вырос, ничего бы не прочла сейчас в нём.

Чародейка с трудом подняла голову. Из носа у неё сочилась кровь, глаза заволокло какой-то больной пеленой; но слова повелителя Мельина она поняла и едва заметно кивнула.

Никто не услышал отданную ею команду; но те, кто надо, поняли приказ, потому что уже миг спустя катапульты метнули навстречу тварям Разлома первые дымящиеся мешки с сухой травой.

Да, в этом дыму... крылось нечто, пришлось признать Императору. Его самого согнуло в приступе жестокого кашля; у Сежес же закатились глаза, и она без сил осела на руках у Вольных.

Пламя перед частоколом мгновенно исчезло, оставив после себя широкую чёрную полосу дотла выжженной земли, словно кто-то провёл здесь черту раскалённым варом. Там не осталось ничего, даже костей; шеренги козлоногих хлынули вперёд, уже ничем не сдерживаемые.

Следом за катапультами пустили свои стрелы и манипулы велитов. Сотни стрел чертили в небе дымные дуги, опускаясь, вонзались в головы, плечи, спины наступавших; поле медленно заволакивало сизым маревом, низко стелившимся по земле, словно утренний туман. Мгла колыхалась, словно молоко в кувшине.

Император, Клавдий, легаты, Вольные – все затаили дыхание, вглядываясь в творящееся на поле.

Несколько мгновений там всё оставалось как было. Катились неудержимым океанским приливом новые множества рогатых бойцов; вдоль всего частокола кипела жестокая сеча, легионеры сбивались вместе, смыкали ряды и щиты, выставляли копья, вольно или невольно подражая несокрушимо хирду гномов; Баламут и его сородичи дико орали, свистели и ухали, а махина броненосной пехоты гномов подалась вперёд, давя, подминая и плюща бестий, сумевших прорваться сквозь первый заслон. Длинные копья разили без промаха, и козлоногие умирали, насаженные на гномью сталь.

– Ну же!.. – Клавдий не сдержался, заскрежетал зубами.

Всё пространство перед укреплениями заполнял теперь густой туман, поднявшийся человеку по грудь. Сперва козлоногие не обратили на него никакого внимания; однако неудержимый порыв их вдруг сломался, шеренги сбивались с шага, кто-то начал падать, молча корчась в конвульсиях и опрокидывая тех, кто оказывался рядом.

Нет, никто из наступавших бестий не дрогнул. Рухнувшие упрямо продолжали ползти вперёд – кто без руки, кто без ноги, как рассмотрел поражённый Император. Казалось, что сизая мгла, подобно едкой алхимической кислоте, разъедает суставы, отделяя голень с копытом от колена, бедро – от торса или локоть – от предплечья.

Но по-прежнему ни единого стога, ни единого крика; козлоногие наступали в полном молчании, бестрепетно расставались с жизнями (или с её подобием, что даровало им – якобы даровало! – заклать Нерга). Ни одна армия мира не выдержала бы такого, даже легионы Империи – пусть горстка, но нашись бы такие, кто повернул бы, не в силах смотреть в лицо верной смерти, которую вдобавок не пронзишь пилумом, не проткнёшь мечом и не отшибёшь с дороги щитом.

Калеки тем не менее упрямо ползли, отталкиваясь культиями, многих туман скрыл с головой, и безногие, безрукие туловища продолжали корчиться и биться, пока не распалась зелёной гнилью шея и рогатая башка не катилась прочь, по-прежнему тупо таращась на мир выпуклыми буркалами, хотя глазам-то следовало бы выгореть первыми.

Толковый командир, конечно же, отдал бы приказ любой ценой гасить тлеющие мешки с травами, отступил бы, постарался бы обойти гибельную мглу; но у козлоногих, похоже, никаких командиров не имелось в принципе. Люди Империи сражались не с мыслящим противником; нет, они сошлись в поединке со слепой мощью стихии, лишь волей чародеев Всебесцветного Ордена облачённой в эту уродливую плоть.

– Мой Император, они не остановятся, – вполголоса проговорил Клавдий.

Правитель Мельина помедлил, потом резко кивнул, соглашаясь. Помедлил – потому что признавать поражение всё равно оказалось непереносимо больно.

Сизый дым от тлеющих трав, дым, подавляющий магию, тоже не решил исход боя. Да, он превратил всё поле перед частоколом в картину из ночного кошмара – десятки тысяч тел, шатающихся, спотыкающихся и валящихся, с оторванными конечностями, с кровью, хлещущей из свежих ран; пар смешивался с сизым дымом, и «последний аргумент императоров» оседал, рассеивался, словно пролитая кровь врагов жадно впитывала его в себя; погибшие открывали путь новым и новым шеренгам.

Бой у самого палисада стих; последнего из ворвавшихся козлоногих нанизали на длинные пики гномы Баламута. Но с запада, недрогнувшие, неостановимые, валом валили свежие полки козлоногих; впрочем, какие полки! армии, армады, полчища!

«И нергианец считал, что мы всё это должны перебить?» Император чувствовал, как в нём закипает холодная ярость. Он обещал помощь – она не появилась. Ему требовались человеческие жертвы? Он их получил, потому что в легионах, конечно же, тоже имелись погибшие. Может, всебесцветным на самом деле требовалась гибель всего имперского войска?..

– Мой Император. – Клавдий отсалютовал решительно и без колебаний, не опасаясь потревожить размышления повелителя. – Надо командовать отход, мой Император. Дым сдерживает тварей, но только он. А наши запасы не беспредельны. Когда они прорвутся сквозь завесу, войско...

– Ты прав, – сквозь зубы процедил правитель Мельина. – Командуй отступление, проконсул.

– Поздно, – слабо проговорила вдруг Сежес. Чародейка успела прийти в себя. – Поздно. Сейчас они...

– Кер-Тинор, проследи, чтобы почтенная Сежес была со всеми удобствами препровождена в безопасное место, – проигнорировал слова волшебницы Император. – Отход, Клавдий! Общий отход! Сигнал Баламуту – им встать в арьергард, прикрывать стрелков. Все запасы трав – в дело! Первым отходит левое крыло, затем правое, потом центр. Всё ясно? Выполнять!

Никому не требовалось повторять императорские приказы дважды.

Вошедшие в раж гномы разразились негодующими воплями, не желая отходить.

– Да мы ж только приноровились! – орал Баламут, потрясая топором. – Брюх, считай, вскрыли всего ничего! Да мы тут год простоим, если надо!

– Вот и хорошо, прикроете отступление, – терпеливо пояснял императорский посланец, совсем ещё молодой третий легат. – Лучникам нужны ваши щиты, почтенный гном, иначе...

– А, ну тогда другое дело, – ворчливо согласился тот. – Эй-гей, *Suuraz Ypud*! Гномы Молота и Василиска! Дело сделано, отходим! Строй не нарушать, пики наготове! Люди за нашими спинами укроются, – не удержался он от колкости.

Легат только хмыкнул. Пусть говорят – лишь бы войско прикрыли. А без тех же лучников и «сбора Сежес» так называемый «непобедимый хирд» простоит ровно столько, сколько потребуется козлоногим, чтобы завалить его собственными мёртвыми телами.

Легионы отходили от частокола, оставляя позади одних лишь велитов, без устали посылавших за палисад целые рои стрел с привязанными к ним дымящимися пучками трав. Сизый дым по-прежнему плавал над полем, по-прежнему сдерживал рвущуюся вперёд орду, но его пелена становилась всё тоньше и тоньше. Немного времени потребуется козлоногим, чтобы окончательно прорваться сквозь укрепления.

– Мой Император, – не выдержал Клавдий, когда мимо них размашистым боевым шагом промаршировал уже третий легион. – Остаться здесь неблагоразумно, мой Император.

– Знаю, – правитель Мельна едва разжимал губы. На скулах играли багровые пятна. – Но первым я отсюда не побегу.

Хирд Баламута тем временем раздвинул ряды, раздался в ширину, перекрывая долину, по которой мельинское войско и вышло на эту позицию. За его спиной собирались велиты, обозники торопились раздать стрелы с привязанными к ним пучками «сена».

– Вели тщательно перечесать весь оставшийся сбор, проконсул.

Тот кивнул, в свою очередь сделал знак двум юным легатам.

...И лишь когда последняя манипула скрылась за изломом гряды, а гномы, готовясь к новому бою, заорали нечто совершенно непонятное, ударяя в щиты рукоятями топоров, Император тронул коня.

– Нергианца ко мне, – скомандовал он, и Кер-Тинор едва не замешкался, перед тем как выполнить приказ, – глаза Императора метали молнии, и даже неустрашимый Вольный не хотел бы оказаться сейчас на месте адепта Всебесцветного Ордена.

– Может, отложим до вечера? – заикнулся было проконсул, однако Император только зыркнул на него, да так, что у Клавдия разом отпало всякое желание задавать вопросы.

...Гномы. Велиты. И – небольшой отряд Императора, Вольные-телохранители, имперские конные арбалетчики, Клавдий, злая, как весенняя оса, Сежес, легаты-секретари, порученцы, ординарцы.

Нергианца привели оставленные с ним Вольные. Аcolит держался совершенно спокойно, несмотря на то что ради него никто не стал останавливать отступление и ему пришлось семенить следом за императорским стремением.

– Ты обманул меня. – Правитель Мельна в упор взглянул на бледного адепта. Однако горящий взгляд тот выдержал бестрепетно.

– Повелитель, я не могу словами передать своего разочарования. Для меня, как и для вас, случившееся стало полным сюрпризом. Однако не могу не сказать, что мы, возможно, отступили слишком рано, ведь сейчас ещё...

– Не истёк день?! – Император наклонился с седла, едва подавляя жгучее желание сгresti нергианца за шиворот и от всей души врезать в глумливо кривящиеся губы тяжёлым

латным кулаком. – Ты не видел, что творилось на поле, нергианец?! Если б не дым, нас бы уже смели. Ни мечи, ни магия их сегодня бы не остановили. Этот дым – единственное, что нас спасло. Что спасло армию. Мы сможем дать ещё один бой – но не раньше, чем подоспеет твоя *помощь*, – с нескрываемым сарказмом закончил владыка Мельина. – Второй раз никто не поверит тебе на слово, адепт бесцветного Нерга.

– Мой Император, я немедленно запрошу...

– Запроси, – бросил тот в лицо нергианцу. – И немедленно. И молись всем богам, в каких только веришь, чтобы объяснение меня удовлетворило. Иначе я буду считать тебя, самое меньшее, предателем. А самое большее... впрочем, тебе хватит и меньшего. И, уверяю тебя, хватит с лихвой.

В Императоре вновь оживала былая ненависть к Радуге – как в начальные часы восстания, когда под мечами мельинских легионеров упали первые чародеи.

– Мой Император, моя жизнь в твоих руках, и, если моя смерть удовлетворит...

– Кто говорит о смерти? – резко вмешалась Сежес. – Молю, повелитель, молю на коленах – отдайте мне этого негодяя. Ручаюсь, смерть тогда покажется ему величайшей милостью и великим избавлением. – Чародейка усмехнулась. – Постараюсь оправдать легенды о моей кровожадности.

– Мне не нужна твоя смерть, нергианец. Мне нужна победа. Я хочу говорить с твоим Орденом, говорить не с тобой, марионетка, а с твоими командорами. Пусть они дадут мне ответ. Я дал вам просимое. Теперь требую, чтобы вы исполнили свою часть.

– Повелитель, как только войско остановится...

– Немедленно! – голос Императора хлестнул, словно сыромятный бич.

– Я не смогу, – уныло понурился нергианец.

– Ты, между прочим, обещал мне кое-что перед боем, – напомнил Император. – Освежить твою память?

– Я пытался услышать стоящих во главе моего Ордена, – запинаясь и краснея, принялся оправдываться аколит. – Но ответ их оказался смутен и неясен, я не смог разобрать ни единого слова. А потом твои доблестные воины, повелитель, пустили в ход *это*, гасящее магию, – и все мои попытки преодолеть заслон оказались тщетными. Нынче вечером я попытаюсь снова.

– Быть может, – усмехнулся Император, – тебе поможет тот факт, что, если и вечером я услышу от тебя ту же историю, твоей судьбой распорядится достопочтенная Сежес.

– О, спасибо, спасибо, мой Император! – злорадно откликнулась чародейка и промурлыкала, обращаясь к нергианцу: – Тебе у нас понравится, мой дорогой.

Аколит хладнокровно пожал плечами.

– Мой Император, умоляю тебя о снисхождении и прошу не действовать второпях. Я – официальный посол Всебесцветного Нерга, и потому...

– Все аколиты Нерга, – ровным голосом сообщил правитель Мельина, – являются не кем иным, как моими подданными. Надеюсь, до сих пор с приставкой «верно». И, как мои подданные, они никак не могут считаться послами, на коих распространяется древний закон о дипломатической неприкосновенности.

– Повелитель, я...

– Ты получил последнюю отсрочку, нергианец. Советую постараться и не кормить меня больше лживыми обещаниями. – Император дал шпоры коню. – Кер-Тинор! Глаз с него не спускать. При попытке... сам знаешь чего – просто зарезать, быстро и без колебаний.

– Смерть не страшит меня, повелитель Мельина.

– Возможно. Однако она потешит меня и возвеселит моих воинов, не дождавшихся сегодня обещанной тобою помощи.

– Возможно. Однако повелитель и его воины возвеселятся куда больше, получив эту самую помощь, – с неожиданной дерзостью парировал нергианец.

– Ты забываешься, смерд! – не выдержал Клавдий. Кер-Тинор, похоже, разделял его чувства – острие сабли Вольного замерло возле самого горла адепта всебесцветных.

– Нет нужды, проконсул. Пусть говорит что хочет, он сейчас от великого ужаса сделался несколько храбрее обычного. Так и заяц порой бросается на медведя. Ты понял меня, аколит? – Император взглянул тому прямо в глаза. – Я жду до вечера. После этого – пеняй на себя.

Нергианец лишь молча поклонился. Губы его кривились, и не поймёшь, то ли дрожали от ужаса, то ли он старался сдержать ядовито-ехидную ухмылку.

* * *

Сеамни открыла глаза. Она знала, что это случилось и ранее, но не так, как сейчас. Тогда её веки поднимались, словно крепостные ворота, распахнутые предателем перед вражьим натиском; веки поднимались, давая дорогу иссушающим, обессиливающим кошмарам, и Сеамни Оэтаканн, бывшая Видящая народа Дану, точно знала, откуда они исходят.

Белая Тень. Враг, побеждённый Гвином там, на дне Разлома, в мире под названием Эвиал, так похожем и непохожем одновременно на её родной Мельин. Тень или, вернее, её хозяева вновь тянули лапы к Сеамни, она вновь потребовалась им, правда, уже для чего-то нового. Для чего – Дану понять не могла, как и не понимала, откуда в ней эта уверенность. Наверное, так стоящий по колено в реке человек тщится описать словами свои ощущения другому, рождённому в жаркой пустыне, где вода – драгоценность, куда не ступают ногами. Сеамни именно «стояла по колено» в эманациях Белой Тени, вновь выползших из Разлома.

Почему-то она им очень важна. Одна-единственная из всех Дану этого мира. Почему?..

Ответ напрашивался сам собой. Потому что только она, одна-единственная из всех Дану этого мира, получила власть над Иммельсторном, оружием отмщения своей расы. Попадал он в руки и других, например, Седрика – но овладела Деревянным Мечом только она, Сеамни Оэтаканн.

Сейчас же её открытые глаза означали торную дорогу для посыльных врага: незримая конница врывалась через бреши глаз в сознание, помрачая его, орды хищных мародёров алчно рылись в её памяти, несмотря на все усилия Дану остановить и отбросить их. Не получалось. Козлоногие твари шли торжественным маршем сквозь неё, а она не могла пошевелить даже пальцем ни в настоящем мире, ни здесь, в обители кошмаров: дрожащая нагая пленница, отданная на поругание распалённым насильникам.

Так же как отданные тобой на муки и смерть от рук Дану бывшие сотоварищи по цирку господ Онфима и Онфима: Троша, Нодлик, Эвелин, Таньша...

Ты не отличаешься от нас, твердили бесчисленные и бесплотные голоса. После тебя на имперских землях осталась кровавая борозда, что зарастёт ещё ой как не скоро. Ты сама впустила нас к себе, дочь Дану.

«Лжёте!» – пыталась она кричать, но слова застревали в горле, и она давилась ими, задыхаясь в жестоком кашле. Давилась, потому что знала – призраки не лгут, откуда бы они ни явились и какому бы чудовищу ни служили.

Она действительно прошла по Империи огнём и мечом. Невеликий отряд Дану обрёл в том походе истинную неуязвимость, а его враги, напротив, валились ему под ноги соломенными куклами, на которых новобранцы легионов отрабатывают приёмы с мечами и копьями. Она встретила Гвина, сошлась в бою с имперской армией... и оказалась в объятиях своего смертельного врага. Она дала ему имя. А потом...

А потом была Свилле. Неприметная речушка в восточном пределе великого государства, где железные когорты Василиска вдребезги разбили самонадеянные конные тысячи Семандры. Битва, в которой аколиты Слаша Бесформенного попытались совершить небывалое – вызвали в реальный мир, под яркое солнце то, что сказители поименовали бы «порождением ужасной бездны», «тварью из заокраинного Мрака».

Демон, как сказали бы слуги Спасителя. Othari, на языке Старших эльфов, «невозможное, возбранённое, запрещённое всем и вся». Othagiri, на её, Сеамни, родном наречии, где это слово означало уже совершенно иное: «страшное, ужасное, неодолимое». Однако значение «невозможное» ушло. Дану отвергали запреты старших братьев.

Отагири, демон. Почти что неуязвимый и непобедимый. Однако – именно «почти что». Она, Сеамни Оэтаканн, победила. Победила именно памятью Деревянного Меча. Она на миг словно бы сама сделалась настоящим Иммельсторном; она видела и запомнила каждый миг размаха незримого клинка, запомнила хруст, с которым лезвие вспарывало плоть отагири; запомнила запах его ядовитой крови, запомнила торжество ликующего меча, торжество, очень схожее с тем, что испытала, когда самолично терзала и мучила обливающегося слезами Трошу, до последнего умолявшего свою былую любовь Агату «не делать этого», просившего «ну убей уж меня тогда быстро!», а потом, напоследок, когда кровь уже струилась ему по паху и бёдрам, внезапно выпрямившегося, насколько это позволяли путы, и плюнувшего ей в лицо.

Плевок пресёк наслаждение. Очутиться на грешной земле, оказаться вырванной из опьяняющей кровавой грёзы оказалось выше сил Видящей.

Наверное, он надеялся, что, оскорблённая, она прикончит его одним ударом. Он ошибался. Золотистый свет, заполнявший взоры и души тех, кто следовал за волей Деревянного Меча, подсказывал совсем другое.

Поэтому Троша умер последним. Умер в таких мучениях, что Дану даже сейчас не способна была признаться себе, что сотворила подобное. Как и признаться в том, что никогда, ни до, ни после, не ощущала такого жгучего, острого, небывалого наслаждения.

И только ночи с Императором, с её Гвином, могли с этим сравниться. Он умел заставить трепетать каждую её жилку; ей нравилось подчиняться, играть, завлекать его, с тем чтобы потом в один миг превратиться из шаловливого котёнка в разъярённую тигрицу.

Сеамни осторожно села. Походный возок правителя Мельина. Мягкая постель, из-за обитых кожей стен – скрип колёс, лошадиное фыркание, время от времени – короткие реплики охранявших её Вольных.

Армия находилась на марше. Куда, зачем, почему? Сколько она, Сеамни, пробыла без чувств, вернее, во власти совершенно иных чувств? Легионы в походе – наверное, наступают на Семандру, идут к Селинову Валу?.. Скорее, скорее прийти в себя. Узнать...

Дану поспешно откинула одеяло, спустила ноги с лежака. Одежда – вот она, привычные в походах порты, широкие сверху, зауженные книзу, мягкие сапожки чуть пониже колена, рубаха, короткая куртка, ремень.

За стенами возка вдруг сделалось как-то подозрительно тихо, а затем голос кого-то из Вольных осторожно проговорил на старом, общем и для Дану, и для эльфов, и для Вольных языке:

– Госпожа? С вами всё в порядке?

– Я... – начала было Сеамни и едва не поперхнулась. Гортань словно бы разучилась произносить звуки. – Я... Кто тут? Кто со мной?

– Кен-Сатар, госпожа, – немедля отозвался Вольный. – Старший десятка. Чем я могу услужить госпоже?

– Пошлите весть... – Она по-прежнему кашляла, хрипела и запинаясь. – Пошлите весть его императорскому величеству, что я прошу допустить меня перед его очи.

– Это будет сделано немедленно, – Вольный уже овладел собой; голос его звучал совершенно бесстрастно.

– Благодарю, – отозвалась Сеамни.

Она увидит его. Своего Гвина, которому она подарила имя. Подарила имя... саму себя, всю целиком, но этого мало. Она... она... должна... Тень. Белая Тень. Второй раз *они* её не получают, только мёртвой... Мысли путались, стенки возка вдруг поплыли перед глазами.

Она должна. Что-то очень важное, куда важнее собственной жизни или даже жизни Гвина. Важнее её собственного народа, важнее матери, которая до сих пор должна быть жива, как говорили Дану её собственного отряда; она повела бы его против Империи и добилась победы, полной и всеобщей, если бы не эти проклятые подземные недомерки со своим Драгниром...

Сеамни ощутила внезапный приступ знакомой дурманящей ярости и впервые, наверное, по-настоящему испугалась.

Она чувствовала нечто подобное, находясь во власти Деревянного Меча. Былая Видящая народа Дану *вспомнила* Трошу, вспомнила, каково это было – когда тебя охватывает аура непобедимого Иммельсторна; сейчас же пришло само это чувство.

Да, она ненавидела. Ненавидела всех: Империю, людей, гномов, даже Старших эльфов – всех, кто мог оказаться у неё на пути. Такова цена победы, и Дану были согласны заплатить её; но почему всё это вернулось сейчас? Или ту же цену ей приходится платить уже за победу над отагири?

Сеамни вдруг почувствовала, как затряслись пальцы, на плечи словно бы накинули ледяное покрывало.

Деревянный Меч никогда не отпускает тех, кто хоть раз взял его в руки и по-настоящему поддался его власти. Золото, богатство, драгоценности – ничто по сравнению с властью праведной ярости и ощущения непобедимости. Уверенности в том, что творишь правое дело и, какие бы потоки крови ни пролились по твоему слову или жесту, ты окажешься прав и неуязвим.

Сеамни колотил жестокий озноб. Одни кошмары, похоже, сменялись новыми. Её глаза открыты уже по-настоящему, они больше не пропускают в её сознание безумные конные сотни кошмаров слепого беспамьяства; но на выручку к осаждающим уже спешат новые.

Кошмары недавней памяти. В конце концов Белая Тень похитила её, Сеамни ничего не могла сделать, пока Гвин не пробился на выручку; но, с Деревянным Мечом в руке, она была свободна, совершенно, абсолютно свободна, свободна, как никогда в жизни.

И что она сделала со своей свободой?

Её сотрясло рыдание, сдержать которое она уже не сумела.

– Госпожа? – Кен-Сатар тотчас заподозрил неладное.

Сеамни даже не успела отозваться.

Затопали копыта, кто-то резко скомандовал: «Дорогу!», и сердце Дану затрепетало бьющейся в силках птахой.

Гвин здесь. Как быстро...

Дверца возка распахнулась, кто-то рванул её так, что едва не сорвал с петель.

Гвин. В чёрных доспехах с царственным василиском на груди, заляпанных грязью, слипшиеся волосы почти достигают плеч, и красные от бессоницы глаза, глубоко запавшие, но яростные, как и прежде.

Плоть могла ослабеть, не дух.

– Гвин... – выдохнула она, падая ему на грудь, словно простая деревенская девчонка.

– Ты... Тайде, ты...

– Всё хорошо. Всё хорошо, – бессмысленно-счастливо повторяла она, прижимаясь к жёсткой стали нагрудника.

Он вдруг резко отстранился.

– Ты похудела...

– Гвин... какой сегодня...

– День? – Он невесело усмехнулся. – Десятое число Месяца Листьев. Весна прошла, Тайде, наступило лето. Ты пробыла без сознания...

Сеамни ойкнула.

– Ну да, долго, – кивнул Император, освобождаясь от доспехов и осторожно усаживая Дану к себе на колени.

– Расскажи мне, что было? Где мы сейчас? Тогда, на Свилле, я...

– ...убила вызванную аколитами Слаша тварь.

– Да, я помню... это помню. Что потом? Где мы сейчас?..

Они говорили разом, ежесекундно перебивая друг друга.

– На западе. Отходим от Разлома по Полуденному тракту. Была битва. Битва с козлоногими. Мы... – Он запнулся, и по сердцу Тайде словно прошлись ржавой иззубренной сталью.

– Мы разбиты? – с ужасом выдохнула она.

– Мы-то? – Император как-то по-особенному сжал губы и косо глянул в сторону. – Нет, не разбиты. Но и ничего не добились. – Его щека непроизвольно дёрнулась, взгляд оледенел.

– Я ужасно долго провалялась, верно? – с раскаянием проговорила Сеамни. – Гвин, я...

– Ну и глупости же ты несёшь, данка! – фыркнул он.

– Я помню тварь на берегу... как её убила. А потом – ничего...

– Потом ты пробыла без сознания много недель, – сумрачно ответил Император. – Тарвус остался на Суолле, а мы двинулись на запад, потому что пришла весть о тварях, поваливших из Разлома. Потом... – Он рассказывал о битве на Ягодной гряде, о Сежес, о её «травяном сборе», о появлении нергианцев, предложенной сделке и – излечении.

И только о своей собственной руке, едва не отправившей его в могилу, Император умолчал.

Тайде слушала, затаив дыхание и прижав кулачки к щекам.

– И вот мы здесь, – угрюмо закончил правитель Мельина. – Да, Сежес сказала правду. Её травы и впрямь помогли. Нерг – предал, мы не получили никакой помощи. Армия несколько оторвалась от наседаящих бестий и сейчас на пути в Мельин. Позицию жаль, хорошая была; ну да ничего, можно построить новые палисады и новые рвы выкопать, но главного это не изменит. Как сражаться с океанским валом? С катящейся лавиной или налетающим штормом?..

– Магией, – тихо, но твёрдо ответила Сеамни.

– Сежес попыталась, и, клянусь Берегом Черепов, это была славная попытка. Я думал, её пламя проделает нам тут второй Разлом. Без толку. Их слишком много.

Девушка-Дану слабо улыбнулась, провела кончиками пальцев по заросшему щетиной подбородку Императора.

– Колючий... меня нет, кто тебя заставит каждый день бриться?..

– Что-что?! – опешил Император.

– Я имела в виду не просто магию. А магию крови, – прежним спокойным и даже безмятежным голосом проговорила Дану. – Нерг не зря домогался у тебя права на жертвоприношения. Могущественнее магии крови в нашем мире ничего нет. Даже Хозяин Ливня был... в общем, не смог бы с нею совладать. И... Гвин, меня ведь вылечил адепт Нерга? Скажи, как он это сделал?

Правитель Мельина поколебался.

– Да, всебесцветные приносили человеческие жертвы, – мрачно и нехотя сознался он. – Только так они смогли вытащить тебя из этой бездны. По-другому не получалось ни у кого.

– Кого же... – голос Сеамни дрогнул, – кого же они принесли в жертву?

– По счастью, никого из моих несчастных верноподданных. В расход пустили захваченных аколитов Слаша Бесформенного. Не надо, Тайде, не надо!.. Это война, а они – наши враги. Смерть каждого из них приближает нашу победу. И неважно, погиб ли неприятель на поле брани или же так, как эти. Надо сказать, пользу из их смертей мы извлекли несравненно большую. И не вздумай себя за это корить! Была б ты... другой, я просто придумал бы красивую сказку. Но ты – это ты. Это и ты, и я. Врать себе – последнее дело, Тайде, а врать тебе, даже во спасение – получается, что я вру сам себе.

– Я не корю, – прежним еле слышным шёпотом. – Просто... долг уж больно велик. Не знаю, смогу ли когда отдать...

– Ты о чём? – Он быстро взглянул ей в глаза, сощурился, понимая. – Иммельсторн. Твой поход. Опять?..

Она кивнула. Император лишь досадливо крикнул.

– Ты была не в себе. Это вообще не ты была! Кукла Деревянного Меча. Он это всё делал, не ты!

– Ты хороший, – серьёзно сказала Сеамни. – Я резала твоих подданных, убивала и мучила и... нет, не перебивай! – и получала удовольствие. Даже нет, не так. Радость, счастье, вершину блаженства. Это была я, Гвин. Я помню каждый миг, каждый крик. Каждую каплю крови, я...

– Хватит, Тайде, – потемнел Император. – Минувшего не переделать. Зато ты можешь помочь живым. В отличие от мёртвых им ещё можно помочь. Забыла волков?

– Что волки... мелочь, Гвин. Они вон, убрались и носа не показывают, бедолаги. Твари Разлома их тоже не пощадят.

– Будет, будет, Тайде! Ты очнулась. С тобой всё в порядке. Мы вместе. – Он схватил её за плечи, взглянул в миндалевидные глаза. – Пока мы живы – будем жить. А когда придёт время умирать – умрём весело, в бою, окружённые срубленными врагами. Не горюй, слышишь? Императорским приказом запрещаю тебе предаваться печали. За нарушение – порка. Понятно?

Она улыбнулась, погладила его по волосам. Хороший. И глупый, как все мужчины, неважно, люди, Дану, эльфы или, скажем, гномы. Главное – красиво умереть, а всё остальное... Он ведь всегда был таким. И когда шёл против всей мощи непобедимой доселе Радуги, и когда бросался в Разлом за нею, своей Тайде.

Он не знает и никогда не узнает, какой на ней долг. Его не терзали кошмары, и он не выносил приговора сам себе. Он – делал, свершал. Потому что знал – остановись он и предайся меланхолии по поводу того, куда рухнула Империя после его (и ничьего больше!) решения ударить по Радуге, – завтра от Мельинской державы не останется даже воспоминаний.

– Я сегодня приду к тебе, – не терпящим возражений тоном заявила Сеамни. – И всё будет хорошо. А теперь иди, до вечера ты принадлежишь войску, не мне.

* * *

Наступил вечер, прокрался неслышно, как убийца из Серой Лиги. Закат утонул в мрачных тёмных тучах; очистительное пламя задохнулось в дымно-серых клубах. Облака пролегли от края и до края небосклона, необозримые, словно само воинство козлоногих.

Император заметил нескольких служителей Спасителя – в грубых рясах, подпоясанные вервями, они шли рядом с legionерами.

– Что они тут делают, проконсул?..

После Мельинской битвы, когда едва не случилось Второе пришествие Спасителя, Церковь впала в какое-то оцепенение. Простые священнослужители, как могли, помогали

простому люду – лучшие из них, разумеется; но вся верхушка, архиепископ и его присные хранили полное молчание. Ни энциклик, ни эдиктов; ни слова по поводу войны с Семандрой; и касательно Разлома паства тоже ничего не услышала.

– Прибились, мой повелитель. Несут слово утешения, как я слышал.

Император приблизился. Молодой священник горячо втолковывал угрюмо шагавшим и едва косившимся в его сторону легионерам:

– А землю надо защищать, потому что каждый из нас сейчас слуга Спасителя, воин Его и рыцарь, и, когда явимся на Его суд, все воссядем рядом, все, кто пал, Мельин обороняя...

– Это ладно, это пусть, – снисходительно кивнул Император. – Что там у нас с Нергом, Клавдий? Кажется, уже вечер. Не пора ли нанести визит нашему загостившемуся посланнику?

– Я бы позвал Сежес, мой император. Как и было обещано всебесцветному.

– Распорядись, проконсул.

...Нергианца везли на отдельной телеге, не пожалев тягловых лошадей для важного гостя или, вернее будет сказать, пленника. Адепт Всебесцветного Ордена сидел, скрестив ноги, на вытертом одеяле. Перед ним на бронзовом треножнике покоился уже виденный Императором мутноватый кристалл.

Двое подручных нергианца сидели подле, равнодушные и безучастные, словно неживые.

– Твоё время вышло. – Император осадил коня возле повозки. – Я сказал, что жду до вечера. Иначе... – Он выразительно кивнул в сторону Сежес, как раз подскакавшей с эскортом Вольных.

– Мой Император, – поклонилась запыхавшаяся чародейка. – Могу ли я, ничтожная слуга ваша, рассчитывать, что...

Нергианец медленно поднял взгляд – неторопливо и с достоинством, подобно кобре на ярмарке, подчиняющейся флейте заклинателя. Разница крылась лишь в том, что всебесцветный был сам себе и змея, и заклинатель.

– Моё время никогда не выйдет. – Он уже не трудился присовокуплять положенное «мой Император».

– Меня не интересует софистика, всебесцветный. Я задал тебе вопрос. Пришла пора на него ответить.

– Начальствующие братья не сочли это достойным своего внимания. – Чародей невозмутимо пожал плечами. – Не мне обсуждать их высокие решения.

– То есть обещанной помощи не будет?

– Ты бежал с поля боя, владыка Мельина, не имея веры в слово Нерга. Но мой Орден готов выполнить своё обещание. Тебе надо остановиться и дать настоящий бой. Настоящий, когда ты не станешь сберегать жизнь всех и каждого в твоих легионах.

– И тогда, – губы Императора презрительно ухмыльнулись, – Древние Силы в самом деле придут к нам на помощь.

– Да, – без тени улыбки подтвердил нергианец. – Древние любят кровь. Много крови. Людской.

– Знакомая песня. – Император сдвинул брови. – Что ж, ты сам выбрал свою судьбу, адепт Всебесцветного Ордена. Сежес! Он твой. Остальных – охранять неусыпно.

– Благодарю многомилостивого повелителя! – многообещающе улыбнулась волшебница. – Заворачивай телегу, возница! Придётся старушке Сежес вспомнить всё, чему учили в орденской школе...

Император не стал дослушивать, тронул конские бока каблуками. Как всегда молчаливые, Вольные последовали за ним.

* * *

Армия Мельина почти не останавливалась для привалов. Угрюмые, покрытые пылью легионеры шагали, не оборачиваясь назад. Там остались гномы, несколько сотен лучников-велитов, они сдерживают козлоногих тварей. Но сколько же отступать и до какого рубежа? Когорты почти не понесли потерь; но все, и седые ветераны – триарии, и зелёные новички-рорарии, знали одно – они проиграли. Войско спасено, но козлоногие наступают, и остановить эту напасть – куда труднее, чем справиться с Семандрой или баронскими ополчениями.

И сколько придётся теперь отходить? А главное, докуда? Что изменится, если легионы отмеряют ещё десяток, полсотни или сотню лиг?

За собой войско Мельина оставляло безжизненную пустыню. Все, ещё остававшиеся в этих землях, пахари и горожане, чёрные и благородные сословия, все и вся уходили с армией. Не отставали от людей и вечные их спутники – кошки с собаками; оборачиваясь на запад, псы выли, коты яростно шипели, выгибая спины, – они острее и людей, и собак чувствовали, *что* же именно надвигается с заката.

Шли, тащили за собой упирающуюся скотину. Толкали тележки с немудрёным скарбом; обычная картина людского горя и бедствий, уже месяц раздиравших Мельин.

– Не оставляйте им ничего! – привставая в стременах, не раз и не два повторял Император сбегавшимся к войску перепуганным обывателям. – Уходите, уходите все до одного! Это вам не бароны и не Семандра. Их не пересидишь, не переждёшь. Уходите!

И они уходили. Не все – молодых и не очень мужчин ставили в ряды легионов. Хочешь не хочешь – а иди служи.

Конные дозоры, что ни день, приносили вести – козлоногие двигаются всё дальше и дальше, растекаясь, подобно весеннему половодью. Что творилось там, где они прошли, никто ничего не мог сказать.

Ночи Император проводил с Тайде. Спать не могли ни он, ни она.

Как остановить хлынувшую из Разлома нечисть?..

– Ты говорила о магии крови? Сегодня о ней вспомнила Сежес. Её ученики и подмастерья работают не покладая рук, готовя эту смесь трав, но, чтобы остановить вторжение, этого, конечно, не хватит. И у нас совершенно не осталось времени. Сколько ещё отступать?..

– А чего ты ждёшь, Гвин? – Сеамни приподнялась на локте. – Знака свыше, что надо остановиться и дать бой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.